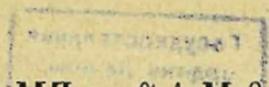

Р 19
С. 2118

ЗАПИСКИ

0

ГОРОДСКОМЪ САМОУПРАВЛЕНІИ

АЛЕКСАНДРА НОВИКОВА

бакинскаго городского головы.

ЦѢНА 1 РУБ.

30520

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1904.

Посвящается

Марку Андреевичу

Натансону.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
I. Пресса и общественная жизнь	1
II. Работники общественных самоуправлений	5
III. Мѣстные люди и національный вопрос	11
IV. Муниципализация городских предприятий	18
V. Муниципализация торговых предприятий	24
VI. Волокита въ городских хозяйствахъ	29
VII. Дума	34
VIII. Гласные	40
IX. Думскія засѣданія	44
X. Общественная дѣятельность	49
XI. Городская управа	56
XII. Коммисіи	62
XIII. Непонятное совмѣстительство	70
XIV. Городской голова	73
XV. Смѣта	77
XVI. Оцѣнки	82
XVII. Статистика	88
XVIII. Канцелярія	93
XIX. Вухгалтерія	99
XX. Обязательныя постановленія	104
XXI. Пенсіи	110
XXII. Печатный органъ	116
XXIII. Губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе	121
XXIV. Низшее народное образованіе	126
XXV. Среднія учебныя заведенія	133
XXVI. Основы общественной медицины	139
XXVII. Ближайшія задачи общественной медицины	147
XXVIII. Санитарія	153

	СТРАН
XXIX. Больницы	159
XXX. Воспитательные дома	165
XXXI. Ветеринарная часть	170
XXXII. Благотворительность	176
XXXIII. Вода и канализация	182
XXXIV. Мостовыя и пути сообщенія	188
XXXV. Освѣщеніе, отопленіе и телефоны	194
XXXVI. Строительная часть и квартирныи вопрось	201
XXXVII. Городскія земли	207
XXXVIII. Пожарная часть и страхованіе	214

I.

Пресса и общественная жизнь.

Припоминается мнѣ гдѣ-то прочитанный рассказъ изъ китайской жизни: захотѣлось богдыхану узнать, чѣмъ интересуется народъ его, и вотъ поручилъ онъ министру своему освѣдомиться объ этомъ и ему доложить. Приходитъ министръ и докладываетъ, что всюду ругаютъ Лянъ-Чу, гусяра, и ругаютъ за пустяки, за фальшивую ноту, за слишкомъ грустный или за слишкомъ веселый выборъ пьесъ...

Удивился богдыханъ... Лянъ-Чу былъ его любимый гусярь.— Самъ переедѣлся и побывалъ всюду: въ церквахъ, въ общественныхъ собраніяхъ, на базарахъ. Всюду ругали Лянъ-Чу. Богдыханъ вернулся и велѣлъ его позвать.

— Знаешь ли ты, Лянъ-Чу, за что тебя народъ ругаетъ?

— А кого же имъ ругать, о, сынъ неба! — отвѣчалъ Лянъ-Чу. — Сановниковъ, учителей, проповѣдниковъ ругать ты не позволяешь. Вотъ на меня все и набросились.

Но богдыханъ былъ человекъ справедливый—онъ запретилъ и Лянъ-Чу ругать.

Общественное управленіе, земское и городское, играетъ у насъ роль Лянъ-Чу. Многое нельзя обсуждать въ газетахъ по причинамъ, отъ прессы не зависящимъ; частную жизнь обсуждать тоже нельзя: не принято, да и не интересно. Остается самоуправленіе: и стоитъ-то его критиковать, и позволено. И допа-

даетъ же ему отъ самыхъ серьезныхъ академическихъ журналовъ и газетъ до юмористическихъ и уличныхъ включительно, всѣ наполнены главнымъ образомъ обсужденіемъ, критикой, часто восхваленіемъ, еще чаще руганью земствъ, думъ, управъ, а то и отдѣльныхъ гласныхъ и дѣятелей самоуправленій.

Во Франціи про муниципалитеты пишутъ рѣже — охотятся за болѣе крупною дичью.

И въ этой охотѣ дошли до виртуозности!

Я говорю фигурально. Охотятся-то собственно за читателями, а приманкой служатъ дѣятели.

Возьмите какой-нибудь *Intransigent*. Ропшфоръ (вѣдь крупный общественный дѣятель, крупный писатель и талантъ) ругается какъ извозчикъ, причемъ ругаетъ самыхъ видныхъ дѣятелей республики! Да какъ ругаетъ! клевететь на нихъ, выдумывая и коверкая факты.

И странное дѣло, пока однихъ ругаетъ одна партія, а противниковъ ихъ другая партія, все идетъ какъ слѣдуетъ и ругань и клевета пристаётъ къ нимъ, какъ къ стѣнѣ горохъ... На то они и дѣятели, чтобы ихъ ругали. Дѣйствіе вызываетъ противо-дѣйствіе, ругань—защиту. Но картина мѣняется, когда дѣятель что-нибудь сдѣлаетъ дѣйствительно предосудительное—прекращаются похвалы друзей и ругань противниковъ. Дѣятель сходитъ со сцены — онъ недостоинъ общественнаго вниманія, онъ умираетъ для общества. Такъ было, напримѣръ, съ Клемансо. Его замолчали.

То же болѣе или менѣе замѣчается и у насъ. Наша пресса (чуть-чуть было не перетянулъ на нее эпитетъ французской арміи—великая молчальница, но забылъ, что наша молчальница не велика), наша пресса—говорю я, тоже часто ругается, часто клевететь... Къ сожалѣнію, мы-то относимся къ этому не по-французски и всегда готовы взывать къ городовому.

Это-то и есть великая ошибка наша. Отъ этого и происходятъ гоненія корреспондентовъ, избиваніе редакторовъ докторами и другія уродливыя явленія, такъ часто возмущающія лучшую часть общества. А объясняется все это очень просто.

Мы мало работаемъ (мало развита общественная дѣятельность), мало пишемъ (не умѣемъ, да и не позволяютъ), и выходитъ, что дѣятели и пресса не свыклись между собою и косятся другъ на друга.

Въ Англіи, — беру съ натуры, — писатель отдѣлалъ дѣятеля что называется на всѣ корки и съ номеромъ въ рукахъ летитъ спозаранку къ нему. Тотъ читаетъ и за чашкой чая пріятели обсуждаютъ статью и вызвавшее ею политическое явленіе.

У насъ—писатель (хотя бы напрасно) отдѣлалъ дѣятеля... и дѣятель сучить рукава, а то запасается палкой или даже револьверомъ.

Происходить это у насъ отъ явнаго непониманія значенія прессы.

Въ прессѣ, какъ и во всякомъ человѣческомъ учрежденіи, работаетъ много всякаго люду, хорошаго и дурного, а преимущественно, какъ и вездѣ, средняго. Статьи пишутся соотвѣтственно съ этимъ различно: или чтобы провести идею, иногда великую, или чтобы очернить, оклеветать человѣка, иногда изъ-за самыхъ низкихъ побужденій, большею же частью изъ-за построчной платы.

Шумять, гремѣть больше статьи ругательныя, клеветническія писателей, хотя бы иногда и продажныхъ: такія статьи больше читаются, чѣмъ спокойно написанныя, но сравнивать ихъ можно съ рюмкой водки. Тянутся къ этой рюмкѣ, пьютъ ее съ гримасой, а все-таки пьютъ, платятъ за нее деньги и еще наливаютъ... а на утро кромѣ головной боли не остается ничего.

Оклеветали, молъ, человѣка... и больше ничего. Самому бываетъ сначала, когда не втянулся, досадно, а потомъ ничего—чувствуется, что зло вызываетъ реакцію.

Другое совсѣмъ дѣло — статья объективная, хотя бы и вызванная дѣйствительнымъ зломъ. Чувствуется правда въ ней, хотя бы форма ея была не ругательная. Правда эта колетъ глаза обвиняемому. Голосъ правды звучитъ иногда и не громко, но запечатлѣвается въ умѣ и сердцѣ читателя...

И въ этой правдѣ, остающейся полезной, выдвигающей однихъ и низвергающей другихъ—все значеніе прессы.

Сравните съ золотомъ, съ жемчужинами. Сколько песку надо перебрать, перемыть, чтобы получить фунтъ золота! Сколько раковинъ на днѣ морскомъ надо перебрать, чтобы добыть хорошую жемчужинку! Однако золото—предметъ вождельвія всѣхъ людей, а жемчугъ—украшеніе царичъ.

Преклонимся же предъ прессой—носителницей истины, несмотря на толстый иногда слой грязи. Будемъ помнить, что все добро, которое разлилось въ человѣчествѣ послѣднее столѣтіе, главнымъ образомъ распространялось черезъ прессу.

Въ особенности ярко это проявляется въ дѣлахъ суда. Возьмите у насъ. Дореформенный судъ—безъ гласности—судъ безобразный, несправедливый, безчеловѣчный. Судъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ безо всякаго ограниченія гласности вдругъ поднимается на недосыгаемую высоту. Уменьшается гласность и, увы! меркнетъ постольку и ореолъ суда!

То же и съ общественнымъ дѣломъ. Въ самомъ плохомъ, неорганизованномъ общественномъ учрежденіи понятіе о добрѣ выше, чѣмъ тамъ, гдѣ гласность преслѣдуется.

Попробуйте взять лишній двугривенный, или нарушить право маленькаго человѣка, и онъ запищитъ... и пискъ его услышится прежде всего въ прессѣ... и почувствуется, что пискъ этотъ законный... и исправятся дѣлающіе зло.

Я могу засвидѣтельствовать значеніе прессы, потому что почувствовалъ на себѣ это значеніе и какъ писатель, и какъ объектъ нападковъ. Какъ писателю, мнѣ удавалось добиваться правды путемъ прессы и притомъ въ борьбѣ, казавшейся, охъ! какъ неравной, съ сильными противниками. Въ полемикахъ чувствовалъ часто удовлетвореніе въ томъ, что содѣйствовалъ уясненію правды и, долженъ сказать, что высшаго я наслажденія въ жизни не испытывалъ!

Какъ объектъ обсужденія въ печати, какъ общественный дѣятель, я тоже прошелъ всѣ фазисы. Сначала я реагировалъ на малѣйшее неодобреніе, затѣмъ, когда одобренія, а тѣмъ болѣе

порицанія стали учащаться, я понялъ значеніе тѣхъ и другихъ. Если наступать на здоровую ногу, не больно; наступать на мозоль—больно, и очень. То же и съ прессой: обвинять тамъ, гдѣ ты не виноватъ—часто изъ-за личныхъ мелкихъ побужденій—обвиненіе, хотя бы талантливое, хотя бы ругательное, стечетъ какъ съ гуся вода. Обвинять справедливо, хотя бы вина твоя была невелика—больно, стыдно въ этотъ день въ глаза людямъ смотрѣть! и ты невольно исправляешься!

А потому, да здравствуетъ пресса! Шире ей дорогу въ думахъ и земствахъ, судахъ и департаментахъ, канцеляріяхъ и управахъ, комиссіяхъ и совѣщаніяхъ, вездѣ, гдѣ дѣлается общественное дѣло!

II.

Работники общественныхъ самоуправленій.

Сорокалѣтняя практика нашихъ земствъ и нѣсколько болѣе короткая практика городскихъ самоуправленій выработала различные типы дѣятелей, которымъ, съ одной стороны, принадлежитъ теперь руководство въ общественныхъ учрежденіяхъ, съ другой—выпало на долю произвести тѣ многотрудныя работы, которыя такъ двинули впередъ умственное и матеріальное развитіе городовъ и деревень.

Чѣмъ вызвана кипучая работа этихъ дѣятелей? Особенно ли благопріятнымъ законодательствомъ, сразу намѣтившимъ для самоуправленій лучшихъ людей? или обиліемъ этихъ людей? или особо благопріятными условіями этой работы? Вотъ въ чемъ надо разобраться.

Надо признаться, что земство имѣло нѣкоторыя преимущества передъ городами. Городское самоуправленіе нѣсколько запоздало своимъ появленіемъ, тогда какъ земства открыли свою дѣятельность въ самый благопріятный моментъ общаго подъема духа, сопровождавшаго Великія Реформы. Это было время,

когда всякій, на время забывъ свои мелкіе интересы, несъ на алтарь общественности свой умъ, свои знанія, свои силы. Когда читаешь земскіе обзоры тѣхъ временъ, поражаешься альтруизмомъ людей, принимавшихъ участіе въ преніяхъ. Личнаго „я“ для нихъ не существовало. Была польза общая, благо народа, или, какъ тогда говорили, нужды земли! Среди плеяды дѣятелей земства, увѣковѣчившихъ имя свое, не могу не помянуть съ глубокимъ благоговѣніемъ нашего тамбовскаго Цинцинната, князя Васильчикова, перемѣнившаго на званіе гласнаго постъ военнаго министра! Вотъ какъ смотрѣли тогда на служеніе землѣ! Вотъ фундаментъ, положенный въ основаніе земства!

Благопріятствовалъ подъему духа и составъ собраній. Рядомъ съ княземъ Васильчиковымъ сидѣли священники, купцы, мѣщане и выборные крестьяне, при томъ въ такомъ числѣ, что дворянство могло только культурнымъ, а не численнымъ превосходствомъ завоевать себѣ руководящую роль. И надо отдать справедливость тогдашнему дворянству: оно стало во главѣ земства по праву, по дѣйствительно важнымъ услугамъ, оказаннымъ землѣ.

Затѣмъ идутъ смутные семидесятые годы—реакція появляется въ самомъ земствѣ, единодушіе исчезаетъ, разгорается борьба земли и личнаго кармана, альтруизма и эгоизма, свѣтлыхъ силъ и темныхъ...

Можетъ быть, вѣроятно даже, побороли бы свѣтлыя силы, но тутъ обстоятельства мѣняются: умалается самостоятельность земства; гласные отъ дворянъ получаютъ громадный численный перевѣсъ надъ всѣми остальными; крестьяне (и то больше по назначенію) оставляются въ земствѣ какъ декорація, начинается бѣгство изъ земства прежнихъ работниковъ... Исчезаетъ типъ князей Васильчиковыхъ... наоборотъ, чуть ли не каждый дворянинъ лелѣетъ мечту попасть въ земскіе начальники...

Теперь еще кое-гдѣ земскій огонекъ, въ особенности въ губернскихъ собраніяхъ, вспыхиваетъ хоть иногда, иногда же совсѣмъ потухаетъ и отъ внутреннихъ и отъ внѣшнихъ причинъ...

И что же? Умерло земство? Опустилось окончательно? Прекратилась его плодотворная работа?

Нѣтъ. Не такъ быстро, не такъ энергично дѣлается земское дѣло, но все-таки дѣлается. Какіе бы ни были внѣшніе тормазы и внутренній упадокъ, не остановилось же дѣло земской школы, земской медицины. Очевидно, надо закрыть земство или запретить одну изъ его функций (продовольствіе, статистика), чтобы перестало оно реагировать на требованія жизни.

Постараюсь разобраться въ этомъ. Почему же дѣйствительно дѣло дѣлается, несмотря на низкій уровень собраній? Кто его дѣлаетъ?

Пусть вызываетъ эту дѣятельность жизнь—но гдѣ работники? Кто является исполнителемъ требованій жизни?

Земство ли, сама ли жизнь выработали цѣлые типы работниковъ? Таковыми являются земскій учитель, земскій врачъ, земскій статистикъ, послѣднее время земскій техникъ. Начиналъ такой человѣкъ учить, лѣчить, наблюдать или строить: дѣлался вслѣдствіе отсутствія внѣшнихъ стѣсненій и вслѣдствіе облагораживающаго дѣйствія земли своимъ человѣкомъ для населенія. Попробуйте-ка тронуть съ мѣста такого человѣка! Нельзя! Какое бы ни было земство, хотя бы почти сплошь стоящее противъ всякаго увеличенія смѣты, должно слушаться голоса населенія.

Другіе, сосѣдніе села, волости, районы, видя, что у сосѣдей хорошо, и себѣ начинаютъ требовать людей. И имъ отказать нельзя. Такимъ образомъ движется дѣло даже противъ воли самыхъ земцевъ, часто сговаривающихся передъ засѣданіемъ не уступить и удивляющихся по выходѣ изъ залы, какъ вздулась проклятая смѣта!

Другими словами: жизнь въ искусственныя, тѣмъ болѣе фальшивыя, рамки не всунешь. Это, какъ рожденіе ребенка. Не помогайте родамъ—а ребенокъ все-таки родится, поражая силой своей. Слышалъ я даже отъ деревенскихъ бабокъ, что хорошей, здоровый ребенокъ родится труднѣе, чѣмъ слабый.

Повторяю: въ первыя времена земства дѣло дѣлали земцы,

конечно, не непосредственно, а съ помощью людей, которыхъ привлекли къ землѣ. Затѣмъ картина измѣнилась. Явились препоны внѣшнія и внутреннія. Но та же работа стала производиться не самими земцами, иногда даже противъ ихъ воли, а посторонними, специалистами, сроднившимися съ землей, пришедшимися ей по сердцу и полюбившими ее. Нарождался по-немногу, развился и сроднился съ населеніемъ земли третій элементъ.

И сроднился онъ настолько, что когда дѣлаются опыты его оторвать отъ земли, то это производитъ впечатлѣніе ампутаціи.

И въ другой формѣ работники должны возродиться! Потому что жизни не остановить, какъ не остановить безъ смерти родовъ женщины!

Перейду къ городской жизни.

Городское самоуправленіе родилось позже земскаго. Время было уже менѣе благопріятно. Если еще не началась, то въ воздухѣ уже чувствовалась реакція. Естественно, что при менѣе благопріятныхъ условіяхъ развилась менѣе совершенная организація.

Есть земець, нѣтъ соотвѣтствующаго термина для городского дѣятеля. Разница десяти лѣтъ во времени разработки проектовъ земскаго и городского самоуправленій отразилась на качествахъ самихъ проектовъ. Къ работѣ въ земствахъ было приглашено на первыхъ порахъ все, что имѣло общеніе съ деревней: богатое дворянство, духовенство, купечество и бѣдное крестьянство. Притомъ, земство было совсѣмъ безсословно. Уже впоследствии все это измѣнилось, когда фундаментъ былъ заложенъ.

Въ городѣ сразу обратились къ двумъ сословіямъ (да простятъ мнѣ эти термины): домовладѣльцамъ и крупнымъ торговымъ людямъ. Всѣхъ остальныхъ забыли или преднамѣренно оставили въ сторонѣ: квартирантовъ даже богатыхъ, не говоря уже о безчисленныхъ обывателяхъ, голосомъ которыхъ даже совсѣмъ пренебрегли.

Что получилось? Получилась политика городскихъ центровъ въ ущербъ окраинамъ, отсталость городовъ (даже противъ де-

ревень) въ такихъ дѣлахъ, какъ народное образованіе, отсутствіе такихъ работниковъ, какихъ дало земство...

Итакъ, первая разниа въ жизни городскихъ и земскихъ самоуправленій та, что во второмъ былъ заложенъ болѣе прочный фундаментъ; а безъ фундамента не выстроилось въ городахъ то зданіе, которое оказалось возможнымъ въ деревнѣ. Другими словами, въ городахъ не оказалось тѣхъ безкорыстныхъ работниковъ, которыхъ мы видѣли въ земствѣ.

Но то, что не было посѣяно съ самаго начала, не могло и родиться само собой послѣ, когда къ тому же измѣнились внѣшнія условія.

Земскіе гласные, несмотря на измѣнившіяся условія, все-таки кое-какъ реагировали на желанія жителей деревни, городскіе, болѣе далекіе отъ обывателя и по состоянію и по кругозору, не реагировали, и если что и перепадало населенію, то скорѣе изъ чувства альтруизма, чѣмъ отъ общности и обоюдности интересовъ. А на этой почвѣ гдѣ было народиться третьему элементу? Какъ нѣтъ слова, соотвѣтствующаго земцу, такъ нѣтъ городского учителя, врача, архитектора въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ земскаго учителя, врача, статистика.

Наконецъ, прибавимъ къ этому внутреннія свойства самой среды. Деревня чище города не только воздухомъ, водой, почвой, но нравственной фигурой обывателя, болѣе близкаго къ природѣ, чѣмъ городской. Это послѣдняя, третья причина, почему не развился третій элементъ; почва для него была менѣе благодарна.

Условія продолжаются для городовъ такія же тяжелыя, какъ и для земствъ. Поэтому и теперь еще городамъ предстоитъ работа самообновленія (я говорю про составъ работниковъ), мнѣ кажется, что для этого процесса имъ прежде всего слѣдуетъ взглянуть на земство.

Чѣмъ оно сильно? вѣдь не земскими собраніями, работающими отъ 3 до 7 дней въ году! Не малочисленными, часто неудовлетворительными членами земскихъ управъ. Оно сильно многочисленными самоотверженными тружениками — третьимъ элементомъ.

Очевидно, въ немъ надо искать спасеніе городовъ. Но, вѣдь, есть же у насъ и городскіе врачи, и городскіе учителя, и городскіе статистики. Есть, но разница между ними и земскими очевидна.

Слыхали ли вы про съѣзды городскихъ учителей? или городскихъ врачей? Коли слыхали, то очень рѣдко. А про то, чтобы всѣ врачи, или статистики, или всѣ служащіе города подали протестъ или вышли въ отставку вслѣдствіе несправедливости начальства или вслѣдствіе тормазовъ, встрѣтившихся имъ въ ихъ работѣ? можетъ быть и слышали, но очень уже рѣдко. Между тѣмъ, въ земствѣ это—явленія весьма обыкновенныя.

Не слѣдуетъ ли изъ этого, что земскій работникъ заботится болѣе о дѣлѣ, чѣмъ городской?

Очевидно, надо ободрить городского работника, надо поднять его этику, поставивъ его въ лучшія условія. Чтобы рѣшить, какъ это сдѣлать, обратимся опять къ земству.

Гдѣ тамъ рѣшаются дѣла медицинскія? На медико-санитарныхъ съѣздахъ, куда приглашаются и члены управы, и гласные, и всѣ врачи, служащіе въ земствѣ. Были попытки приглашать фельдшеровъ. И хорошо, коли приглашать и фельдшеровъ и акушерокъ. Въ одномъ московскомъ земствѣ рѣшили на съѣздахъ врачей каждые три года баллотировать всѣхъ. Плохъ—уходи изъ нашей среды. Понятно, какъ при такихъ условіяхъ улучшается качество работы. Поневолѣ и средній человѣкъ начинаетъ увлекаться дѣломъ, а не двадцатымъ числомъ или частной практикой.

То же можно сказать и про съѣзды учителей. Спросите учительницъ, побывавшихъ на такихъ съѣздахъ! Съ какимъ восторгомъ онѣ говорятъ про руководство на съѣздахъ лицъ, составившихъ себѣ этимъ громкія имена въ Россіи? Вотъ какъ поднимается этика среды!

А сплоченность статистиковъ? развѣ это не признакъ тонкаго пониманія собственнаго достоинства? Достоинства человѣка, не имѣющаго съ семьей гроша за душой, кромѣ сторублеваго жалованья?

А есть это у насъ въ городахъ?

А коли нѣтъ, такъ не пора ли подумать о томъ, чтобы было?

Поднимите самосознаніе служащихъ! Устраивайте съѣзды, бесѣды! Будьте требовательны, когда дѣло идетъ о работѣ и благополучіи общаго дѣла, но не требуйте чиновочитанія, поклоновъ. Устройте въ каждой корпораціи товарищескій судъ. Воздѣйствуйте, если сумѣете, на служащихъ этимъ путемъ лучше, чѣмъ непосредственно. И вы поднимете этически уровень цѣлой среды. Вотъ путь къ спасенію, и думаю — другого нѣтъ.

III.

Мѣстные люди и національный вопросъ.

Пишу эту статью подъ вліяніемъ случая изъ моей практики бакинскаго городского головы. Я никакъ не думалъ, что кто-нибудь когда-либо будетъ имѣть возможность упрекнуть меня въ націоналистическихъ тенденціяхъ. Когда я шелъ въ городскіе головы города Баку, я думалъ, что выборъ бакинскихъ гласныхъ остановился именно на мнѣ, а не на комъ-либо иномъ именно потому, что я достаточно доказалъ свою полную невоспримчивость ко всѣмъ, къ сожалѣнію такъ распространеннымъ нынѣ, націоналистическимъ идеямъ.

Такъ я и говорилъ думѣ въ своей вступительной рѣчи, а такъ какъ я ни во лжи, ни въ торговлѣ своими убѣжденіями упрековъ обыкновенно не заслуживалъ, то надѣялся, что этотъ вопросъ для меня окончательно рѣшенъ и что на этой почвѣ мнѣ никакихъ конфликтовъ опасаться нечего.

Между тѣмъ, именно на этомъ проклятомъ вопросѣ я и заслужилъ упрекъ. Я говорю проклятомъ, потому что націонализмъ, всегда соединенный съ дурными чувствами, а слѣдовательно и съ дурными дѣлами по отношенію къ чужимъ народностямъ, я считаю тонкимъ видомъ Каинова грѣха, т.-е. братоубійства.

Положимъ, публично меня націоналистомъ не называли, прикрывая это обвиненіемъ въ томъ, что я избѣгаю мѣстныхъ людей. Но мнѣ доподлинно извѣстно, что за глаза нѣкоторые изъ моихъ противниковъ старались дискредитировать меня въ общественномъ мнѣніи именно на этой почвѣ.

Въ запискахъ общаго содержанія я позволяю себѣ говорить pro domo sua единственно потому, что этотъ вопросъ имѣетъ слишкомъ уже общественный характеръ, указаніе же на частный примѣръ, въ данномъ случаѣ бывшій со мной, можетъ лишь уяснить дѣло.

Повторяю: въ націонализмѣ собственно меня открыто никто не обвинялъ, но говорили о моемъ предпочтеніи людей со стороны противъ мѣстныхъ. Пусть будетъ такъ. Пусть заботились не о національности назначаемыхъ, а лишь о мѣстѣ ихъ жительства или рожденія. Изъ этого вытекаетъ, что кромѣ весьма любопытнаго національнаго вопроса есть еще другой вопросъ о преимущественномъ правѣ мѣстныхъ людей. Мнѣ же кажется, что эти вопросы сильно между собою связаны вездѣ, а въ Баку въ особенности.

Примѣровъ того, какъ приглашаютъ выписныхъ людей—очень много. Приведу нѣкоторые изъ нихъ.

1) Въ Россію нѣкогда выписали Рюрика, Синеуса и Трувора. При Петрѣ Великомъ тоже были выписаны разные иностранцы.

2) Въ Турцію, Китай, Корею постоянно выписываются въ армію и въ администрацію европейскіе ученые и инструкторы.

3) На постройку сибирской дороги были выписаны итальянскіе рабочіе.

4) Петръ III, большой любитель нѣмцевъ, не только выписывалъ ихъ изъ-за границы, но всѣ лучшія и наиболѣе видныя мѣста предоставлялъ имъ.

Хорошо ли или дурно дѣлали всѣ эти народы и люди, выписывая къ себѣ иностранцевъ? Думаю, что дать общій отвѣтъ всякій затруднится. Какъ никто не броситъ камня въ Петра I за выписку Лефорта, такъ никто не одобритъ выписку ни на

что ненужныхъ нѣмцевъ Петромъ III. У Петра I была одна цѣль: благо родины. Не находя у себя людей достаточно ученыхъ, онъ выписывалъ ихъ оттуда, гдѣ они были.

У Петра III этой цѣли не было. Наоборотъ: онъ лично, любя нѣмцевъ, старался ихъ пристроить во вредъ русскимъ.

Такимъ же образомъ понятна выписка европейскихъ ученыхъ въ малокультурныя страны и итальянскихъ рабочихъ на сибирскую дорогу и несимпатична выписка въ Петербургъ разныхъ иностранныхъ парикмахеровъ, метръ д'отелей и горничныхъ изъ чувства преклоненія передъ модой.

Думаю, что эти примѣры можно свести къ одному правилу: выписка иностранцевъ хороша и полезна, если имѣеть цѣлью исключительно благо народа, куда они выписываются, и нехороша, когда цѣлью является благо призываемыхъ за счетъ народа, ихъ принимающаго.

Совершенно то же мы имѣемъ въ сферѣ частной жизни. Думаю, что если я, въ качествѣ помѣщика, буду рабочихъ въ Тамбовскую губернію выписывать изъ Китая, то меня русскіе по праву могутъ обвинять въ пренебреженіи мѣстными интересами.

Такъ же тамбовцы меня обвинять, если я буду предпочитать рязанца, а жители моего села, если я буду давать предпочтеніе жителямъ другого, болѣе отдаленнаго.

Естественно мѣстнымъ людямъ, въ данномъ примѣрѣ тамбовцамъ, имѣть, если хотите, извѣстное нравственное право на преимущество предъ рязанцами, а тѣмъ болѣе китайцами.

Да иначе и быть не можетъ. Съ сосѣдомъ меня связываетъ большая общность привычекъ, чѣмъ съ жителемъ, удаленнымъ отъ меня на двадцать верстъ. Эта связь еще тоньше у меня съ рязанцемъ и еще меньше съ моимъ еще болѣе дальнимъ братомъ — китайцемъ. Затѣмъ у моего сосѣда еще преимущество. Живущему рядомъ, ему легче придти ко мнѣ на работу, чѣмъ рязанцу и китайцу, а поэтому его работа дешевле.

Но все это относится лишь къ тому случаю, если работа и тѣхъ и другихъ одинакова. Тамбовскій землепашецъ, еле умѣющій держать топоръ въ рукахъ, не можетъ на меня обижаться,

если я изъ Рязани выпишу плотника, изъ Нижняго каменщика, изъ Китая мастеровъ для выдѣлыванія чесучи.

Наконецъ, если работа нѣмца даже въ полѣ гораздо лучше, чѣмъ работа тамбовцевъ, то пусть расчетливый хозяинъ скажетъ имъ: „улучшите работу и сдѣлайте, чтобы мнѣ выгодно было васъ брать или по крайней мѣрѣ безубыточно, а то смотрите—я возьму нѣмцевъ“. Это будетъ не великодушно, но въ нашъ вѣкъ расчета это будетъ считаться справедливымъ.

Формулируя все сказанное, получимъ такое правило: мѣстные люди имѣютъ преимущество передъ дальними, эти послѣдніе передъ еще болѣе дальними и такъ далѣе, при равныхъ условіяхъ работы, цѣны, производительности, приносимой пользы.

Если же цѣна ниже и приспособленность людей дальнихъ лучше, то право работодателя ихъ предпочесть мѣстнымъ людямъ. Конечно, чувство близости, общности привычекъ (это и есть истинный патріотизмъ, въ отличіе отъ націонализма) всегда склоняетъ въ данномъ случаѣ вѣсы въ пользу ближайшихъ сосѣдей. Но теоретически правило мое вѣрно.

Теперь перейду къ общественному дѣлу, стоящему между государственнымъ и частнымъ.

По своимъ свойствамъ оно ближе къ государственному, чѣмъ къ частному, и вотъ почему: частный человѣкъ можетъ отступить отъ теоріи сколько хочетъ. Фабрикантъ, заводчикъ, помѣщикъ можетъ, любя своихъ рабочихъ, сдѣлать имъ ту или другую поблажку, простить то или другое упущеніе. Это его право, потому что въ этомъ случаѣ онъ приноситъ ущербъ одному себѣ. Я скажу больше: это его человѣческая обязанность, если онъ не на словахъ только проповѣдуетъ любовь къ ближнему. На то онъ частный человѣкъ.

Другое дѣло—общественный дѣятель, онъ не можетъ ни дарить, ни прощать, ни дѣлать снисхожденій, ни кому-либо мирволить и покровительствовать, кромѣ какъ наиболѣе достойному. Цѣль его службы не его личная польза, а польза обывателей. Ее онъ всегда долженъ имѣть передъ глазами, и ничто другое. Дѣятельность помѣщика эгоистическая и даетъ полный просторъ

альтруистическимъ его проявленіямъ по отношенію къ служащимъ и рабочимъ. Дѣятельность общественнаго человѣка должна быть всецѣло альтруистическая. Своего «я» для него быть не должно. Ясно, что тутъ не можетъ быть мѣста никакому другому альтруизму низшаго порядка. Чѣмъ выше служеніе, тѣмъ менѣе даетъ оно простора личному чувству. Этимъ общественная служба походитъ на государственную. Правители и ихъ помощники, служа цѣлымъ народамъ, еще болѣе связаны въ своихъ дѣйствіяхъ и въ потворствѣ своимъ чувствамъ. Чѣмъ выше служеніе, тѣмъ меньше мѣста компромиссамъ.

Вернемся къ своему вопросу. Имѣютъ ли преимущество мѣстные жители передъ другими для поступленія на службу въ мѣстномъ общественномъ учрежденіи. Отвѣтъ простой: при всѣхъ прочихъ равныхъ условіяхъ—да, имѣютъ. И тотъ общественный дѣятель, который бы преднамѣренно сталъ выписывать иногороднихъ по личнымъ убѣжденіямъ, давая имъ предпочтеніе передъ мѣстными, думаю, поступилъ бы неправильно.

Но это только *ceteris paribus*, т.-е. если всѣ остальные условія совершенно одинаковы.

А какія это условія? Требованія отъ служащаго общественному самоуправленію очень высоки. Не надо думать, что особія свойства общественности должны быть присущи лишь высшимъ заправиламъ самоуправления. Обычно гласные это приписываютъ только себѣ. Мы, молъ, служимъ безкорыстно, но мы отцы города, мы заботимся о благѣ общественномъ, не то, что всѣ эти наемные... это что! Развѣ ихъ можно сравнить съ отцами города? За ними смотри, да смотри...

Это глубокое заблужденіе, даже если оно безсознательно, ведетъ къ большому злу. Всѣхъ наемныхъ стараются навязать подешевле (спросъ и предложеніе). Все равно, молъ, они наемные!..

Я думаю, что тутъ-то и кроется главная причина неудовлетворительности нашихъ городскихъ хозяйствъ. Наемные-то эти люди должны быть столь же пропитаны духомъ общественности, какъ должны бы и господа гласные. Только при высокомъ уровнѣ общественности пойдетъ дѣло хорошо, причемъ эта обществен-

ность отнюдь не должна быть удѣломъ лишь гласныхъ, и должна пропитать всѣхъ приближающихся къ „общественному пирогу“. (Какое скверное выраженіе!). Общественный пирогъ долженъ быть для обывателей, а не для гласнаго или для служащаго.

Чѣмъ выше мѣстный уровень общественной этики, тѣмъ лучше. Иная мѣстность можетъ быть поставщикомъ общественныхъ дѣятелей, какъ Рязань ставить плотниковъ во всѣ губерніи Россіи... Это вовсе не гипербола и не шутка. Общественный дѣятель воспитывается, учится воспринимать общественную этику, какъ рязанецъ учится плотничному ремеслу. Оттого у насъ такъ плохо идетъ дѣло, что общественность не въ чести, мало думаютъ объ этикѣ въ служеніи обществу. И людей мало, и надо ихъ искать, а искать ихъ не легко. Приходится обращаться въ земства, единственный бывший прежде разсадникъ такихъ людей. Я говорю бывший прежде, потому что теперь и въ земствахъ не живется людямъ идейнымъ, съ общественной жилкой.

И не знаешь, гдѣ ихъ и искать. А безъ нихъ нельзя. Только ими можешь еще кое-что сдѣлать добраго на общественной нивѣ. И вотъ ищешь, справляешься.

Это ли пренебреженіе къ мѣстнымъ людямъ и вытягиваніе своихъ? Не думаю.

Иногда и на мѣстномъ горизонтѣ поднимаются такія звѣзды. Да ей радъ бываешь, этой звѣздочкѣ, несказанно, и радъ бываешь ее положить въ свою городскую сокровищницу! Да кто же виноватъ, что ихъ мало? Да и вездѣ ихъ мало, не въ одномъ Баку, и вездѣ ихъ нужно выписывать со всѣхъ концовъ Россіи самыхъ дальнихъ... А въ Баку онѣ особенно рѣдки вслѣдствіе специфически американскихъ плутократическихъ особенностей этого города.

Въ началѣ статьи я сказалъ два слова о націонализмѣ. Не потому только я объ этомъ заговорилъ, что меня въ немъ упрекали вопреки самой элементарной справедливости, а потому, что и въ вопросѣ о мѣстныхъ людяхъ нѣкоторую роль надо, по моему, отдать и вопросу національному.

Я говорилъ: при всѣхъ равныхъ условіяхъ надо отдать преимущество мѣстнымъ людямъ.

Сдѣлаю для Кавказа маленькое измѣненіе. Если вездѣ должно быть дано преимущество мѣстнымъ только при равныхъ условіяхъ, то на Кавказѣ я готовъ сдѣлать маленькое послабленіе въ пользу мѣстныхъ людей, допустивъ мѣстнаго человѣка съ балломъ пять съ минусомъ противъ не мѣстнаго съ круглой пятеркой. Причина тому вотъ такая.

Тамбовець, рязанецъ, когда онъ культуренъ, имѣетъ возможность пользоваться плодами своей культуры безъ ограниченія. Ограниченіе же это кое-гдѣ, къ сожалѣнію, все больше и больше становится строгимъ. Такъ тамбовець можетъ сыну дать высшее образованіе въ Москвѣ, въ средѣ, близкой къ той, съ которой онъ свыкъся, въ томъ же климатѣ. Кавказцу приходится посылать юношу за тридевять земель, жить въ совсѣмъ непривычномъ для него климатѣ, въ совсѣмъ несвойственныхъ ему условіяхъ. Тамбовець можетъ, окончивъ свое образованіе, поступить на государственную службу по всѣмъ отраслямъ и повсемѣстно. Ищетъ онъ теплаго климата—онъ ѣдетъ на Кавказъ, а въ громадномъ большинствѣ случаевъ онъ ищетъ мѣстечка поближе къ мѣсту родины.

Кавказецъ съ дипломомъ высшаго учебнаго заведенія, если хочетъ идти на государственную службу, долженъ прежде всего навсегда проститься съ своей родиной, бросить семью, имѣніе, языкъ, привычки. Многіе, гонимые нуждой, на это идутъ, другіе предпочитаютъ отказаться отъ своихъ правъ и не идутъ на службу.

Не естественно ли принять это во вниманіе и сдѣлать имъ хоть незначительную побряжку въ поступленіи на общественную службу?

Я думаю, что это справедливо, конечно, при условіи, чтобы эти побряжки не вредили обывателямъ и т. о. общему дѣлу.

Все это я понимаю и сознаю не меньше моихъ оппонентовъ, но вѣдь допустима лишь маленькая побряжка мѣстнымъ людямъ. А развѣ маленькой побряжки требовали, когда у насъ сыр-боръ загорѣлся? Нѣтъ, не маленькой побряжки, а полного пожертво-

ванія интересовъ, общихъ мѣстнымъ людямъ. Съ этимъ, воля ваша, согласиться нельзя.

Я сейчасъ говорилъ о болѣе мнѣ знакомомъ Кавказѣ, но относиться это можетъ и ко всякимъ другимъ окраинамъ, гдѣ можетъ у насъ быть національное притѣсненіе.

Къ сожалѣнію, совсѣмъ нельзя это правило распространить и на милліоны евреевъ. Законъ, все стѣсняя ихъ человѣческія права, въ городскомъ положеніи дошелъ до геркулесовыхъ столповъ. Ни избирателемъ, ни гласнымъ, ни виднымъ служащимъ по найму еврей быть не можетъ.

Въ избиратели и гласные его не пускаетъ законъ, въ служащіе, какъ, напримѣръ, въ доктора, архитекторы, его не утвердить начальство. И это и въ чертѣ и внѣ черты осѣдлости.

Скажутъ, что я забылъ тѣхъ гласныхъ евреевъ, которые сидятъ въ думахъ по назначенію! Нѣтъ, не забылъ... Но лучше бы и ихъ помарали. Было бы откровеннѣе...

IV.

Муниципализація городскихъ предпріятій.

У насъ вездѣ вѣчно кричатъ: денегъ нѣтъ. Какія потребности бы ни ждали удовлетворенія, всегда возможно, что роковое— *денегъ нѣтъ*, затормазитъ дѣло. Чудовищное состояніе маленькихъ и среднихъ городовъ, равно какъ и окраинъ большихъ, безъ мостовыхъ, безъ освѣщенія, безъ путей сообщенія, безъ канализаціи, безъ воды, съ невѣжественнымъ суевѣрнымъ населеніемъ, живущимъ въ грязи, съ ужасающимъ процентомъ смертности — все находитъ объясненіе и извиненіе въ вѣчномъ: *денегъ нѣтъ*.

Какъ же за границей? Почему города мостятъ и освѣщаютъ не только всѣ свои улицы, но и дороги къ нимъ ведущія? Почему зависть такъ и схватитъ васъ, когда вы сравниваете иностранный городъ и его культуру съ нашими? Почему у нихъ деньги есть, а у насъ вѣчно и нигдѣ нѣтъ?

Горе наше, мнѣ кажется, въ томъ, что намъ до всего надо дойти своимъ умомъ, своимъ опытомъ. Мы привыкли къ мысли, что на столько-то лѣтъ отстали отъ Европы и считаемъ чуть не доблестью, что держимъ эту дистанцію, отнюдь ее не уменьшая. А когда намъ показываютъ на Западъ, мы негодуемъ: что? Европа? А дистанція? Куда же дѣнется наша самобытность, если мы не соблюдемъ дистанцію? Если будемъ жить чужой головой, не передѣлавши всѣхъ тѣхъ ошибокъ, всѣхъ тѣхъ глупостей, какія передѣлалъ Западъ, не имѣя еще западнѣе болѣе культурнаго сосѣда?

Это одна изъ причинъ. Главная. Мы миримся съ тѣмъ, что мы на рубежѣ Европы и Азіи, такъ же какъ Азія мирится, что она Азія, а не Европа. И если разница между Европой и Азіей заключается именно въ культурѣ, между прочимъ и во внѣшней — какъ больницы, освѣщеніе, вода и прочее, то естественно, что мы миримся съ отсутствіемъ этой культуры. Не дай Богъ съ внѣшней культурой къ намъ перелѣзетъ и внутренняя! Тогда совсѣмъ бѣда! Такъ мы думаемъ въ Баку, такъ мы думаемъ и въ Москвѣ!

Кромѣ этой причины, скажемъ нравственной, если не безнравственной, есть еще другая, хранящаяся въ нашемъ характерѣ. Русскій человѣкъ, имѣющій нѣсколько тысячъ или десятковъ тысячъ рублей, держитъ свой капиталъ въ четырехпроцентной рентѣ, и, боясь лишиться всего капитала, такъ какъ единственно вѣрнымъ помѣщеніемъ отъ считаетъ четырехпроцентную ренту, теряетъ этотъ же капиталъ, проживая его по частямъ, такъ какъ ему не хватаетъ на прожитіе процентовъ его ренты.

И въ томъ, что мы покупаемъ ренту, мы видимъ уже громадный прогрессъ, ибо нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ наши предки держали этотъ капиталъ въ кубышкахъ, такъ же, какъ въ кубышкахъ держатъ его и доселѣ наши сосѣди, живущіе въ нѣсколькихъ стахъ верстахъ на востокъ.

Совершенно такъ же ведутъ свое хозяйство наши города. Если городъ у насъ задолжалъ рублей 20 или 30 на жителя,

то онъ считаетъ себя неоплатнымъ должникомъ. При этомъ онъ не смотритъ, что онъ на эти деньги сдѣлалъ, и что ему это пріобрѣтеніе даетъ выгоды. Нѣтъ, онъ знаетъ, что у его города два милліона долга и ужасается! И когда нужно еще занять, тысячь сто на крайнюю нужду или на выгодное предпріятіе — поднимается крикъ: Какъ? Занимать еще? А наши два милліона долга?

А за границей смотрятъ не на сумму долга, а на разницу между имуществомъ и долгомъ, между процентомъ получаемымъ и процентомъ платимымъ.

И если предвидится предпріятіе, дающее $4\frac{1}{2}\%$ при возможности занять за 4 проц., то какой бы ни былъ долгъ, хотя бы въ 200 — 300 рублей на жителя, не сомнѣваясь, заключаютъ новый заемъ. Дѣло коммерческое, дѣло разчета, ведется по коммерчески. А у насъ всегда боятся! Ну, какъ дѣло не пойдетъ, ну, какъ городъ расти перестанетъ! И это теперь, когда все бѣжить въ городъ, когда деревня изнываетъ отъ перепроизводства людей, которыхъ неудержимо дарить городамъ!

Это отсутствіе предпріимчивости, имѣющее, конечно, глубокія историческія причины, — это одна изъ главныхъ причинъ обѣднѣнія Россіи. Оттого мы кричимъ, что насъ давитъ то еврей, то нѣмецъ, то бельгійская компанія, то американское акціонерное общество. И это все правда! Еврей, нѣмецъ, бельгіецъ, американецъ у насъ хозяйничаетъ, обогащается, а мы?.. мы избираемъ одинъ изъ двухъ выходовъ: или бить еврея, что уже совсѣмъ гадко... или совсѣмъ не допускать иностранцевъ, хотя мы и лишимся тѣхъ или другихъ благъ технической культуры.

Почему бы самимъ не взяться за дѣло? не поучиться и не побить еврея и иностранца... не палкой, а знаніемъ дѣла, смѣлостью предпріятія, широтою полета? Такой вѣкъ подходитъ, что этимъ оружіемъ придется бороться человѣку съ человѣкомъ, народу съ народомъ, городу съ городомъ.

Все это мнѣ приходится говорить по поводу городского хозяйства. Возьмемъ конки и трамваи. Когда примѣръ заграницы намъ уже показали, какъ феноменально скоро развивается ѣзда

по конкамъ, мы все еще сомнѣвались въ плодотворности этого нововведенія. Наши думы только разговаривали объ этомъ; предприниматель русскій не находился; явились иностранцы. И всѣ мы съ ними начали вести дѣло, счастливые, что ничего не приходится тратить, а что тратятъ другіе.

Мы получили конки, но зато оказались связанными этими конками по рукамъ и по ногамъ. Ни развивать сѣть, какъ мы хотѣли, ни улучшить конку, ни перейти на другую тягу, ни выкупить предпріятія мы не могли. Сколько милліоновъ ушло иностранцамъ съ этими конками. Я отнюдь не къ тому веду рѣчь, чтобы сожалѣть о томъ, что мы сдали конку иностранцамъ. Я радуюсь этому, потому что убѣжденъ, что не будь иностранцевъ и до сихъ поръ въ большинствѣ случаевъ не было бы и конокъ.

И сколько нажили эти иностранцы на конкахъ, показываетъ и постоянно растущее передвиженіе и высокія цѣны выкупа. То же самое было и за границей. Тамъ тоже муниципалитеты сдали конки и омнибусы частнымъ обществамъ, наживающимъ громадныя богатства, но тогда законъ увеличенія передвиженія былъ еще неизвѣстенъ. Мы начали дѣлать ошибку, когда другіе въ ней уже раскаивались. Мы могли, мы должны были ее избѣжать—мы ее не избѣжали и потеряли городскіе милліоны.

Теперь мы вступаемъ во второй фазисъ этого дѣла. Электрическая тяга появилась и стремится занять мѣсто лошадей. Совпадаетъ это съ освобожденіемъ многихъ городовъ отъ ихъ договоровъ съ акціонерными обществами. И теперь во-всю снова разгорается борьба между трамваемъ городскимъ и бельгійскимъ. Нѣкоторые города вынесли борьбу и обзаводятся муниципальными трамваями, другіе снова связались съ бельгійскими обществами, третьи еще медлятъ, борятся.

Если первая ошибка можетъ имѣть оправданіе въ незнаніи, то вторая уже будетъ непростительна. Тутъ уже мы имѣемъ опытъ не Европы, а свой собственный. Неужели намъ одной ошибки, десятки лѣтъ стоившей громадныхъ денегъ, мало?

Вѣдь трамваи — источникъ большихъ доходовъ для города,

доходовъ несомнѣнныхъ и постепенно растущихъ. Не взять дѣло въ свои руки, значить не подобрать, что теперь передъ нами лежитъ. А мы кричимъ: «денегъ нѣтъ!» Да вотъ онѣ деньги!

А вода? Сколько теряютъ города, не заботясь или заботясь недостаточно о водопроводахъ? Гдѣ вода ни проведена, она даетъ благоденствіе городу и вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ для города большимъ источникомъ дохода. А между тѣмъ, много ли городовъ съ водой хорошей и въ достаточномъ количествѣ.

Мостовая? Неужели не понятно для всѣхъ, что выгодно мостить всѣ улицы города. Получается очень странная аномалія. Крикъ общій стоитъ, что у нашей деревни дорогъ нѣтъ. Требуютъ улучшенія дорогъ. Но неужели можно думать о дорогахъ деревенскихъ, по которымъ на десятки верстъ не встрѣтишь человѣческаго жилья, когда въ нашихъ городахъ немоценными остаются улицы и базары?

Если вымостить окраинную улицу, сразу поднимается цѣна земли, домовъ и квартиръ. Улица начинаетъ обстраиваться. Поднимается оцѣнка домовъ, увеличивается оцѣночный сборъ. Однимъ словомъ, расходъ возвращается въ городскую кассу и прямо и косвенно.

Конечно, у насъ затрудненъ кредитъ для городовъ. Часто разрѣшеніе займа или предпріятія зависитъ отъ личныхъ отношеній. Знаемъ мы и ужасный случай, гдѣ муниципализація конки не состоялась лишь по непонятному запрещенію администраціи. Кое-гдѣ эти вѣшніе тормазы могутъ служить для городовъ смягчающими обстоятельствами, но отнюдь не всегда и вездѣ оправданіемъ. Большею частью, надо признаться, это вина самаго самоуправления, или, скорѣе, несоотвѣтствіе нашего такъ называемаго самоуправления (по-моему, правильнѣе новый терминъ «управленія») къ потребностямъ обывателя.

Даже косностью, даже невѣжественностью нельзя всегда объяснить отсталость нашихъ городовъ. Наши думы какъ будто знать не хотятъ пользы обывателя. Зачѣмъ вода, когда мы пьемъ сельтерскую или содовую воду? Зачѣмъ мостовыя на окраинахъ, когда мы живемъ въ центрѣ?

Еще неизвѣстно, гдѣ лучше живетъ богатый: среди нищихъ или среди достаточныхъ?

Но вѣчно такъ идти дѣло не можетъ. Передъ очевидностью долженъ быть сложенъ оружіе даже личный интересъ. И если нельзя по вѣшнымъ, внутреннимъ или финансовымъ причинамъ немедленно приступить къ той массѣ благодѣтельныхъ предпріятій, которыя призваны одновременно и удовлетворить различнымъ потребностямъ обывателя и обогатить городскую кассу, то по крайней мѣрѣ обязанность городовъ не закабалить себя новыми разорительными контрактами и не отдавать на долгіе сроки свои доходныя статьи на эксплуатацію частнымъ лицамъ.

Въ этомъ отношеніи, впрочемъ, уже проявилось сознание у общества. Число такихъ концессій, повидимому, уменьшается и даже въ нашихъ думахъ подъ напоромъ общественнаго мнѣнія все больше и больше приверженцевъ имѣютъ хозяйственная постановка и эксплуатація регалей.

Но за послѣднее время за границей же намъ подается новый примѣръ болѣе широкой постановки городского хозяйства: то тамъ, то сямъ мы видимъ новыя предпріятія, полу-коммерческія, а то и чисто коммерческія, которыя берутъ на себя города къ взаимной пользѣ обывателя и городского бюджета. Принятая общественнымъ мнѣніемъ сначала не особенно благосклонно муниципализація разныхъ торговыхъ предпріятій теперь пріобрѣтаетъ все больше и больше сторонниковъ. Попытки къ тому же, хотя и слабыя, мы видимъ и у насъ въ Россіи. Правда, ихъ можно по пальцамъ перечесть, но дорого начало, дорого ознакомленіе публики съ новыми пріемами.

V.

Муниципализація торговыхъ предпріятій.

Лѣтъ двадцать-тридцать тому назадъ, когда въ земствахъ или думахъ поднимался кѣмъ-нибудь вопросъ о выгодномъ для города или уѣзда предпріятіи, сопряженномъ съ коммерческимъ расчетомъ и обычно принадлежащемъ къ области торговаго міра, сейчасъ поднимался кто-либо изъ опытныхъ гласныхъ съ заявленіемъ, что такое, молъ, предпріятіе, какъ коммерческое, выходитъ изъ сферы дѣятельности земства или думы. Доводъ этотъ магически дѣйствовалъ на собраніе и предложеніе проваливалось: изрѣдка робкое заявленіе какого-нибудь новичка: «Да почему же всякое коммерческое дѣло выходитъ изъ нашей компетенціи?»—оставалось безъ отвѣта. Дѣло, вѣдь, само по себѣ казалось достаточно яснымъ.

Это было время и концессій и крупныхъ подрядовъ. Также казалось неопровержимой истиной, что крупное финансовое предпріятіе лучше будетъ и задумано, и профинансировано, и проведено въ жизнь и эксплуатировано концессіонеромъ-финансистомъ или акціонернымъ обществомъ, нежели управой. Современемъ поняли, что хотя акціонерное общество и имѣетъ нѣкоторыя преимущества предъ муниципалитетомъ по большей подвижности и самостоятельности ея исполнительныхъ органовъ, но это преимущество отнюдь не вознаграждаетъ за тѣ громадныя барыши, которые изъ кармана города или его обитателей переходятъ къ акціонерамъ. Что время концессій для городовъ если не прошло, то несомнѣнно пройдетъ, и пройдетъ вскорѣ,—это уже есть научная истина.

Точно такимъ же образомъ понемногу минуетъ время крупныхъ подрядовъ. Домовъ на выстройку уже не сдаютъ, а строятъ хозяйственнымъ образомъ черезъ мелкихъ подрядчиковъ-специалистовъ. Мало-по-малу муниципализуются городскія предпріятія.

Но городамъ, повидимому, на этомъ не суждено остановиться. Последнее десятилѣтіе за границей по этому же пути сдѣланы новые, крупные и весьма плодотворные шаги. Я говорю про муниципализацію нѣкоторыхъ торговыхъ предпріятій.

Но не только за границей, и у насъ уже никому не кажется дикимъ, если заговорять про городскія мясныя или хлѣбныя лавки. Повторяется, конечно, фраза, что это не городское дѣло, но не такъ уже убѣжденно, какъ прежде. Мнѣніе это горячо оспаривается многими болѣе предпріимчивыми гласными.

Главнымъ поводомъ для торговли, конечно, сначала являлось не желаніе получить барыши, а другія цѣли, достиженіе которыхъ для земства или для городовъ считалось цѣлесообразнымъ. Земства, напримѣръ, убѣдились, что тормазомъ для развитія сельскаго хозяйства явилась недостаточность машинъ и орудій для крестьянъ. — Появились склады ихъ, чуть не при всѣхъ земствахъ. Склады работаютъ съ каждымъ годомъ все лучше, и про убытки не слыхать. Замѣтило земство, что косы продаются крестьянамъ косниками втридорога и нехорошія. Стали въ разсрочку торговать косами — и дѣло пошло. Горятъ деревни русскія — и кое-гдѣ продается кровельное желѣзо. Захотѣли улучшить крестьянское чтеніе — появилась земская книжная торговля на мѣстахъ и въ разность.

Въ городахъ торговля предпріятія вызваны преимущественно необыкновеннымъ ростомъ фальсификаціи и требованіями санитаріи. Главнымъ образомъ эти нововведенія коснулись торговли пищевыми продуктами. Одесскія пекарни, тифлисскія и батумскія мясныя лавки иногда функціонируютъ и не совсѣмъ удовлетворительно, но, въ общемъ, польза ихъ общепризнана.

Стоитъ только убѣдиться, что борьба съ недобросовѣстной торговлей (какъ и всякимъ зломъ) исключительно мѣрами карательными ни къ чему не ведетъ, и вы непременно придете къ необходимости выводить это зло другими путями. Дѣлаютъ хлѣбники слишкомъ легкій и не довольно чистый хлѣбъ — откройте свои пекарни, отпускающія хлѣбъ настоящаго вѣса и безусловно чистаго приготовленія и вы этимъ самымъ убьете недобросо-

вѣстную торговлю частныхъ лицъ. Покупатели сами къ вамъ пойдутъ. Не лучше ли это обязательныхъ постановленій, протоколовъ и кутузокъ? Какъ уже стараются бороться съ мясоторговцами и таксами и цѣлыми организаціями торговыхъ смотрителей. И что же? То тамъ, то сямъ приходятъ къ заключенію, что это дѣло надо взять въ руки самому городу. А вѣдь это дѣло громадное: тутъ и стада, и пастбища, и собственная мясоторговля. Это ли не торговое предпріятіе? А справляется съ нимъ городъ?..

Другая отрасль, которая кое-гдѣ прививается, это—бумажно-книжная торговля.

Если вдуматься, сколько переплачиваетъ населеніе, и притомъ населеніе самое симпатичное — учащіеся — на бумагѣ, карандашахъ, тетрадкахъ и учебникахъ, то необходимость открытія этой торговли самими городскими управами сдѣлается очевидной, не говоря уже о возможности для грамотнаго читателя получить хорошую книгу взамѣнъ воинственно-суевѣрныхъ лубочныхъ изданій.

Сама жизнь наталкиваетъ на новыя предпріятія. Городскія больницы, пріюты и прочія заведенія нуждаются въ стиркѣ, вызываютъ постройку механическихъ прачечныхъ.

Естественно сдѣлать ихъ большими, потому что чѣмъ больше прачечная, тѣмъ дешевле обходится въ ней стирка бѣлья. Само собой напрашивается мысль использовать вполне такое учрежденіе не только для городского бѣлья, но и для частнаго. И вотъ является за границей муниципальная стирка бѣлья для бѣдныхъ.

Приходитъ человѣкъ въ одной грязной рубашкѣ и выходитъ черезъ полчаса въ ней же чисто вымытой, высушенной, выглаженной. Прачечная... тутъ... вода... естественно напрашивается мысль здѣсь же устроить и баню. Снял бѣднякъ бѣлье стирать, а самъ пока вымоется. Все чисто, хорошо, гигиенично. Главная цѣль—не выгода, а польза бѣдняка-обывателя.

Вотъ правильно понятая задача городского управленія. А барыши сами собой идутъ. За прачечной и баней естественно

устроить и муниципальныя купальни, и дешевыя столовыя, и т. д. Обѣды, которые развозятся въ Англіи и питають всю бѣдноту, несмотря на свою дешевизну, даютъ хорошій барышъ. Потребительныя общества, дошедшія въ Швейцаріи, Италиі, Англіи до столь блестящаго состоянія, занимаются всѣми возможными отраслями торговли. И дѣла идутъ хорошо на пользу бѣдноты. Въ Швейцаріи мы видѣли общины, всѣ до одного жители которыхъ принадлежатъ къ потребительнымъ обществамъ и гдѣ вся торговля сосредоточилась въ ихъ магазинахъ. Тутъ до муниципальной торговли всѣмъ—уже одинъ шагъ. Но и этого мало... Въ Швейцаріи же есть потребительное общество, устроившее бумажную фабрику, и если всѣ жители города состоятъ членами этого общества, то нельзя ли назвать ту фабрику муниципальной? Но и за границей такое явленіе одиночное и распространеніе его только развѣ въ будущемъ можетъ мерещиться самымъ смѣлымъ фанатикамъ расширенія коммунальнаго хозяйства.

Какъ виноторговцы не могутъ простить винной монополіи министерству финансовъ, такъ естественно торговому люду быть противъ муниципальной торговли. И ожидать отъ нихъ содѣйствія въ этомъ дѣлѣ все равно, что заставить ихъ самимъ себѣ копать могилы. Естественно, что хлѣбники будутъ помогать мясникамъ въ ихъ борьбѣ съ городомъ, естественно, что и мясники будутъ противъ хлѣбопекаренъ. Тѣмъ не менѣе сознаніе пользы муниципальныхъ предпріятій все болѣе и болѣе распространяется въ культурныхъ слояхъ населенія и трудно предположить, чтобы борьба съ ними была особенно продолжительна и плодотворна.

Надо признаться, что въ борьбѣ со всѣмъ, что пахнетъ муниципализаціей, пускаются въ ходъ всевозможныя средства, даже не совсѣмъ красивыя. Пускаютъ громкое слово «соціализмъ», хотя ничего соціалистическаго нѣтъ въ содержимомъ городомъ мясной лавкѣ. И, увы! до сихъ поръ дѣйствуютъ на наше воображеніе громкія слова, хотя бы не соединенныя съ мыслью. «Металлъ», «жупель» многихъ пугаютъ, какъ пугаетъ иныхъ слово «соціализмъ», хотя бы и безъ толку употребленное. Соціализмъ предполагаетъ насиліе, хотя бы закона. Можно ли на-

звать социализмом положеніе, основанное даже не на законѣ, а на свободной конкуренціи? Очевидно нѣтъ; и пугаться этимъ, ложно употребляемымъ словомъ такъ же неразумно, какъ недобросовѣстно напрасно имъ пугать. Между тѣмъ какъ часто это дѣлаютъ нѣкоторые беззастѣнчивые органы нашей печати! Основаніемъ городской торговли должна быть свободная конкуренція съ частными предпріятіями. Право же монопольное города могутъ себѣ присваивать только въ случаяхъ безусловной доказанной полезности именно ихъ предпріятія въ сравненіи съ другими. Такъ, на примѣръ, вода. Очевидно — городъ имѣетъ право запретить брать колодезную воду, вредную для здоровья, и заставить пользоваться водой изъ городского водопровода. Только въ такихъ исключительныхъ предпріятіяхъ, притомъ по своему существу или громадкости не подлежащихъ конкуренціи, обязательное постановленіе можетъ заставить обывателя обратиться къ городскому предпріятію, чисто же торговое дѣло нужно вести на общекommerческихъ основаніяхъ. Зато же и прочно и полезно будетъ дѣло въ случаѣ побѣды! Главный тормазь, выставляемый противниками муниципализаціи, тотъ, что всякое дѣло коммерческое гораздо лучше ведется частнымъ лицомъ или обществомъ, чѣмъ городомъ. Кромѣ общихъ причинъ, затрудняющихъ и замедляющихъ ходъ городскихъ предпріятій (а всякому понятно насколько въ торговомъ дѣлѣ—гдѣ главное быстрота — вредятъ всякія замедленія) города, въ особенности наши, страдаютъ отъ недостатка людей. Многое бы сдѣлали, да людей нѣтъ. И вотъ этихъ людей снова ищутъ не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, и вмѣсто того, чтобы привлекать къ работѣ людей интеллигентныхъ, ихъ избѣгаютъ не только по принужденію, но и добровольно, и на эти дѣла, какъ и на другія, берутъ людей по протекціи того или другого вліятельнаго лица. Не даромъ вошло во всеобщее употребленіе выраженіе, котораго я терпѣть не могу, но которое приходится употребить: «городской пирогъ». Въ кусочекъ городского пирога, къ которому надо подойти или подвести пріятеля, обращается слишкомъ часто даже наилучше задуманное предпріятіе. А это будетъ, пока городское самоупра-

вленіе будетъ въ рукахъ одного избраннаго класса населенія, и притомъ избраннаго не по тѣмъ признакамъ, по которымъ бы слѣдовало!..

Въ заключеніе не могу не указать, какъ на примѣръ одного изъ наилучше управляемыхъ городовъ Европы — Глазго. Въ Глазго налоговъ нѣтъ ни на дома, ни на торговыя предпріятія, ни на собакъ, ни на что. Городъ извлекаетъ доходы изъ цѣлой серіи предпріятій: водопровода, трамвая, освѣщенія, бань, домовъ, магазиновъ. Все дѣйствуетъ на коммерческихъ началахъ и приноситъ доходъ, причемъ и цѣны устанавливаются такія, чтобы и предпріятію, т.-е. городской кассѣ, было хорошо, и обывателю не тяжело, а гдѣ надо и вовсе дешево. И сколько добра дѣлается на эти доходы; какія школы, какія больницы, какія удобства всякаго рода, какія квартиры для бѣдныхъ!..

Вотъ отвѣтъ на злосчастное: денегъ нѣтъ, людей нѣтъ! Есть, гдѣ умѣютъ найти, и деньги и люди...

Были бы они и у насъ...

VI.

Волокита въ городскихъ хозяйствахъ.

Одинъ изъ главныхъ недостатковъ всѣхъ городскихъ хозяйствъ міра—это нѣкоторая неповоротливость, медленность въ рѣшеніяхъ. Посмотрите, какъ долго тянется у насъ въ думахъ любое дѣло, дѣло трамваевъ, на примѣръ. Право, иной разъ успѣли бы сдать это дѣло концессионерамъ и срокъ концессіи успѣлъ бы уже пройти, а дума все еще не успѣваетъ рѣшить,—какъ, гдѣ, какимъ способомъ и какой системы построить трамвай. Въ этомъ большая разница между акціонернымъ обществомъ или товариществомъ и думой. Если спросить любого подрядчика: съ кѣмъ ему пріятнѣе имѣть дѣло, онъ вамъ отвѣтитъ: съ кѣмъ угодно, даже съ казной, лишь бы не съ городомъ. Поэтому города платятъ подрядчикамъ дороже, чѣмъ другія учрежденія,

а тѣмъ болѣе, чѣмъ частныя лица. Договоры на городскія работы пишутся всегда очень строго, съ неустойками за плохую работу, за неисполненіе въ срокъ, за малѣйшую неаккуратность. Часто условіе не исполняется по винѣ самого самоуправления и вотъ вамъ начало цѣлаго ряда тяжбъ, тормозящихъ дѣло и дорого стоящихъ обѣимъ сторонамъ. Понятно, что возможность этихъ беспорядковъ, тяжбъ и сопряженныхъ съ ними убытковъ дѣйствуетъ на цѣну подряда или найма. Этимъ объясняется, что городъ все дѣлаетъ дороже простыхъ обывателей. И при всемъ томъ городское дѣло дѣлается не лучше, а большею частью хуже, чѣмъ у частныхъ лицъ.

Чтобы видѣть отчего это происходитъ, сравнимъ городское самоуправленіе съ акціонернымъ обществомъ. Управа соотвѣтствуетъ правленію, дума — общему собранію. Общее собраніе акціонеровъ — это и есть тотъ органъ, чьи интересы должны быть соблюдены. Оно и рѣшаетъ дѣло въ своихъ личныхъ видахъ и выбираетъ правленіе почти всегда изъ лицъ наиболѣе заинтересованныхъ въ дѣлѣ. Это правленіе и вертитъ дѣломъ, какъ хочетъ. Ясно, что разъ они ведутъ свое собственное дѣло, у нихъ руки развязаны для дѣла.

Другое дѣло въ городскомъ самоуправленіи. Сама-то дума ведетъ не свое личное дѣло, а дѣло города, горожанъ. Сама дума, хотя въ чемъ и безотвѣтственна по закону, но передъ общественнымъ мнѣніемъ она отвѣчаетъ. При этомъ какъ бы въ какой-нибудь думѣ ни низко стоялъ уровень этическихъ требованій, но эта отвѣтственность все-таки чувствуется гласными. Приведу примѣръ: гласный дѣлаетъ въ думѣ явно выгодное для города предложеніе какой-нибудь поставки. Онъ даже барыша брать не хочетъ и рискуетъ остаться въ накладѣ. Дума, строго говоря, не можетъ принять его предложенія изъ боязни, что ее будутъ упрекать въ угодливости къ своимъ. Да и гласному нельзя поговѣтовать такой любезности.

Личный интересъ членовъ управы еще менѣе связанъ съ интересами города, чѣмъ интересы гласныхъ. Правленіе акціонернаго общества чувствуетъ себя хозяиномъ, оно ведетъ свое

дѣло. Управа ведетъ чужое дѣло, тѣмъ болѣе отвѣтственное. Она можетъ чувствовать себя лишь управляющимъ, а никакъ не хозяиномъ. Отвѣтственность ея еще тяжелѣе, чѣмъ отвѣтственность думы. Кромѣ отвѣта передъ общественнымъ мнѣніемъ, она отвѣчаетъ еще передъ думой. Да и за грѣхи-то думы передъ общественнымъ мнѣніемъ почти всегда отвѣчаетъ управа, а то и одинъ голова. Такова уже общественная логика. Мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ такихъ сценъ. Гласный уговариваетъ думу сократить какой-нибудь расходъ. Управа протестуетъ. Дума, несмотря на этотъ протестъ, соглашается съ гласнымъ. Проходить нѣсколько времени: тотъ же гласный происшедшее отъ излишней экономіи зло ставитъ въ вину управѣ. А объ общественномъ мнѣніи и говорить нечего. Передъ публикой всегда виновата управа. Публикѣ нельзя разбираться въ томъ, кто правъ, кто виноватъ, и нападки ея всегда почти направляются на управу.

Тѣмъ болѣе управа отвѣчаетъ за своихъ агентовъ. Число этихъ агентовъ иногда доходитъ до нѣсколькихъ тысячъ. И вотъ если служащій, а то и контрагентъ города, въ родѣ подрядчика, наноситъ городскому дѣлу ущербъ, поднимаются крики противъ управы: она не доглядѣла, хозяйство никуда не годится и т. д.; хорошо еще, если не бросаютъ въ нее обвиненія въ нечестности. Даже стихійныя несчастія ставились въ вину управамъ.

Понятно поэтому, что въ городскомъ дѣлѣ управамъ приходится быть еще болѣе осторожными, чѣмъ думами.

Но у управы есть еще одно обстоятельство, связывающее ей руки. Иногда по закону, иногда по думскому постановленію ей приходится сравнительно неважныя дѣла доводить до думы. А такъ какъ въ думѣ столько дѣлъ, что инымъ изъ нихъ нѣсколько мѣсяцевъ приходится лежать, пока до нихъ дойдетъ чередъ, то понятны происходящія отъ этого потери времени.

Я зналъ случаи, и много такихъ, когда пустое предположеніе о постройкѣ торговой будки на площади удовлетворялось, когда въ постройкѣ ея уже не было надобности. А земельныя дѣла, требующія не только санкціи думы, но и особо полного состава

ея, кое-гдѣ затягиваются такъ, что цѣлыя поколѣнія не могутъ регулировать своихъ отношеній къ городу.

Повидимому, желателенъ какъ можно большій контроль думы надъ своимъ исполнительнымъ органомъ. При этомъ какъ будто желателенъ контроль не только по исполненію извѣстной работы, но и вмѣшательство въ дѣло до его окончательнаго рѣшенія. Часто гласный, сдѣлавъ дѣльное замѣчаніе, замѣтивъ ошибку въ смѣтѣ или расчетѣ управы (а гдѣ ихъ нѣтъ?) и тѣмъ сэкономивъ нѣсколько сотъ рублей городскихъ денегъ, очень гордится своимъ подвигомъ. Но опасно изъ этого выводить заключеніе, что надо побольше дѣлъ проводить чрезъ думу, такъ какъ она сэкономитъ городскія деньги. Если бы эту смѣту или расчетъ провести еще черезъ другое, еще болѣе многолюдное собраніе, очень возможно, что могли бы быть сдѣланы еще болѣе значительныя сокращенія расходовъ. Несомнѣнная польза такихъ сокращеній отнюдь не вознаграждаетъ то, иногда громадное, зло, которое происходитъ отъ недостаточной самостоятельности управы.

Кромѣ происходящей отъ этого волокиты — и въ денежномъ отношеніи такія выгоды гораздо меньше возможныхъ упущеній. Напримѣръ: дума потребовала, чтобы торги выше извѣстной суммы утверждались ею. Между тѣмъ представляется возможность сдѣлать работу или купить матеріаль очень выгодно, воспользовавшись случаемъ. Въ большомъ хозяйствѣ такіе случаи представляются часто и каждый разъ созывать экстренное собраніе думы невысказано. Приходится отказаться отъ выгодной покупки и ради формы мириться съ большими убытками.

Желаніе ввести въ управскія дѣла болѣе, по мнѣнію гласныхъ, бдительное око самихъ хозяевъ, какъ они часто себя называютъ, и сознавая невозможность для думы вникать въ эти дѣла вызвали образованіе думскихъ исполнительныхъ комиссій. Нѣкоторыми комиссіи считаются чуть-ли не началомъ всѣхъ золъ городского хозяйства, другіе, наоборотъ, видятъ въ комиссіяхъ все спасеніе. Комиссіямъ думы довѣряютъ больше, чѣмъ управамъ. Комиссіи состоятъ изъ «своихъ», тогда какъ управа изъ «не-своихъ».

Отчасти такое раздѣленіе на «своихъ» и «не своихъ» правильно потому что въ управу на платныя должности головы и членовъ избираются люди нѣсколько особаго характера, чѣмъ гласные, считающіе себя хозяевами или «отцами» города. Отъ этого недостатка у членовъ управы «родительскихъ» чувствъ и происходитъ недовѣріе настоящихъ «отцовъ». Въ комиссіяхъ же, почти всегда бесплатныхъ, сидятъ сами «отцы». Имъ и довѣрія больше. Хотя комиссіи нѣсколько болѣе подвижны, чѣмъ дума; имъ, къ сожалѣнію, тоже присуща волокита. Правда, собираться онѣ могли бы чаще и при томъ когда нужно, по приглашенію управы, но на практикѣ почти вездѣ засѣданія комиссій посѣщаются плохо. Гласные, не безъ основанія говорятъ, что и въ думѣ работы довольно для людей, не только ничѣмъ не вознаграждаемыхъ, но часто вынужденныхъ для дѣлъ общественныхъ бросать свои личныя дѣла.

Все, что тормазитъ дѣятельность думы и управы, присуще и комиссіямъ. Та же необходимость часто истинную пользу приносить въ жертву разнымъ соображеніямъ политическаго свойства, та же малоподвижность, та же еще бѣлая, чѣмъ у управъ, неподготовленность къ дѣлу и при этомъ возможность не собираться, когда не хочется — и вы получите органъ еще болѣе медлительный, чѣмъ управа.

Волокита въ городскомъ хозяйствѣ присуща и иностраннымъ городамъ, хотя послѣднее время вездѣ замѣчается стремленіе дать бѣольшую самостоятельность исполнительнымъ органамъ. Въ нашихъ же думахъ, чтобы человекъ не дѣлалъ злоупотребленій, ему связываютъ руки. Ясно, что со связанными руками онъ не сдѣлаетъ зла, но не сдѣлаетъ и добра. Противъ злоупотребленій отдѣльныхъ лицъ есть другія средства: фактическій контроль (не препятствующій дѣлу, но строго провѣряющій сдѣланное), полная и безбрежная гласность и, наконецъ, перенесеніе центра тяжести работы съ тѣхъ частей общества, которыя теперь пользуются довѣріемъ, на другія, болѣе достойныя довѣрія и нынѣ съ неудовольствіемъ и по необходимости допускаемыя къ работѣ въ качествѣ третьяго элемента.

VII.

Дума.

Цѣль существованія думы, управы, гласныхъ одна — благо города, т.-е. благо обывателей. Главный поэтому вопросъ, или, скорѣе, единственный вопросъ, который намъ представляется, когда мы хотимъ критически отнестись къ нашимъ думамъ, — слѣдующій: соотвѣтствуютъ ли думы, т.-е. составъ ихъ, и все законодательство, по которому онѣ дѣйствуютъ, наилучшимъ образомъ пользѣ обывателя. Я, конечно, подразумеваю подъ словомъ „обыватель“ всякаго жителя города отъ перваго до послѣдняго, постоянного и временнаго. На этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ: не соотвѣтствуютъ.

Если спросишь обывателя, кому бы онъ ввѣрилъ свои хозяйственные интересы, то несомнѣнно онъ обратился бы не къ тѣмъ, кто въ настоящее время вѣдаетъ это хозяйство. Возьмите нашу прессу. Только немногіе органы нашей печати, которымъ дѣла нѣтъ до обывателя и которые всѣ вопросы—политическіе, общественные, научные, хозяйственные рѣшаютъ съ точки зрѣнія пользы своей, какими бы громкими, хотя и явно ложными принципами они ни прикрывали своего всепоглощающаго эгоизма,—только такіе органы печати, не краснѣя, могутъ всѣ недостатки нашего городского хозяйства сваливать на самую сущность принциповъ самоуправленія. Вся остальная печать, не весь стыдъ потерявшая, строго разграничиваетъ то, какъ наше хозяйство ведется отъ принциповъ, на которыхъ таковое основано. Преклоняясь предъ принципами, пресса, не скрывая грѣховъ, указываетъ на всѣ недостатки самоуправленій. А недостатковъ этихъ страшно много у всѣхъ, начиная отъ столицъ и кончая городами съ такъ называемымъ упрощеннымъ самоуправленіемъ. Недостатки эти видны каждому обывателю и рѣдкій обыватель не вторитъ прессѣ въ осужденіи своихъ городскихъ дѣятелей.

Повторять всё эти обвиненія здѣсь не мѣсто. Но указать главныя основанія розни обывателей и ихъ представителей не мѣшаетъ.

Главное, что уже давно вызываетъ наибольшее число нареканій, это—составъ гласныхъ. Гласнымъ можетъ быть: 1) домовладѣлецъ, 2) купецъ. И только. Другими словами, для избирателя и гласнаго есть одинъ цензъ: цензъ имущественный и при томъ очень высокій. Ценза образовательнаго не надо. Пусть профессоръ окончилъ три университета въ Россіи и за границей, написалъ ученое сочиненіе, давшее ему всемірную извѣстность, но права положить шарикъ тому или другому кандидату въ „отцы города“ онъ не заслужилъ. Право это предоставлено его сосѣдямъ, нажившимъ дома, одинъ, быть можетъ, ростовщичествомъ, другой, торгуя кабакомъ, третій, того гляди, и домою терпимости. Ну, не досадно ли?

Теперь въ Петербургѣ (почему только въ Петербургѣ?) квартиранты получили право избранія, но и это право распространилось на лицъ, живущихъ лишь въ большихъ квартирахъ, такъ что мой ученый, живущій въ меблированныхъ комнатахъ, все еще счастія попасть въ гласные или даже избиратели не получилъ.

Разсуждаютъ такъ. Городъ состоитъ изъ домовъ; если большинство думы будетъ состоять изъ обывателей домовладѣльцевъ, то они могутъ обложить дома, какъ главный предметъ обложенія, до такой степени, что домовладѣльцамъ останется запереть дома и бѣжать. Понятна склонность людей неимущихъ облагать имущихъ въ свою пользу. Такъ говорятъ защитники теперешняго порядка, забывая обратную сторону медали. Дѣйствительно, въ теперешнее царство домовладѣльца и крупнаго торговца мы видимъ совершенно обратную картину. Домовладѣлецъ поглотилъ обывателя. Долго останавливаться на этомъ нечего. Всѣ знаютъ, что громадное большинство русскихъ городовъ не хочетъ вовсе знать больничнаго дѣла, довольное, что можетъ эту обузу свалить на земство. Кое-гдѣ даже и народныя школы въ городахъ устраиваются земствами. Дѣйствительно,

вѣдь домовладѣлецъ и крупный торговецъ пригласить учителя, доктора къ себѣ. Ему больница, школа не нужна. Для центра, гдѣ живутъ богатые домовладѣльцы — и улучшенныя мостовыя и порядочное освѣщеніе; для окраинъ — ухабы и мракъ. На окраинахъ въ Тамбовѣ тонетъ на улицѣ лошадь, окраину и въ столицѣ тщательно оберегаютъ отъ общенія съ центромъ, чтобы не понизить въ центрѣ квартирныхъ цѣнъ. А невѣроятно низкія обложенія въ нѣкоторыхъ городахъ, еще стѣсняющія кругъ избирателей, понижающія максимумъ одѣночнаго сбора, сплочивающія „отцовъ города“ въ совсѣмъ семейный кружокъ!

Это зло отъ домовладѣльческихъ думъ мы видимъ вездѣ, испытали его много разъ, тогда какъ страхи противниковъ, конечно, на дѣлѣ бы не оправдались. Вѣдь стоитъ назначить, какъ оно, впрочемъ, и есть, предѣльное обложеніе, и бояться переобложенія домовъ нечего. Зато обывательскія дѣла вѣдались бы обывателями; участвовали бы въ работѣ и жители верхнихъ этажей, и подваловъ, и окраинъ.

Да и безъ предѣльнаго обложенія сама жизнь установила бы нормы этого обложенія. Вѣдь и обывателю-недомовладѣльцу выгодно, чтобы домовъ было больше, чтобы дома были лучше, чтобы торговые обороты увеличивались; выгодно, чтобы было хорошо и домовладѣльцамъ и торговцамъ. Разорить домовладѣльцевъ значило бы разорить и обывателя. Поэтому предоставленіе правъ одной категоріи жителей можетъ повести къ ущербу всего города на пользу привилегированной категоріи; привлеченіе же къ работѣ всѣхъ жителей не можетъ повести къ разоренію одного какого-либо класса. Для всѣхъ выгодно, чтобы всѣмъ было хорошо, чтобы было равновѣсіе всѣхъ классовъ. Поэтому расширеніе круга избирателей могло бы исправить настоящіе недочеты самоуправленія безъ малѣйшаго риска подвергать города тѣмъ ужасамъ, до продажи ихъ съ торговъ за долги включительно, которые предсказываются противниками этой насущной реформы.

Гласными думы могутъ по настоящему законодательству быть всѣ избиратели. Между тѣмъ, я полагаю, что требованія

отъ избирателя и гласнаго должны быть различны. Избиратель, т.-е. обыватель, долженъ только сказать одно: желаетъ ли онъ такого-то имѣть гласнымъ, вѣрить ли онъ ему или нѣтъ. Гласный долженъ, кромѣ довѣрія обывателя, обладать еще положительными знаніями. Онъ долженъ рѣшать вопросы санитаріи, архитектуры, бухгалтерскіе, финансовые и другіе. Гласный долженъ быть человѣкъ разносторонне образованный. А образованія-то отъ него и не требуется. Поэтому, если цензъ нуженъ, то гораздо болѣе для гласнаго, чѣмъ для избирателя. Я разумѣю, конечно, цензъ образовательный. Я говорю: *если* цензъ нуженъ, потому что убѣжденъ, что обыватель, хотя бы и темный, сдумѣлъ бы разобраться въ своихъ кандидатахъ и кромѣ довѣрія потребовалъ бы отъ него и научнаго знанія и умѣнія. Но во всякомъ случаѣ главная бѣда нашихъ думъ — власть такъ называемыхъ „черныхъ сотенъ“ — могла бы быть парализована, за невозможностью болѣе радикальной реформы, введеніемъ образовательнаго ценза.

Составъ избирателей влечетъ за собой при выборахъ избирательную борьбу интеллигентной партіи съ „черной сотней“. И вотъ приходится сплошь да рядомъ присутствовать при удивительныхъ результатахъ такой борьбы. Вдругъ узнаешь, что лучшія силы изъ избирателей, всѣ мало-мальски учившіеся, забаллотированы. Забаллотированными оказываются люди, составляющіе красу мѣстнаго земства. Стыдно бываетъ за выбиравшихъ. И послѣ этого находятся люди, не стыдящіеся взваливать на самые принципы самоуправленія результаты искаженія этихъ самыхъ принциповъ!

Вторая главная причина нареканій на самоуправленія заключается въ отношеніяхъ органовъ самоуправленія къ администраціи.

То, что прежде называлось „органами общественнаго самоуправления“, теперь переименовано въ „органы городского управленія“. Въ этомъ сказывается все. И я не ошибусь, если скажу, что дѣла дѣлаются хорошо или плохо въ зависимости не только отъ того, хороша или плоха дума, но и отъ того, какія у нея отношенія къ мѣстной администраціи. Самыя лучшія начинанія

думы могут погибнуть, если мѣстная администрація отнесется къ ней или ея органамъ недоброжелательно. Я знаю тому не одинъ примѣръ. Самый выгодный для города проектъ проваливался, потому что безъ всякой причины администрація накладывала свое veto.

И не говорите мнѣ, что у думы есть право обжалованія. Конечно, оно есть. Но независимо отъ того, что такія дѣла ждутъ по нѣскольку лѣтъ своего рѣшенія, даже и благопріятное для думы рѣшеніе сената часто не приводится въ исполненіе. Средствъ для этого у администраціи довольно. Я уже не говорю, что придерживаться и въ другихъ случаяхъ такихъ рѣшеній сената совсѣмъ не считается обязательнымъ не только для другихъ мѣстностей, но даже и для той, по отношенію къ которой это рѣшеніе послѣдовало. Общее правило таково, что дѣло городское можетъ идти хорошо только при условіи хорошихъ отношеній администраціи къ думѣ, управѣ, головѣ. Къ сожалѣнію, кажется, чаще можно указать на случаи дурныхъ, нежели хорошихъ отношеній. Долженъ сказать, что мнѣ близко извѣстны случаи, гдѣ администрація не только никогда ни одной палки не вставляетъ въ колеса городского хозяйства, но, наоборотъ, сама готова отстранить могущія встрѣтиться препятствія.

Часто хорошія отношенія покупаются городскимъ самоуправленіемъ слишкомъ дорогою цѣною. Приносятся въ жертву принципы, которые должны храниться свято всѣми, кто имѣетъ честь быть однимъ изъ штифтиковъ крупнаго механизма самоуправления. Не о такихъ жертвахъ я конечно говорю, рекомендуя добрыя отношенія. Я констатирую фактъ, что безъ добрыхъ отношеній плодотворной дѣятельности добиться трудно. Большею частью, конечно, это зависитъ отъ самой администраціи.

Третій поводъ къ нареканіямъ обывателя на самоуправленіе— полная невозможность для его органовъ провести въ жизнь многія самыя насущныя постановленія думы. Возьмемъ все, что касается внѣшняго благоустройства города и что должно быть исполнено самими обывателями: соблюденіе правилъ санитаріи, строительныхъ, торговыхъ. Что можетъ сдѣлать управа,

когда эти правила нарушаются? Обратиться къ полиціи? А полиція? Составить протоколь и передать его въ судъ, рѣшеніе котораго, по вступленіи въ законную силу и прошедши иногда двѣ инстанціи, приводится въ исполненіе. Покажемъ, какъ это иногда дѣлается на практикѣ. Устраивается, ну, скажемъ, кузница съ нарушеніемъ строительныхъ обязательныхъ правилъ, т.-е. тамъ, гдѣ это не дозволено. Слѣдующее за этимъ дѣломъ лицо доводитъ объ этомъ до свѣдѣнія полиціи. Полиція составляетъ протоколь и беретъ подписку съ кузнеца, что онъ недоволеныхъ работъ производить не будетъ. Протоколь идетъ къ суду, гдѣ иногда годъ и болѣе ждетъ своего рѣшенія. Наконецъ, кузница сносится, а кузнецъ штрафуется на незначительную сумму. А работать - то ему нужно было всего нѣсколько мѣсяцевъ и онъ нарушалъ все это время покой жителей и, что еще важнѣе, угрожалъ своей кузницей сосѣднимъ постройкамъ въ пожарномъ отношеніи.

Другой примѣръ. Домовладѣлецъ содержитъ свой дворъ въ невозможно грязномъ и антисанитарномъ видѣ. Ему до этого дѣла нѣтъ. Жильцы у него бѣдные, домъ всегда полонъ. У него одна забота: больше получать, меньше расходовать. Составляется протоколь. Черезъ годъ онъ платитъ незначительный штрафъ. Новый протоколь — новый штрафъ. А домъ все въ томъ же видѣ, а жильцы и дѣти ихъ мрутъ отъ разныхъ инфекцій. Да ему выгоднѣе по десяти штрафовъ въ годъ платить, чѣмъ держать дворъ свой въ хорошемъ видѣ!

А между тѣмъ, главная часть расходовъ на полицію лежитъ на городѣ, судьи тоже иногда получаютъ жалованье отъ города. Я уже не говорю о случаѣ, когда полиція кому-либо покровительствуетъ изъ тѣхъ, на кого надо составлять протоколы. И нельзя сказать, какъ говорятъ нѣкоторые, что городскіе порядки, и полиція, и судъ таковы, каковыхъ заслуживаетъ культурный уровень населенія. Если на самомъ Невскомъ проспектѣ хорошенько покопаться, то найдутся такія нарушенія самыхъ элементарныхъ санитарныхъ правилъ, что въ ужасъ придешь. Тутъ культурный уровень ни при чемъ. Очевидно, желательнее было

бы измѣнить весь полицейскій строй нашихъ городовъ и ускорить (только ли увеличивъ численно?) судебную волокиту. Полная независимость полиціи отъ самоуправленія, полное отсутствіе гласности въ дѣлахъ полиціи, полная, наконецъ, безотвѣтственность ея — вотъ тѣ главныя причины, вызывающія такъ часто нареканія не только на нее, но и на самоуправленіе. Вотъ это и особенно досадно. Вѣдь обыватель не вникаетъ въ подробности дѣла, онъ знаетъ, что работа о санитарныхъ условіяхъ города лежитъ на самоуправленіи, и ну ругать самоуправленіе. Но чтобы водворить санитарію, мало написать обязательныя правила и слѣдить за ихъ нарушеніями, надо еще имѣть хорошо организованные исполнительные органы для пресѣченія этихъ нарушеній и быстро дѣйствующую судебную организацію, чтобы карать нарушителей. Думаю, что и законъ могъ бы быть строже для нихъ. А то вѣдь пятирублевый штрафъ для домовладѣльца болѣе похожъ на шутку, чѣмъ на наказаніе.

VIII.

Гласные.

Односторонне направленное законодательство даетъ повсюду одинаковые результаты. Естественно, что наша система вылилась по всей Россіи въ одинаковыхъ формахъ. Немножко больше, немножко меньше—но характеръ думъ одинъ вездѣ. Охарактеризовать положеніе можно однимъ словомъ: вездѣ у насъ господство „черной сотни“!

Да и не удивительно, когда и общій и кое-гдѣ частные законы всѣ направлены къ одному: не допускать въ думы интеллигентовъ. Такъ уже міръ созданъ, что капиталъ и интеллигентность не совпадаютъ, а у насъ въ Россіи даже противопологаются другъ другу болѣе, чѣмъ гдѣ-либо. А если случайно мы и присутствуемъ при такомъ совпаденіи, то верхъ почти всегда беретъ капиталъ. Интеллигентность въ такомъ чловѣкѣ

мало-по-малу прячется, входитъ въ компромиссы и въ концѣ концовъ уступаетъ мѣсто сильнѣйшему противнику. Понятно послѣ этого господство черной сотни, — ихъ призвалъ законъ володѣть городами! Имъ и книги въ руки!

Къ усиленію этой категоріи гласныхъ ведутъ и частные законы. Запрещеніе евреямъ участвовать въ собраніяхъ и въ качествѣ гласныхъ и въ качествѣ избирателей — не на руку ли это черной сотнѣ? А ограниченіе числа христіанъ на Кавказѣ? Даже какъ-то трудно выговаривается. Ограниченіе избирательныхъ правъ евреевъ можетъ быть объяснено, ну, хоть нетерпимостью религіи. А ограниченіе числа христіанъ? Чѣмъ это можно объяснить, какъ не свѣтобоязнію? Не лучше ли было бы на Кавказѣ не опредѣлять числа гласныхъ по религіямъ. Пусть одна дума была бы хотя сплошь армянской, другая сплошь татарской. Что же изъ этого ясно? Ясно, что все это ведетъ къ одному — къ уменьшенію интеллигентности думъ.

Напрасно подумаетъ слушатель думскаго засѣданія, что вершатъ въ думахъ дѣла гласные, сидящіе въ первыхъ рядахъ и произносящіе блестящія рѣчи. Чего вы тутъ не услышите? И призывы къ свѣту, къ гуманности, къ добру, призывы часто искренніе, часто бьющіе на эффектъ въ надеждѣ попасть въ слѣдующій номеръ газеты. Услышите вы тутъ и призывъ назадъ, большею частью искренній, но и тутъ иногда основанный на тонкомъ практическомъ расчетѣ. Иногда публика аплодируетъ то тому, то другому оратору. Но не тутъ дѣло дѣлается. Начинается резюме головы, и вдругъ въ залу бѣгутъ курившіе во время преній гласные и при голосованіи постановляютъ рѣшеніе, часто являющееся неожиданностью для публики и противорѣчащее тому, что говорилось во время дебатовъ, но предвидѣнное хорошо знающими потайныя пружины муниципальнаго механизма.

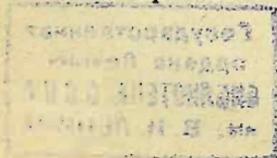
Сидятъ въ думѣ голова, члены управы, предсѣдатели ревизіонной, совѣщательныхъ, исполнительныхъ комиссій. Они знаютъ дѣло ближе другихъ. Но они ли оказываютъ главное вліяніе на ходъ думскихъ дѣлъ? Иногда они, а иногда гласный, который

никогда въ думѣ и слова-то не проронилъ. Такой иногда гласный, а то и обыватель не изъ гласныхъ (бываютъ и такіе случаи), является буквально вершителемъ всѣхъ городскихъ дѣлъ. Есть города, гдѣ всякое рѣшеніе не только думы, но и управы, выборы самой управы, приглашеніе разныхъ лицъ на службу — все это дѣлается не иначе какъ съ благословенія какого-нибудь всесильнаго человѣка. Голова, члены управы, третій элементъ — все въ зависимости, той или другой формы, отъ этого фактическаго и дѣйствительнаго хозяина города. И это случай далеко не единичный.

Въ особенности закулисная борьба и потайныя вліянія легко наблюдаются при выборныхъ кампаніяхъ. Совершенно открыто пишется про эту агитацію въ газетахъ. Заранѣе вліятельными лицами составляются списки гласныхъ, при чемъ избиратели являются удивительно дисциплинированными. Я говорю про большинство, которое всегда въ думѣ ненавидитъ интеллигента. У каждаго жителя провинціального города на умѣ, какъ прокатывали людей высоко-образованныхъ, выдающихся земскихъ дѣятелей.

Надо оговориться. Если бы агитація велась около конкретнаго какого-нибудь факта, если бы выставлялись pro и contra такого-то или другого человѣка въ отношеніи его къ работѣ, тогда было бы понятно. Такого рода выборная борьба раскрыла бы горизонтъ для будущихъ дѣятелей. Но, увы! не о дѣлѣ пекутся эти господа, а о чисто личныхъ интересахъ! Одинъ ли человѣкъ забралъ силу вслѣдствіе своего (конечно имущественнаго, а не образовательнаго) вліянія на большинство избирателей, или группа лицъ, связанныхъ общими интересами, вотъ чтò создаетъ почву, на которой строится зданіе самоуправленія.

Наиболѣе разыгрываются разные аппетиты, когда дѣло идетъ о городской землѣ. Въ центрѣ Россіи можно указать цѣлыя состоянія, образовавшіяся болѣе или менѣе нахальнымъ, болѣе или менѣе легальнымъ захватомъ городскихъ участковъ. Тамъ же, гдѣ земельныя отношенія не вполне урегулированы, гдѣ нѣтъ правильно составленнаго земельного инвентаря, тамъ еще

болѣе разгораются глаза на городскую землю. Естественно, что всѣ тѣ, которыхъ аппетитъ въ этомъ отношеніи не вполне удовлетворенъ, скрыто, если не откровенно, будутъ противъ всякаго, кто бы могъ имъ противодействовать.

Деньги такъ привлекаютъ людей, такъ ихъ сплочиваютъ, что естественными центрами денежныхъ группъ являются банки. Связь между городскимъ самоуправленіемъ и мѣстнымъ общественнымъ банкомъ очень ярко начала высказываться въ семидесятихъ годахъ, когда начали основываться городскіе банки. Затѣмъ, послѣ ряда краховъ, связь эта перестала быть непосредственной, какъ прежде, но и теперь во многихъ мѣстахъ она чувствуется. Банковскіе дѣятели сплошь да рядомъ и являются тѣмъ избирательнымъ центромъ, вокругъ котораго группируется все имѣющее связь съ кредитомъ и векселями. А это и есть среда, вѣдающая городское хозяйство. Недавно еще мы были свидѣтелями страшно интенсивной избирательной борьбы въ одномъ изъ крымскихъ городовъ. Всѣ средства считались дозволенными. Пресса участвовала въ борьбѣ. Партіи такъ и назывались: банковская и интеллигентная.

Кромѣ двухъ постоянно встрѣчающихся, довольно сплоченныхъ, „группъ гласныхъ, интеллигентной и черной сотни“, почти въ каждой думѣ есть гласный или два, составляющихъ всѣмъ и всему оппозицію. Это люди желчныя, видящіе во всемъ злоупотребленія и всегда открыто всѣхъ въ этихъ злоупотребленіяхъ обвиняющіе. Странная вещь: присутствіе такихъ людей какъ будто неизбѣжно въ каждой думѣ. Повидимому, такіе гласные должны бы быть очень полезными. Къ сожалѣнію, на практикѣ это не такъ. Увлекаясь мелочами, а то просто видя зло, гдѣ его нѣтъ, они пользуются малымъ авторитетомъ и часто за деревьями лѣса не видятъ.

IX.

Думскія засѣданія.

Законъ предвидѣлъ неохоту, съ которой гласные будутъ посѣщать засѣданія. На сельскихъ сходахъ для обычнаго схода требуется половина домохозяевъ, а для сходовъ, обсуждающихъ особо важныя дѣла, — двѣ трети; думское засѣданіе *) считается состоявшимся при одной трети гласныхъ и можетъ важныя дѣла, касающіяся займовъ, земельныхъ дѣлъ, рѣшать при половинѣ. Къ тому же на сходъ долженъ идти всякій. Положимъ, я—крестьянинъ, рожденъ безъ всякаго стремленія заниматься общественнымъ дѣломъ. Тѣмъ самымъ, что я—членъ извѣстной общины, я обязанъ являться на сходы и исполнять общественное дѣло, и несмотря на это, законъ требуетъ большого числа явившихся на сходъ.

Въ стотысячномъ городѣ требуется восемьдесятъ гласныхъ, восемьдесятъ отцовъ города, избранныхъ, лучшихъ людей. И вдругъ законъ въ предвидѣніи ихъ нежеланія работать усердно, самъ назначаетъ для законности собранія меньшей процентъ всего состава, чѣмъ въ деревнѣ. И законъ правъ: сельскіе сходы въ громадномъ большинствѣ случаевъ собираются даже въ рабочую пору, а думскія засѣданія сплошь да рядомъ объявляются несостоявшимися за неприбытіемъ законнаго числа гласныхъ; важныя же дѣла цѣлые мѣсяцы, а то и года ждутъ, чтобы собралась половина отцовъ города! Правда, крестьянъ можно гнать десятскими, а за неявку всѣхъ поголовно перештрафовать безъ суда или пересажать въ холодную, а господъ гласныхъ можно только просить, но вѣдь, подумайте, какая разница! Если бы были стотысячныя села, то на сходъ должны бы явиться (100000 человекъ соотвѣтствуютъ 20000 домохозяевъ въ деревнѣ) отъ 10 до 13 тысячъ человекъ, а въ думу на стотысячное населеніе отъ 27 до 40 человекъ, да еще какихъ отборныхъ! Гдѣ же причина?

*) Въ большихъ городахъ.

Индиѳферентность лучшихъ людей и стремленіе къ общественному дѣлу худшихъ, да еще какихъ худшихъ! для которыхъ писаннаго закона нѣтъ, а есть обычное право, для которыхъ еще есть тѣлесныя наказанія, которыхъ можно наказывать безъ суда.

Ой, полно, читатель?! Не перепутались ли у насъ съ вами понятія о лучшихъ и худшихъ?

Итакъ, засѣданія думы часто не могутъ состояться. Поэтому надо думскую повѣстку составлять умѣло. Надо чѣмъ-нибудь да приманить гласныхъ. Потому что вѣдь есть приманки для гласныхъ. Есть засѣданія, на которыя являются всѣ гласные, въ данное время находящіеся въ городѣ. Таковы засѣданія, на которыхъ происходятъ выборы головы или членовъ; засѣданія, на которыхъ предвидится крупный скандалъ и, наконецъ, засѣданія, сильно задѣвающія интересы одного или многихъ гласныхъ. Тутъ многое гонитъ гласнаго изъ дома или изъ клуба: и личный интересъ товарища, и желаніе послужить ближнему, и столь понятный интересъ скандала, превращающаго иногда думское засѣданіе чуть не въ пѣтушиный бой. Мало ли что иногда гонитъ гласнаго въ думу! Конечно, есть гласные, любящіе дѣло, интересующіеся всѣмъ, что въ городѣ дѣлается, есть даже не пропускающіе ни одного засѣданія (какъ есть-таки — ни одного за все четырехлѣтіе), есть душу кладущіе въ дѣло, а не въ сопряженные съ дѣломъ тѣ или другіе интересы.

Но если ихъ много, то почему такъ ждутъ одного-двухъ гласныхъ, не хватающихъ до комплекта? Почему ихъ вызываютъ по телефону изъ клубовъ? Почему, несмотря на это, иногда засѣданіе все-таки не состоится?

Засѣданія думскія всегда публичны. Есть случаи, гдѣ нѣкоторые вопросы публично обсуждаться не могутъ. Напримѣръ, если городъ имѣетъ выступить конкурентомъ на торгахъ, какъ было въ столицахъ по телефонному, дѣлу, или если обсуждается судебный процессъ съ противникомъ, которому не надо знать соображеній гласныхъ. Но эти случаи весьма рѣдки и никогда никому въ голову не придетъ протестовать противъ тайны та-

кихъ засѣданій. Но чтобы самый свѣтобоязненный голова или чтобы сама дума когда-либо рѣшили сдѣлать засѣданіе непубличнымъ изъ-за опасенія огласки чего-либо скандальнаго или непріятнаго — этого я примѣровъ не знаю. Но что меня постоянно поражало, это — отсутствіе публики въ засѣданіяхъ, какъ въ думѣ, такъ и въ земствѣ. Кромѣ газетныхъ корреспондентовъ, народу очень мало, да и тѣ или служащіе думы или земства, или же лица, причастныя къ разсматриваемымъ дѣламъ. Публики же, идущей на засѣданіе не изъ личнаго, а изъ общественнаго интереса, совсѣмъ не видно, исключая тѣхъ засѣданій, о которыхъ, навѣрное, можно думать, что безъ скандала не обойдется.

Надо признаться, что нашъ братъ, общественный дѣятель, ораторскимъ талантомъ не отличается. И въ вину намъ это ставить нельзя. Негдѣ было развивать намъ этого таланта, а главное не на чемъ. Надо часто и много говорить публично, чтобы пріобрѣсти навыкъ. Часто и много говорятъ у насъ только адвокаты и священники, при чемъ послѣдніе — на своеобразномъ языкѣ. Между ними и встрѣчаются ораторы. А намъ не приходится въ нашихъ рѣчахъ слишкомъ распространяться потому, что очень ужъ ограничена сфера общественной дѣятельности. Дума да земство, а больше ничего и нигдѣ. Но какъ-никакъ, а можно бы отъ обывателя ожидать ббльшаго интереса къ засѣданіямъ.

Перейду къ самому засѣданію. Въ большинствѣ случаевъ во время засѣданій гласные курятъ какъ въ земскихъ, такъ и думскихъ собраніяхъ. Съ зеркала снимается гербъ и тогда куреніе разрѣшается. При этомъ условіи курятъ иногда и въ правительственныхъ засѣданіяхъ. Но есть думы, гдѣ курить въ засѣданіяхъ не принято. Говорятъ, что куреніе противорѣчитъ достоинству засѣданія. Говорятъ также, что если гласные будутъ курить, то можетъ закурить публика и что тогда въ засѣданіи дышать будетъ нечѣмъ. Это возраженіе, къ слову сказать, невѣрно. Публика можетъ выходить, чтобы покурить и, конечно, если гласные курятъ, то это не примѣръ для публики. Публика

это, конечно, понимает и въ претензіи не бываетъ. Я самъ не курю и потому такъ горячо защищаю куреніе, а защищаю я куреніе вотъ почему. Надо считаться съ условіями. А всѣмъ извѣстно, какъ русскому человѣку трудно часть времени просидѣть безъ папироски. Самъ куриль—знаю! Такъ вотъ, когда въ засѣданіи не курятъ, гласныхъ такъ и тянетъ въ курительную комнату. Говорятъ, говорятъ и вдругъ гласные заявляютъ: „да мы не въ составѣ“,—и ну звать гласныхъ изъ курительной. И такъ во время преній даже на интересныхъ вопросахъ половина гласныхъ часто курить и нарочно, прокуривъ пренія, является къ голосованію. Къ чему же, спрашивается, пренія, если безъ нихъ можно обойтись? И къ чему мы говоримъ? Другихъ убѣждать, или самихъ себя слушать? И хорошо же рѣшаются вопросы!

Вотъ къ какимъ выводамъ меня привелъ вопросъ о куреніи во время засѣданій и почему онъ мнѣ показался стоящимъ разговора. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ пренія думскихъ засѣданій ведутся довольно вяло. Рѣдко въ дружныхъ и дѣловитыхъ думкахъ дѣла идутъ, и важныя, и неважныя, скоро и вызывая пренія лишь по существу. Обыкновенно или спятъ, или ссорятся. А ссорятся жестоко и иногда по самымъ пустячнымъ поводамъ. Власть предсѣдательская головы умалется тѣмъ, что онъ же, въ качествѣ предсѣдателя и управы, является часто и объектомъ для нападковъ, и вообще нуженъ большой авторитетъ предсѣдателя, чтобы сдерживать страсти въ должныхъ границахъ. Больно мы плохіе спорщики: всѣ хотимъ заразъ говорить.

Надо къ этому прибавить, что въ нашихъ думкахъ гласные далеко не парламентарны. Сплошь да рядомъ въ газетахъ читаются возмутительныя выходки гласныхъ: обвиняютъ членовъ управы, а то и всю коллегію, въ злоупотребленіяхъ. Доходитъ до того, что гласныхъ выводятъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, дѣлалось въ думѣ одного изъ нашихъ большихъ городовъ. Какъ это практически дѣлается, кто рѣшаетъ, когда гласнаго надо вывести и кто это приводитъ въ исполненіе—я не знаю. Но фактъ налицо.

Я, признаться, не понимаю, для чего законъ опредѣлилъ такой странный порядокъ назначенія засѣданій. Узаконенное число засѣданій заранѣе опредѣляется особымъ утвержденнымъ и думой и администраціей расписаніемъ. При этомъ всякое засѣданіе можетъ продолжаться и одинъ день, и два, и больше, сколько нужно, чтобы рассмотретьъ всѣ дѣла. Кромѣ того, съ разрѣшенія губернатора могутъ еще быть назначаемы экстренныя засѣданія. На практикѣ думскихъ засѣданій (я называю засѣданіемъ однодневный сѣздъ) бываетъ сколько угодно и когда угодно. Было бы проще разрѣшить головѣ собирать думу, когда нужно.

Весьма стѣсненному въ исполнительной своей роли головѣ дана большая распорядительная власть во всемъ, что касается программы засѣданія. Онъ можетъ пустить одно дѣло скорѣе, а другое оттянуть на неограниченное время. За множествомъ дѣлъ можно всегда отговориться недостаткомъ времени. Да и въ самомъ засѣданіи онъ можетъ докладывать впередъ тѣ дѣла, которыя хочетъ. Въ самую повѣстку вносятся доклады управы или одного головы. Если онъ, напримѣръ, въ чемъ-либо несогласенъ съ управой, то можетъ это разногласіе передать на обсужденіе думы; членъ же управы фактически этого права лишенъ.

Конечно, права головы въ дѣйствительности гораздо меньше. Дума всегда можетъ чисто нравственнымъ давленіемъ заставить его подчиняться ея желаніямъ, даже если законъ на его сторонѣ.

Весьма важное значеніе имѣетъ протоколъ засѣданія. Въ немъ отражается все сказанное. Важно въ большинствѣ случаевъ не одно рѣшеніе думы, но и его мотивировка. Всякое, повидимому, самое незначительное постановленіе можетъ въ послѣдствіи разыгратъ въ крупное недорозумѣніе. Приходится обращаться къ протоколамъ, и тогда выступаетъ вся важность хорошаго протокола. Законъ, чтобы освободить секретаря отъ односторонняго вліянія головы, сдѣлалъ эту должность выборною. Секретарь зависитъ отъ думы, а не отъ головы. Это имѣетъ свою хорошую и свою дурную сторону.

Конечно, если голова через посредство зависимаго отъ него всецѣло секретаря будетъ въ ему пріятномъ, но несоотвѣтствующемъ дѣйствительности свѣтѣ освѣщать происходящія въ думѣ пренія, это будетъ противно и правдѣ, и интересамъ собранія. Съ другой стороны, иногда думы выбираютъ секретаря, который не на высотѣ положенія и не можетъ быть хорошимъ протоколистомъ. Передавать пренія какъ они были, съ отгѣнками, пропуская все неважное—дѣло весьма нелегкое и требуетъ извѣстной спеціальности. Есть мастера этого дѣла.

Такъ, положимъ, что дума выбрала плохого секретаря. Голова слѣдитъ за его работой, но не можетъ же, да часто и не сумѣетъ, составлять за него протоколы. Посвящать часть засѣданія не только исправленію, но даже чтенію протокола предъидущаго засѣданія большею частью не хватаетъ времени. И остается плохой протоколъ, а плохой протоколъ иногда источникъ большихъ бѣдъ.

Поневолѣ вспомнишь земскія собранія съ ихъ секретарями изъ гласныхъ. Какіе прекрасные секретари вырабатываются. Точно фонографируютъ засѣданіе! Еще два слова: желательно было бы, чтобы всѣ пренія стенографировались, но, къ сожалѣнію, стенографія у насъ не процвѣтаетъ и очень дорога. Да и гласнымъ врядъ ли всѣмъ захочется, чтобы навѣки запечатлѣвались всѣ ихъ рѣчи...

Х.

Общественная дѣятельность.

Общественнымъ дѣятелемъ склоненъ считать себя всякій. Даже люди, дѣятельность которыхъ наименѣе какъ будто направлена на благо общества, даже и тѣ видятъ въ такой дѣятельности не одно стремленіе къ собственной пользѣ. Крупнѣ... и онъ вамъ скажетъ, что работаетъ для блага общественнаго. Такъ же думаетъ ростовщикъ, склонный не только извинять свои

высокіе проценты, но умиляться тѣмъ благодѣяніемъ, которое онъ совершаетъ, давая въ ростъ бѣдняку деньги. Эгоизмъ такъ противенъ этикѣ и такъ вмѣстѣ съ тѣмъ пріятенъ, что любой эгоистъ склоненъ этотъ порокъ свой прикрывать не только для людей, но и для себя самого болѣе возвышенными побужденіями...

Общественныхъ дѣятелей (я говорю о настоящихъ) на западѣ гораздо болѣе, чѣмъ у насъ. Тамъ общество болѣе самостоятельно, менѣе ходитъ на помочахъ, болѣе разсчитываетъ на собственные свои силы. Естественно, что и работниковъ оно выдвигаетъ больше. Для примѣра возьмемъ прессу.

Дѣятель прессы, если у него искреннее намѣреніе воздѣйствовать на часть общества, если у него дѣйствительное стремленіе принести пользу людямъ, а не себѣ одному, есть, очевидно, общественный дѣятель. Такъ, какъ же сравнить писателя заграничнаго съ писателемъ русскимъ? Одинъ пишетъ, редактируетъ и издаетъ что, какъ и когда хочетъ. Другой издаетъ и редактируетъ лишь при особенно благопріятномъ стеченіи обстоятельствъ (иному издательства или редакціи, какъ ушей своихъ не видать), да и пишетъ-то съ оглядкою, между строкъ, перифразами и иногда такъ, что теперь чуть не особый языкъ создается, особенно обильный риторическими фигурами умолчанія, — языкъ русской газетной прессы. Естественно, что на одного писателя русскаго мы имѣемъ десятки иностранныхъ.

То же явленіе наблюдается у насъ и въ другихъ родахъ общественной дѣятельности. То, что за границей является продуктомъ самодѣятельности общества, у насъ узаконяется, регламентируется, предписывается, контролируется сверху, при почти полномъ бездѣйствіи общества.

На самодѣйствіе общества приходится разсчитывать или въ такихъ дѣлахъ, которыя не успѣли быть вполне регламентированы, какъ, напримѣръ, благотворительность, или въ такихъ, которыя почему-то еще предоставлены мѣстному самоуправленію.

Эту послѣднюю дѣятельность — дѣятельность самоуправленія — и принято у насъ называть общественной въ узкомъ смыслѣ этого слова.

Естественно, что и такая дѣятельность, въ виду своей исключительности, встрѣчаетъ на своемъ пути гораздо болѣе терній, чѣмъ такая же дѣятельность за границей. Въ настоящей статьѣ я намѣренъ касаться не терній внѣшнихъ, за полной бесполезностью такого обсужденія, а терній внутреннихъ, исходящихъ изъ того же общества, для котораго призваны работать общественные дѣятели.

Долженъ я здѣсь оговориться, что хотя дѣятельность нашихъ самоуправленій и можетъ быть названа самодѣятельностью, но и здѣсь самодѣятельность далеко не совершенна уже потому, что призвана къ работѣ весьма малая часть общества, при чемъ призванными оказываются не тѣ, которые могли бы принести обществу наибольшую пользу, а тѣ, которые почему-то считаются наиболѣе достойными завѣдывать нашимъ городскимъ и земскимъ хозяйствомъ. Гласные въ земскихъ собраніяхъ, думахъ, комиссіяхъ, головы, предсѣдатели и члены управъ въ своемъ мѣстѣ обсуждаютъ дѣла и заправляютъ хозяйствомъ, которое непосредственно лежитъ на обязанности такъ называемаго третьяго элемента. Обязанности и права всѣхъ этихъ лицъ строго опредѣлены законами, дѣятельность ихъ нормируется общими принципами подчиненія своей личной выгоды общественной пользѣ, служенія дѣлу до послѣдней капли крови, полной безпристрастности и т. д. Обязанности сплошь да рядомъ не исполняются, права превышаются, принципы, хотя бы самые общеизвѣстные, не соблюдаются. Но тѣмъ не менѣе эти обязанности, права и принципы строго урегулированы законами и прописною моралью и, несмотря на разницу между ними и жизнью останавливаться на этомъ не стоитъ.

Гораздо интереснѣе другой вопросъ, болѣе тонкій.

Общественный дѣятель, будь онъ гласный, членъ управы, врачъ или статистикъ, дѣлаетъ дѣло общественное. Естественно, что общество и должно быть судьей въ томъ, хорошо ли или плохо дѣлаетъ извѣстное дѣло общественный дѣятель и въ томъ, вообще желательна ли, чтобы онъ продолжалъ службу, или ему лучше уйти.

Мнѣніе общества узнать легко, напримѣръ, въ Швейцаріи. Помню случай, когда голоса въ муниципалитетѣ раздѣлились по поводу постройки городского театра. Вопросъ сильно заинтересовалъ городъ, и муниципалитетъ, чтобы сложить съ себя отвѣтственность, рѣшилъ запросить горожанъ. Называется это *ad referendum* (къ докладу) и является какъ бы плебисцитомъ. Дѣйствительно, кому лучше знать, стоитъ ли истратить большую сумму денегъ на театръ или на народный домъ предпочтительно передъ другою потребностью, какъ ни тѣмъ, кому предстоитъ ходить въ этотъ театръ или народный домъ?

Ясно, что при такомъ порядкѣ не только вопросъ о желательности службы извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей, но и отдѣльные вопросы хозяйства рѣшаются наилучшимъ образомъ—при условіи, конечно, извѣстной интеллектуальной зрѣлости населенія. Не такъ совершенно дѣйствуетъ механизмъ обращенія съ избирателями при парламентарномъ режимѣ. Тамъ органы управленія (министерства во Франціи, Англій) зависятъ отъ палатъ. Въ случаѣ несогласія министерства съ палатой, если глава государства полагаетъ, что не министерство, а палата не отвѣтствуетъ волѣ народа, палата распускается и самъ народъ произноситъ свой судъ надъ министерствомъ.

При такихъ условіяхъ этика общественнаго дѣятеля очевидна: работай, какъ умѣешь, а когда твоя работа не будетъ угодна избирателямъ, тебѣ это скажутъ въ той или другой формѣ, и тебѣ останется одно—уступить мѣсто другимъ.

Другое дѣло у насъ. Даже въ той ограниченной сферѣ дѣятельности, какая предоставлена нашему самоуправленію, голосъ людей, заинтересованныхъ въ томъ или другомъ рѣшеніи вопроса, не можетъ дать себя знать. Онъ замѣняется голосомъ земства и думы, состоящихъ изъ представителей незначительнаго меньшинства, интересы котораго не только не идутъ рука объ руку съ интересами всей массы обывателей, но часто даже въ разрѣвъ съ ними. Выбранное на три или на четыре года собраніе является безапелляціоннымъ рѣшителемъ судебъ уѣзда,

губерніи или города и за это время можетъ не считаться даже съ мнѣніемъ узкаго круга своихъ избирателей.

Спрашивается: какъ быть общественному дѣятелю? Когда онъ долженъ почувствовать себя не у мѣста, если никакими средствами не можетъ услыхать голоса тѣхъ, интересамъ которыхъ служить и мнѣніе которыхъ считалъ бы для себя рѣшающимъ?

Я оговариваюсь: мнѣніе обывателя, другими словами, общественное мнѣніе, могло бы вполне ясно проявляться въ прессѣ, но для этого нужна была бы совѣсть свободная пресса. А то можно ли возлагать въ этомъ отношеніи надежды на прессу, когда съ одной стороны въ громадномъ большинствѣ случаевъ прессы совѣсть нѣтъ; съ другой—тамъ, гдѣ она есть, часто слышится по непредвидѣннымъ для самой прессы обстоятельствамъ не желательный голосъ независимаго органа печати, а фальшиво крикливый голосъ разнородныхъ рептилій. Очевидно, на одну прессу у насъ полагаться нельзя, хотя при другихъ условіяхъ это могло бы быть тоже постоянное обращеніе къ обывателю *ad referendum*.

Судей, говорятъ нѣкоторые, въ этихъ случаяхъ долженъ быть собственный внутренній голосъ. Дѣятель самъ долженъ чувствовать, угодна ли его служба населенію и приносить ли онъ дѣйствительно ту пользу, которую считаетъ своимъ долгомъ приносить.

Конечно, совѣсть хорошій судья, но для этого нужна такая объективность, которая составляетъ удѣлъ немногихъ. Да еще вопросъ, можетъ ли быть человѣкъ настолько объективенъ, что совѣсть его можетъ быть безошибочнымъ судьей? Думаю, что нѣтъ, даже если предположить полнѣйшую добрую волю.

А можно ли ее всегда предположить во всякомъ среднемъ человѣкѣ? Допустить рѣшающій голосъ совѣсти значитъ уничтожить всякій внѣшній контроль. Я чувствую себя полезнымъ и угоднымъ населенію—это мнѣ подсказываетъ моя совѣсть—скажетъ всякій, самый безсовѣстный человѣкъ.

Ясно, что регуляторъ долженъ быть не внутренній, а внѣшній,

чтобы всякій могъ сказать: «видишь такія-то явленія? Тебѣ надо уходить». Этика общественной службы должна дать законы ясные для всѣхъ, хотя бы не совѣмъ совершенные. Нужно, чтобы правило было настолько ясно, чтобы не могло быть двухъ мнѣній. долженъ ли человѣкъ оставаться на своемъ мѣстѣ или уходить.

Думаю, что общественнаго дѣятеля можно сравнить съ солдатомъ на часахъ. Хорошъ ли, плохъ ли его поставившій — онъ стоитъ и сойти съ мѣста не можетъ, пока не придетъ разводящій (такъ, кажется? — я плохо знаю военные термины) и не отпустить его.

Такъ и общественный дѣятель (я говорю о служащихъ по выбору), будучи на мѣстѣ, долженъ дѣйствовать по совѣсти и неуклонно держаться пути, который онъ себѣ намѣтилъ, пока не придетъ разводящій, хотя бы онъ былъ не тотъ, который наиболѣе желателенъ.

А такимъ разводящимъ у насъ можетъ быть только собраніе, избравшее управу и ею руководящее, т.-е. земское собраніе или дума. Хотя бы мнѣніе собранія, ясно и опредѣленно выраженное, по мнѣнію самого дѣятеля, было ошибочно и клонилось во вредъ населенію — онъ долженъ ему подчиниться. Иногда такая отставка дѣйствительно принесетъ дѣлу вредъ, но этотъ вредъ будетъ во всякомъ случаѣ меньше, чѣмъ тотъ, который происходитъ отъ навязыванія себя общественнымъ собраніямъ людьми, потерявшими довѣріе собранія, а то (что тоже бываетъ) и никогда его неимѣвшими и опирающимися исключительно на благопріятствующій имъ законъ. Я думаю поэтому, что можно такъ формулировать основное положеніе этики общественнаго дѣятеля: дѣятель, выбранный на извѣстный срокъ, долженъ безусловно прислушиваться къ мнѣнію земскаго собранія или думы, его избравшихъ, и ни въ какомъ случаѣ себя не навязывать, когда ему будетъ ясно показано недовѣріе.

Само собою разумѣется, что недовѣріе должно быть показано ясно. Надо хорошо понять разницу между недовѣріемъ и несогласіемъ собранія принять тотъ или другой проектъ. Тутъ иногда можетъ повредить излишняя щепетильность.

Бываютъ и такіе случаи: иные гласные часто злоупотребляютъ гиперболами. Иногда свое отдѣльное мнѣніе или мнѣніе незначительнаго меньшинства они выдаютъ за желаніе собранія. «Собраніе постановило въ прошломъ роду то-то и то-то», говорятъ они; а собраніе, между тѣмъ, постановило обратное. То же дѣлается и въ прессѣ, когда собранію приписывается настроеніе, а то и рѣшеніе, обратное тому, которое было въ дѣйствительности. Такая неправда дѣйствуетъ неблагопріятно для дѣятеля въ общественномъ мнѣніи. А постоянно опровергать ложь, когда это дѣлается систематично, немислимо.

Говорю я это къ тому, что желательнo было бы, чтобы довѣріе и недовѣріе собраній къ управамъ или отдѣльнымъ ихъ членамъ высказывалось болѣе опредѣленно и чтобы послѣднее, если не по закону, то по обычаю, влекло бы за собою отставку лицъ, лишившихся довѣрія.

Помимо того, что только обычай не оставаться на службѣ противъ воли собранія можетъ дать возможность обществу отдѣлаться отъ нежелательнаго служащаго, всякому человѣку, близко знакомому съ общественнымъ дѣломъ, очевидно, что даже хорошая управа кромѣ вреда ничего не принесетъ, если не пользуется довѣріемъ собранія. Можетъ и не совсѣмъ логиченъ, но психологически вѣренъ тотъ фактъ, что лучшіе иногда проекты управы проваливаются, если управа вообще не пользуется довѣріемъ. Ясно, что при такомъ условіи плодотворная работа невозможна.

Не узаконенное въ такомъ-то томѣ правило этики можетъ быть узаконено обычаемъ. Можетъ быть кромѣ этики общечеловѣческой или этики сословной (врачебной, архитектурной)—этика отдѣльныхъ учреждений, какъ, на примѣръ, въ данномъ случаѣ. Этика эта можетъ создаться только обычаемъ. Таковъ былъ бы обычай обращенія общественнаго дѣятеля если не къ населенію; какъ въ Швейцаріи, то хотя къ своимъ избирателямъ-гласнымъ. Онъ несомнѣнно былъ бы согласенъ съ достоинствомъ общественнаго дѣятеля, служащаго только пока онъ желателенъ, а не навязывающагося обществу. А до тѣхъ поръ онъ долженъ,

несмотря на нападки отдѣльныхъ лицъ изъ собранія или изъ общества, оставаться на своемъ мѣстѣ, какъ часовой на часахъ, и работать для того общества, которое ему довѣрилось.

XI.

Городская управа.

Прежде всего напрашивается вопросъ: что такое голова и члены управы? Чиновники или общественные дѣятели? Я, не затрудняясь, могу отвѣтить на этотъ вопросъ такъ: члены управы вмѣстѣ съ головой—общественные дѣятели, сдѣлавшіеся въ послѣднее время почти совершенными чиновниками. Если превращеніе въ бюрократовъ такъ сильно подвинулось впередъ въ земствахъ, то тѣмъ полнѣе совершилось оно въ городскихъ управахъ. Разница въ составѣ земскихъ собраній и думъ, въ земскихъ и городскихъ идеалахъ не могла не сказаться и въ этомъ отношеніи. Если въ земствахъ противодѣйствіе обезличенію кое-какое все-таки замѣчалось и даже теперь въ видѣ исключенія замѣчается, то въ городахъ не только не проявилось никакого противодѣйствія, но дѣятели въ большинствѣ были даже рады происшедшей съ ними перемѣнѣ. Если въ земствахъ мундирное шитье въ большинствѣ носилось только по необходимости, въ городахъ имъ часто гордились.

Но мундиръ, классъ должности и прочіе внѣшніе признаки чиновника—далеко не все, что содѣйствовало его обезличенію. Это заслуживаетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія.

Не только во время службы въ управѣ, но и для поступленія на службу надо иногда заранѣе отказаться совершенно не только отъ своего «я», но и отъ солидарности съ большинствомъ думы. Въ Рязани, гдѣ дума почему-то вышла интеллигентной, цѣлый рядъ выбранныхъ ею въ головы лицъ не получили утвержденія. Тутъ вопросъ шель не о могущихъ быть дефектахъ, реальныхъ или кажущихся, отдѣльнаго лица, а о принадлежности

къ интеллигентной части думы. Въ числѣ избранныхъ, но не попавшихъ въ головы, былъ, кажется, дѣйствительный статскій совѣтникъ.

Но, положимъ, человекъ попалъ такъ или иначе въ управу. Можетъ ли онъ не обезличиться? Если можетъ, то только въ самыхъ исключительныхъ условіяхъ. Но вообще самая легкость увольненія «общественнаго дѣятеля» простымъ приказомъ уже должна предначертать ему способъ дѣйствія; и если онъ этого предначертанія не будетъ держаться, очевидно онъ можетъ не сегодня, такъ завтра потерять мѣсто.

...Очевидно, это одно не можетъ не отразиться на всей его дѣятельности. Я уже не говорю о положеніи въ обществѣ и могущихъ быть тяжелыхъ для его самолюбія столкновеній и другихъ сопряженныхъ съ зависимымъ положеніемъ непріятностей, которыя въ громадномъ большинствѣ случаевъ не могутъ совмѣщаться съ понятіемъ «общественнаго дѣятеля».

Наконецъ, вообразимъ, что человекъ вздумалъ бы держаться самостоятельно, вообразимъ даже, что онъ бы продержался. Но само дѣло поставлено такъ, что надо соображаться, не только съ закономъ, не только съ желаніями думы, но и съ требованіями начальства. Помимо всякаго самолюбія, польза дѣла этого требуетъ. Безъ этого дѣла не будетъ, потому что можно натолкнуться на «veto», иногда даже немотивированное или внушенное не касающимися непосредственно дѣла соображеніями. Обжалованіе принципиально можетъ быть и желательно, но практически никогда ни къ чему не ведетъ, кромѣ какъ къ гибельному для дѣла же (уже не для одного, а для всѣхъ) антагонизму.

Необходимо оговориться: картина мною нарисованная относится къ громадному большинству случаевъ. Но есть еще, по счастью, такіе уголки, гдѣ городскому дѣятелю удастся забыть и классъ должности, и зависимость отъ отдѣльныхъ лицъ, и гдѣ онъ можетъ думать о дѣлѣ, находя, гдѣ нужно, поддержку, не рискуя никогда самолюбіемъ и не будучи вынужденъ соображаться съ чьими бы то ни было вкусами. Но, увы! исключенія, говорятъ, лишь подтверждаютъ правила.

Перейду теперь къ внутреннему составу управъ.

Въ способѣ составленія нашихъ городскихъ и земскихъ управъ есть одинъ коренной недостатокъ, при томъ настолько важный, что иногда дѣлаетъ службу въ управѣ очень тяжелой. Если управа должна представлять изъ себя органъ всецѣло коллегіальный и вмѣстѣ съ тѣмъ чисто исполнительный, то ей непременно надо быть однородной по своему составу. Если же коллегіальность ея не безусловная, то строже должны быть раздѣлены функции каждаго изъ ея членовъ. Отвѣтственность въ такомъ случаѣ отнюдь не должна быть распространена на всѣхъ членовъ одинаково. Каждый долженъ отвѣчать за свое. Трудно, чтобы дѣло шло гладко и работа была плодотворна безъ соблюденія одного изъ этихъ условій.

Поясню сказанное примѣромъ. Во Франціи министерство отвѣтственное, строго коллегіальное и однородное.

Однородное въ томъ смыслѣ, что списокъ министровъ составляется однимъ лицомъ. Всѣ знаютъ, съ кѣмъ будутъ служить и за кого будутъ отвѣчать. Крупное дѣло тамъ всегда ведетъ президентъ совѣта. Дѣло Дрейфуса, вопросы объ отдѣленіи церкви отъ государства, о конгрегаціяхъ, о подоходномъ налогѣ ведетъ президентъ совѣта, несмотря на наличность министровъ исповѣданій, военнаго, финансовъ, юстиціи. Провалилось крупное дѣло—всѣ уходятъ, всѣ отвѣтственны. Тамъ отвѣчать за товарищей можно. Самъ зналъ, съ кѣмъ идешь.

Другое дѣло въ Германіи. Министръ назначается императоромъ независимо отъ того, желаютъ ли его имѣть товарищемъ другіе министры. Зато и отвѣчаетъ онъ передъ общественнымъ мнѣніемъ только за свою часть. Министерства нѣтъ, а есть министры, и на министрѣ почтъ нисколько не отражается промахъ или преступленіе морского министра.

У насъ въ управахъ члены избираются думой и земскимъ собраніемъ, одинъ независимо отъ другого. Иногда предсѣдателя управы или голову спрашиваютъ, съ кѣмъ онъ хотѣлъ бы служить. Но это дѣлается рѣдко и только тогда, когда особенно довѣряютъ ему и хотятъ ему сдѣлать любезность. Въ большин-

ствѣ же случаевъ проходить въ члены управы люди покровительствуемые тою или другою партіей. Иногда двѣ или три вліятельныхъ партій сговорятся: проведите, молъ, нашего кандидата, мы проведемъ вашего. Понятно поэтому, что составъ управы бываетъ самый неожиданно разнообразный. Можно ли отъ такой коллегіи ждать всегда дружной работы? Можно ли на всѣхъ членовъ ея возлагать всю отвѣтственность за то, что дѣлается въ городскомъ хозяйствѣ? Конечно, нѣтъ.

Между тѣмъ, послушайте разговоры въ думѣ: «Что дѣлала и наблюдала управа, если допустила то-то и то-то?» «Управа должна слѣдить...» и т. д.

Гласные въ большинствѣ случаевъ, когда говорятъ: «управа», еще знаютъ, кто именно изъ членовъ или служащихъ виноватъ, но публика, узвѣившая про городскія дѣла изъ газетъ, этого не знаетъ и знать не хочетъ. Она знаетъ управу и больше ничего. Теперь войдите въ положеніе головы и членовъ управы. Дѣло рѣшается по большинству голосовъ коллегіей не только не единодушной, но часто нарочно такъ и составленной, чтобы были представители разныхъ партій. Очевидно, что нѣтъ постоянной руководящей нити, что рѣшенія бываютъ случайныя.

А главное это то, что сплошь да рядомъ отвѣчаетъ членъ управы за то, въ чемъ онъ вовсе не виноватъ. Эта отвѣтственность доходить до отвѣта передъ судомъ. Вѣдь виновата вся коллегія! Остается одно: постоянно писать особыя мнѣнія, чтобы по крайней мѣрѣ оградить себя отъ отвѣтственности, если не передъ общественнымъ мнѣніемъ (которое для нѣкоторыхъ совсѣмъ не нужно, а для другихъ крайне важно), то передъ судомъ.

А уже на особыхъ мнѣніяхъ далеко не уѣдешь. Всякая исполнительная коллегія вообще учрежденіе мало поворотливое, а ужъ коллегія недружная вовсе не годится какъ исполнительный органъ. Лучшее для такой коллегіи—равойтись. Очевидно, что дѣло такта самой думы или земскаго собранія подобрать подходящую коллегію. Если же собраніе руководствуется другими соображеніями, то надежды на успѣшную работу мало.

Кромѣ головы, получающаго въ большихъ городахъ большое жалованье, вознагражденіе членовъ управы почти вездѣ крайне незначительное. При этомъ и относительно головы надо сдѣлать оговорку: получаетъ онъ жалованье большое не потому, что отъ него требуютъ особенно тяжелой работы, а ради представительства.

Это злосчастное представительство, немного времени тому назадъ составлявшее главное достоинство предводителя дворянства, и до сихъ поръ весьма цѣнится въ головѣ крупнаго города.

Члену управы представительство не нужно. Ему и даютъ маленькое жалованье. И это явленіе почти повсемѣстное. Только два-три самыхъ большихъ центра даютъ членамъ управы жалованье, болѣе или менѣе соответствующее громадной работѣ, которая дѣлается или по крайней мѣрѣ должна дѣлаться членами управы. Въ остальныхъ городахъ они получаютъ гроши.

Трудно объяснить причину этого явленія, общаго у городовъ съ земствами. Боюсь сказать, что это происходитъ отъ опасенія большинства гласныхъ, что все равно бѣльшаго толку не добьешься и при большомъ вознагражденіи. А это опасеніе происходитъ вотъ отчего: кругъ избирателей узокъ; изъ этого же круга только и можно избрать членовъ управы. При этомъ образовательнаго ценза не требуется. Гдѣ же тутъ сойтись на подходящемъ челвѣкѣ? и не проще ли выдвинуть того или другого фаворита партій? На этомъ и основаны всѣ выборы. Понятно, что жалѣютъ дать большое жалованье. Совѣсть зазреть.

Удивительное явленіе! Сколько, подумаешь, нужно ученыхъ, работающихъ, даровитыхъ работниковъ въ городѣ или земствѣ! Привлечь такихъ, очевидно, можно только давая хорошее вознагражденіе. Вѣдь хорошій врачъ, инженеръ, юристъ вездѣ нужны, вездѣ найдутъ возможность заработать, а потому уже изъ-за конкуренціи надо бы назначить имъ приличное жалованье. Между тѣмъ замѣтите, какіе вопли поднимаются и въ обществѣ, и въ прессѣ, когда открывается какая-либо должность въ управѣ съ высокимъ окладомъ. Сейчасъ возникаетъ предположеніе, что

предложившій эту должность, будь онъ голова или какой-нибудь вліятельный гласный, имѣетъ въ виду какого-либо изъ «своихъ». Въ стремленіе къ пользѣ дѣла никогда почти никто не вѣритъ. Такъ укрѣпилась вѣра въ людяхъ, что и городскія мѣста раздаются въ тѣсномъ кружкѣ «своихъ». Естественно, что при этомъ рука не поднимается голосовать за большое жалованье.

Поятно, что при такихъ условіяхъ гласность далеко не проникаетъ въ управскія дѣла столько, сколько это желательно. Я слышалъ отъ одного головы губернскаго города такой отзывъ о гласности: Я ихъ (т.-е. корреспондентовъ) за версту отъ управы не пускаю. И все-таки пронюхиваютъ, негодяи!»

— А въ думу вы ихъ пускаете?—спросилъ я.

— Въ думу пускаю. Говорять, нельзя. Да и въ думѣ, кромѣ грѣха, отъ нихъ ничего не бываетъ.

Я цитировалъ буквально, разсчитывая, что эти строки не попадутъ на глаза моему собесѣднику. Да и правильно гласность эту самую не пускаютъ! Она разстроитъ всѣ тайны этихъ управскихъ кружковъ. А гдѣ тайны не будутъ и не будутъ кружковъ, тамъ несомнѣнно будетъ гласность. И это придетъ само собою, гласность—другъ правды и чистоты и врагъ неправды.

И если кто скажетъ, что есть дѣла секретныя, что не всегда можно допускать гласность въ управскія дѣла, то я ему уже по опыту отвѣчу, что гласность никогда не вредитъ. Я ее всюду пустилъ—и въ бумажныя дѣла, и въ засѣданія управы, и въ комиссіи, свидѣтельствую, что вреда не вижу отъ гласности никакого. Есть у насъ органы всякихъ направленій и далеко не всѣ безпристрастные, но разглашеній того, чего не слѣдовало, не было (за исключеніемъ одного случая ошибки корреспондента безусловно невольной и неважной). Да при полной гласности, если бы одинъ изъ ея представителей злоупотребилъ довѣріемъ, это было бы такимъ невѣроятнымъ нарушеніемъ гостепріимства, что на него, я увѣренъ, никто бы не рѣшился. Поэтому, гласность не вредитъ тамъ, гдѣ ничего не скрываютъ!

XII.

Коммисіи.

Законъ предусматриваетъ три рода коммисій: совѣщательныя, исполнительныя и ревизіонныя. Начну съ исполнительныхъ.

По закону онѣ избираются въ помощь управѣ. Предполагается, что управа не можетъ справиться съ разностороннимъ, иногда громаднымъ дѣломъ городского хозяйства. Думаю, что организація коммисій, какъ она теперь существуетъ, является результатомъ все того же недовѣрія къ третьему элементу. Я позволю себѣ не согласиться съ дѣленіемъ нашихъ хозяйственныхъ органовъ на распорядительные и исполнительные. Дѣло въ томъ, что вѣдь, въ сущности, и управа, и коммисіи — думскія, и тѣ и другія, состоящія изъ гласныхъ не спеціалистовъ, строго говоря, не должны считаться исполнительными органами.

Возьмемъ училищное, строительное, медицинское дѣло. Кто можетъ и долженъ исполнять его? Неужели не педагоги и спеціалисты по школьной организаціи, не архитекторы, не врачи? Конечно, они, а не гласные, въ лучшемъ случаѣ являющіеся людьми общеобразованными, а отнюдь не спеціалистами. Такъ дѣло и дѣлается. Лѣчатъ доктора, строятъ архитекторы, учатъ педагоги. Но при отсутствіи къ нимъ довѣрія общіе вопросы, организаціонные, личные рѣшаютъ не они. Врядъ ли это правильно.

Дума утверждаетъ смѣту по каждому отдѣлу и рѣшаетъ крупныя вопросы. Слѣдить за тѣмъ, чтобы все дѣлалось согласно желаніямъ думы, объясняетъ дѣятельность разныхъ отдѣловъ, подготавливаетъ доклады: вотъ функціи управы. Дума собирается изрѣдка. Управа всегда тутъ и можетъ дать нужное разъясненіе, предъявить извѣстное требованіе, вынести извѣстное рѣшеніе. Это маленькая постоянная дума. Но собственно исполнительными должны, конечно, являться спеціалисты. А то теперь при

разныхъ недочетахъ по спеціальности въ больницѣ ли, въ водопроводѣ ли, спеціалисты имѣютъ основаніе жаловаться на управу или комиссію, а управа или комиссія можетъ валить грѣхъ на спеціалистовъ, не стоящихъ на высотѣ положенія.

Противорѣчіе въ самой постановкѣ дѣла. Отвѣчаетъ не тотъ, кто виноватъ. Фикція такова, что вольнонаемному лицу отвѣчать нечѣмъ, а гласный отвѣчаетъ болѣе дѣйствительно. И вотъ проваливается мостъ или зданіе — и начинаются пререканія, кто виноватъ; при чемъ виноватымъ оказывается членъ управы, ничего въ постройкахъ не понимающій. А чаще всего виновнаго вовсе не оказывается. Не лучше ли отвѣтственность оставить на дѣйствительномъ исполнителѣ — спеціалистѣ? Или еще лучше — на комиссіи изъ этихъ спеціалистовъ?

Мнѣ представлялась бы такая организація возможною. По каждому отдѣлу есть совѣтъ спеціалистовъ: медицинскій, архитектурный, водопроводный, училищный. Пусть этотъ совѣтъ будетъ многочисленный, пусть въ него входятъ всѣ служащіе городу спеціалисты. Это даже очень желательно. Пусть каждый молодой врачъ, пусть каждый учитель интересуется общимъ ходомъ дѣла, участвуетъ въ общей работѣ на пользу города. Это подняло бы его энергію, обогатило бы его опытъ опытомъ товарищей, заставило бы шире, а потому и плодотворнѣе посмотреть на свой невидный, хотя большой трудъ. Функція такого многочисленнаго совѣта могли бы, конечно, быть только совѣщательными. Они для разсмотрѣнія проектовъ могли бы выбирать подкомиссіи. Они могли бы рекомендовать и служащихъ на вакантныя должности.

Каждое отдѣльное дѣло — постройка больницы, школы — поручается одному спеціалисту, а если дѣло крупное, то въ помощь ему дается еще нѣсколько спеціалистовъ. Эти лица являлись бы исполнителями и отвѣчали бы за дѣло, безъ возможности отговариваться тѣмъ или инымъ распоряженіемъ комиссіи.

Всѣ постановленія совѣщательнаго совѣта спеціалистовъ, равно какъ и всѣ вопросы, не могущіе быть разрѣшены само-

стоятельно специалистами-исполнителями, идутъ на разсмотрѣніе управы. Я сильно настаивалъ бы на единствѣ управы. Теперешнее же раздѣленіе труда между управой и комиссіей уничтожаетъ фактическую отвѣтственность и той и другой, ведетъ къ раздорамъ и пререканіямъ, ничуть не способствуя лучшему веденію дѣла.

Если же составъ управы признается недостаточнымъ, что неизбѣжно въ большихъ городахъ, пусть ихъ составъ усиливается по нѣкоторымъ отраслямъ особыми избранными на это гласными. И теперь особые председатели исполнительныхъ комиссій участвуютъ на правахъ членовъ въ засѣданіяхъ управы по вопросамъ, касающимся ихъ специальности. Тогда по нѣкоторымъ особо важнымъ дѣламъ, напримѣръ, училищнымъ, можно бы въ помощь управѣ выбирать нѣсколько человекъ, которые бы вмѣстѣ съ нею (непремѣнно вмѣстѣ) составляли усиленную по даннымъ вопросамъ управу.

Если, наоборотъ, было бы признано, что управа слишкомъ завалена дѣлами, что ей физически нельзя будетъ вникать во всѣ подробности разныхъ хозяйственныхъ отраслей даже при возложеніи большей части дѣла на вольнонаемныхъ специалистовъ, то пусть съ нея будетъ совсѣмъ снята отвѣтственность по той или другой отрасли хозяйства; пусть, напримѣръ, ну, хоть училищное дѣло совсѣмъ не будетъ входить въ сферу ея обязанностей, и имъ будетъ вѣдать особая училищная управа, или самостоятельная комиссія, которая непосредственно будетъ представлять доклады и отчеты въ думу и ни въ какія отношенія съ управой входить не будетъ, кромѣ развѣ полученія денегъ на расходы въ опредѣленное время.

Другими словами, я вижу большой вредъ въ томъ, что одна и та же отрасль городского хозяйства ведется двумя коллегіями, при чемъ хотя одна и является по буквѣ закона подчиненной другой, но на практикѣ онѣ обѣ самостоятельны. Согласитесь, что для членовъ управы не легко нести отвѣтственность (я говорю про нравственную отвѣтственность) за дѣло, которое ведетъ комиссія!

Во всякомъ случаѣ работа въ исполнительной комиссіи должна быть службой. Я, конечно, не требую чиновъ и класса должности, а подразумѣваю исключительно службу общественную. Службой же я называю нѣкоторое связанное состояніе, по которому человекъ чувствуетъ себя обязаннымъ чему-либо посвящать известное время. Поэтому желательно, чтобы служба эта соединялась съ жалованьемъ. Служащихъ я противопоставляю добровольцамъ. А что какъ не добровольцы теперешніе члены комиссій изъ гласныхъ?

Гласные наши, и такъ служа honoris causa, имѣютъ не мало дѣла, посѣщая аккуратно всѣ думскія засѣданія. И эта обязанность ихъ исполняется многими далеко неудовлетворительно; что же сказать про тѣхъ, которые берутъ на себя обязанность посѣщать засѣданія комиссіи и исполняютъ эту обязанность добросовѣстно? Да вѣдь они въ правѣ гордиться и считать свою жертву не малой. Чѣмъ богаче работникъ, тѣмъ, очевидно, онъ дороже цѣнить свой трудъ; и весьма понятнымъ является, если гласные негодуютъ, когда ихъ слишкомъ часто беспокоятъ, и если многіе изъ нихъ negliжируютъ своими добровольными обязанностями.

Что сказать про комиссію «исполнительную», гдѣ сегодня явились три-четыре члена, завтра другіе? Очевидно, ни знать дѣла основательно, ни, тѣмъ болѣе, быть хорошимъ исполнительнымъ органомъ такая комиссія не можетъ.

Стоитъ иной разъ посмотрѣть, какъ происходятъ выборы въ члены комиссіи.

Предлагаетъ кто-либо изъ гласныхъ или голова Петра Ивановича.

— Просимъ, просимъ.

Петръ Ивановичъ встаетъ, благодарить за честь, но извиняется недосугомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ. Просимъ, просимъ.

— Да помилуйте, я вѣдь занятъ службой: у меня своихъ дѣлъ масса; да и такъ я уже состою въ двухъ комиссіяхъ...

— Просимъ, Петръ Ивановичъ, просимъ...

— Да и выберете... все равно я ходить не буду, вѣдь только числиться буду... я заранѣе говорю,—съ нѣкоторой досадою заявляетъ гласный.

— Ничего, Петръ Ивановичъ, потрудитесь еще. Просимъ, просимъ. И Петръ Ивановичъ соглашается. Но какой изъ него выйдетъ членъ комиссіи?

Надо, конечно, отдать справедливость нѣкоторымъ работникамъ самоуправленій, работающимъ хоть и бесплатно, но всецѣло отдавшимъ дѣлу. Они ни времени, ни усилій не считаютъ. Для нихъ прежде всего дѣло. Но вѣдь это исключенія, а на исключеніяхъ системы не строить.

Совсѣмъ другое, если человекъ «служить». Онъ смотритъ на свои обязанности члена комиссіи, какъ на основное свое занятіе, не совмѣщаетъ его съ другими платными должностями; считаетъ своимъ долгомъ дать побольше работы и не считаетъ общество обязаннымъ ему особою благодарностью за всякое посѣщенное имъ засѣданіе комиссіи. Если мы это жизненное требованіе сопоставимъ съ отсутствіемъ въ думахъ спеціалистовъ по разнымъ отраслямъ хозяйства, вслѣдствіе малочисленности думъ и однообразія состава избирателей, то и придемъ къ выводу, что чисто исполнительную роль комиссій надо передать вольнонаемнымъ спеціалистамъ, а часть наблюдательную и главное руководство— управѣ въ усиленномъ составѣ.

Отъ исполнительныхъ комиссій перейду къ совѣщательнымъ. Совѣщательныя комиссіи обыкновенно выбираются только временныя, для разработки какого-либо опредѣленнаго вопроса. Происхожденіе такихъ комиссій понятно. Дума, имѣя передъ собой докладъ управы о какомъ-нибудь дѣлѣ, не имѣетъ времени въ полномъ составѣ изучить этотъ вопросъ. Или вопросъ настолько спеціаленъ, что не подлежитъ пониманію всѣхъ гласныхъ. Вотъ и выбираетъ дума нѣсколькихъ гласныхъ, или пользующихся особымъ ея довѣріемъ, или спеціалистовъ, для ближайшаго ознакомленія съ вопросомъ и особаго доклада своего мнѣнія къ одному изъ слѣдующихъ засѣданій.

Польза такихъ комиссій несомнѣнна, потому что получается

лишній контрольный органъ, а контроль всегда и вездѣ вещь хорошая. Есть въ нѣкоторыхъ думахъ постоянныя совѣщательныя комиссіи изъ техниковъ, изъ юристовъ. Всякій вопросъ строительный, юридическій исходитъ черезъ такую комиссію. Конечно, это возможно только въ большихъ думахъ, гдѣ притомъ довольно интеллигенціи.

Къ совѣщательнымъ комиссіямъ относится комиссія большой важности; это—комиссія финансовая. Въ нее обыкновенно избираются лучшіе гласные, какъ по своей интеллигентности, такъ и по знанію подробностей городского хозяйства. Такимъ образомъ, попадаютъ въ нее прежде служившіе городу члены управы и самые старые и аккуратные гласные.

Въ нѣкоторыхъ думахъ эта комиссія постоянная. Въ этомъ случаѣ всякій вопросъ, соединенный съ денежнымъ расходомъ или доходомъ, обязательно проходитъ черезъ нее. Въ другихъ думахъ финансовая комиссія только просматриваетъ смѣту и даетъ свое заключеніе. Желательна, конечно, первая организація. Управа и ея органы, занятые различными отдѣлами хозяйства, не всегда смотрятъ на каждый вопросъ со стороны общаго финансоваго положенія. Этотъ недостатокъ и призвана выполнять комиссія. Она на всякій вопросъ смотритъ лишь глазами финансиста, ставитъ всѣ бюджетныя статьи въ связь между собою.

Не всегда, конечно, комиссія эта на высотѣ положенія. Часто въ нее избираютъ людей не съ широкимъ взглядомъ, а такихъ, въ которыхъ увѣрены, что они при малѣйшей возможности будутъ противъ новаго расхода, хотя бы этотъ расходъ былъ вызванъ самой кричащей потребностью, хотя бы онъ былъ производителенъ и окупился бы очень скоро. Къ сожалѣнію, этотъ взглядъ сильно распространенъ среди нашихъ думъ и ревностно проводится въ этихъ случаяхъ финансовыми комиссіями.

То же большое значеніе имѣетъ комиссія, не подходящая подъ разрядъ ни исполнительныхъ, ни совѣщательныхъ. Я говорю про ревизионную комиссію, которая обязательно избирается думой по закону. Значеніе ревизионныхъ комиссій могло бы быть громаднымъ, если бы, съ одной стороны, онѣ

правильно смотрѣли на дѣло, съ другой—были на высотѣ положенія.

Часто ревизующіе гласные ставятъ себѣ задачу: найти злоупотребленія, ошибки, промахи управы. Сейчасъ начинаются между ревизуемыми и ревизующими непріязненные отношенія. Одни хотятъ насолить другимъ, а другіе скрыть отъ первыхъ все, что возможно.

Хотя бы ревизоры и нашли что-нибудь болѣе или менѣе важное, хотя бы они этимъ и заслужили благодарность думы, но не въ томъ, по-моему, задача ревизіонной комиссіи. Польза ея приносимая будетъ несравненно больше, если гласные-ревизіонеры проникнутся убѣжденіемъ, что и управа и ея органы, несмотря на свои промахи, хотятъ, по возможности, сдѣлать дѣло хорошо. Ставъ на такую точку зрѣнія, они не будутъ, какъ сыщики, разыскивать ошибки, а будутъ стараться вмѣстѣ съ управой содѣйствовать общему благу. Мнѣ извѣстны случаи, когда члены ревизіонной комиссіи, натолкнувшись гдѣ-нибудь на беспорядокъ, не спѣшатъ этотъ беспорядокъ запротоколировать, а частнымъ образомъ извѣщаютъ о немъ голову или члена управы. Беспорядокъ, конечно, немедленно устраняется. Съ другой стороны, часто у управы что-либо не клеится; за недостаткомъ времени или почему-либо еще, сама управа затрудняется опредѣлить, въ чемъ дѣло. Знаю я примѣры, что въ такихъ случаяхъ управамъ приходилось обращаться къ ревизіоннымъ комиссіямъ. «Разберитесь, молъ, посмотрите, въ чемъ тутъ секретъ». И комиссія помогаетъ управѣ разобраться.

Ясно, что при такихъ отношеніяхъ исполнительныхъ и ревизующихъ органовъ можно бы достигнуть блестящихъ результатовъ. Къ сожалѣнію, это—исключенія, и все происходитъ болѣе канцелярскимъ образомъ, не говоря уже о частныхъ случаяхъ явнаго антагонизма коллегій, служащихъ одному и тому же общественному дѣлу.

Само собою разумѣется, что ревизовать должно не только отчеты и книги, но что ревизія должна быть фактическая. Ни одна отрасль хозяйства, ни одинъ уголокъ не долженъ укрыться

отъ глаза ревизіонера. Таковъ идеаль. Но можно ли рассчитывать хоть на приближеніе къ нему?

Вѣдь въ ревизіонную комиссію идутъ также неохотно. Тѣ же упрашиванія, тѣ же отнѣкиванія, то же полусогласіе на избраніе. Ждать тутъ особенной работы нечего. И часто все сводится къ короткому отчету съ указаніемъ маловажныхъ, а то и часто бухгалтерскихъ, промаховъ. Когда же являются указанія на болѣе или менѣе серьезныя упущенія, то можно быть почти увѣреннымъ, что не сама ревизія ихъ раскрыла, а что членовъ комиссіи что-нибудь натолкнуло: газетная статья, или доносъ, или просто ходящіе въ обществѣ слухи.

Это почти общій удѣлъ; и самыя культурныя думы рѣдко добиваются работающей и правильно понимающей дѣло комиссіи.

Какъ ни мало въ общемъ интенсивна работа нашихъ комиссій въ сравненіи съ работой заграничныхъ муниципаловъ, можно было бы еще кое-какъ помириться съ ихъ дѣятельностью, если бы комиссіонныя тяготы несли болѣе или менѣе поровну всѣ гласныя думы. Къ сожалѣнію, въ нашихъ, и безъ того малочисленныхъ, думахъ много гласныхъ не столько не хотящихъ, но и не могущихъ дать мало-мальски плодотворную работу. Поэтому интеллигентный и желающій потрудиться гласный обыкновенно числится въ нѣсколькихъ комиссіяхъ, что даже при совершенномъ его усердіи не можетъ не отразиться на качествѣ ихъ работы.

Если къ этому добавить, что сплошь да рядомъ работаетъ нѣсколько человекъ, знающихъ и понимающихъ дѣло, а что рѣшаетъ дѣло большинство часто не знающее и вовсе не понимающее—становится досадно. Да не подумаетъ читатель, что я вообще говорю противъ большинства! Боже меня сохрани.

XIII.

Непонятное совмѣстительство.

Публика не знаетъ ничего о ходѣ работы по преобразованію петербургскаго городского самоуправленія. Не знаетъ она и того, суждено ли преобразованію коснуться лишь столицы, или оно имѣетъ хотя бы современемъ распространиться на всю Россію. Доходили, правда, до насъ отрывочныя извѣстія, но въ достовѣрности ихъ нельзя быть вполне убѣжденнымъ; за послѣднее время и такія извѣстія прекратились. Намъ остается только высказывать свои пожеланія. Тотъ предметъ, о которомъ я собираюсь говорить, не новый, даже избитый, тѣмъ не менѣе говорить о немъ приходится.

Бываютъ мѣропріятія, которыя многимъ кажутся давно желательными, но которыя не вводятся по той или иной причинѣ. Таково, напримѣръ, увеличеніе круга городскихъ избирателей. Тѣмъ не менѣе всѣмъ понятны тѣ (по-моему, неосновательныя) опасенія, вслѣдствіе которыхъ требуется отъ избирателей высокій денежный цензъ.

Но я не понимаю, и никто, вѣроятно, толкомъ не объяснитъ, для чего нужно, чтобы городской голова былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и предсѣдателемъ думы. Какая для кого отъ этого польза? Вредъ, между тѣмъ, этого совмѣстительства громаднѣй.

Главныя функціи городского головы это—быть предсѣдателемъ управы или главноуправляющимъ. Онъ имѣетъ главный надзоръ за исполненіемъ думскихъ постановленій, онъ завѣдуетъ канцеляріей, а слѣдовательно, и составленіемъ докладовъ думы, онъ объединяетъ дѣятельность всѣхъ членовъ управы, это—его главныя, основныя обязанности.

Затѣмъ слѣдуютъ обязанности по представительству. Приѣзжаютъ ли именитые путешественники, или знатные иностранцы, торжество ли какое въ городѣ—представителемъ городского самоуправления является голова. Онъ же, въ качествѣ защит-

ника городскихъ интересовъ, состоитъ членомъ разныхъ присутствій.

Къ этимъ двумъ его функціямъ пристегнута третья: председательствовать въ думѣ.

Получается такая картина: гласный встаетъ и начинаетъ на чемъ свѣтъ стоитъ ругать управу или отдѣльнаго ея члена, хотя бы самого голову; но чтобы начать рѣчь, онъ у него же долженъ спроситься: позвольте, молю васъ поругать.

Справедливо ли говорить гласный или обвиняетъ управу въ преступленіяхъ, ею не совершенныхъ, голова долженъ молчать, какъ безпристрастный председатель. Дума направляетъ, контролируетъ, ревизуетъ управу, говоритъ ей подчасъ горькія истины, а председательствуетъ председатель управы и долженъ проглатывать свою досаду и хлопать глазами.

Зачѣмъ это? Почему не сдѣлать, какъ въ земствахъ? Председательствуетъ особое лицо, а управа сидитъ себѣ, и когда нужно возражаетъ и даетъ отвѣты. Это избавило бы голову отъ весьма тягостнаго двойственнаго положенія. Да и дѣло бы несомнѣнно выиграло, такъ какъ свойства, нужныя для председателя управы и для председателя думы, весьма различны.

Председатель управы, если онъ принимаетъ къ сердцу дѣло, которое ему поручено, не можетъ относиться хладнокровно къ тому, какъ это дѣло будетъ разрѣшено. Какъ онъ ни старайся, если онъ человѣкъ мало-мальски съ темпераментомъ, онъ вполнѣ безпристрастнымъ быть не можетъ. Другое дѣло председатель собранія. Идеальный председатель собранія тотъ, который не только въ партіи, но не причастенъ къ самому дѣлу. Такими выбираютъ на западѣ спикеровъ и другихъ председателей. Причастнымъ къ дѣлу я называю члена управы потому, что онъ сидѣлъ надъ нимъ, разрабатывалъ его, составилъ проектъ и убѣжденъ въ его пользѣ. Можетъ ли, долженъ ли онъ относиться хладнокровно къ своему дѣтищу? Можно ли ставить ему въ вину его подчасъ горячность? Какъ председателю думы—можно, какъ председателю управы—нельзя.

Очевидно, эти двѣ функціи, несомнѣстимыя и даже противо-

рѣчація другъ другу, должны быть разъединены. Предсѣдатель собранія не долженъ быть предсѣдателемъ управы.

Выбрать Иванова въ головы? Онъ любитъ городское дѣло, работаетъ усердно, но онъ невозможенъ въ качествѣ предсѣдателя—чистый кипятокъ, говорить не даетъ, подчасъ обрываетъ гласныхъ, да наконецъ и не безпристрастенъ.

Или выбрать Петрова?—Прекрасный предсѣдатель! Хладнокровный, справедливый, выслушаетъ всѣхъ спокойно, вопросъ формулируетъ безпристрастно; не знаемъ даже никогда, какого онъ самъ держится мнѣнія. Ну, а дѣлать дѣло не годится, къ дѣлу тоже относится хладнокровно, безучастно. Очевидно, ни Ивановъ, ни Петровъ не годятся.

У меня практика самоуправленія большая и, признаюсь, я не встрѣчалъ еще человѣка, который былъ бы и хорошимъ головой, и удовлетворительнымъ предсѣдателемъ.

Остается третья функція—предсѣдательство. Смѣю думать, что хорошаго по внѣшности представителя городского самоуправления легче найти въ хорошемъ предсѣдателѣ собранія, нежели въ предсѣдателѣ управы. Прошли тѣ времена, когда предсѣдательство цѣнилось дороже дѣла, когда предводители дворянства, а то и головы избирались не за дѣловитость, а за богатство и внѣшность.

А если уже это нужно для головы, то пусть это требуется отъ предсѣдателя думы. Онъ пускай и называется головой, оставимъ за предсѣдателемъ управы менѣе видную, но болѣе дѣятельную роль.

Само собою разумѣется, что должности какъ такого головы, такъ и предсѣдателя управы должны замѣщаться по выбору. Голова, какъ лицо главнымъ образомъ почетное, долженъ быть изъ мѣстныхъ людей, а для предсѣдателя управы цензъ могъ бы требоваться не столько денежный, сколько умственный, чѣмъ избѣгнута бы была теперь часто встрѣчающаяся аномалія—полуграмотныхъ головъ.

Сообразно съ этимъ должность предсѣдателя управы должна бы быть платной, а должность головы—почетной.

Я, можетъ быть, слишкомъ увлекся подробностями, но во всякомъ случаѣ не могу не повторить свое пожеланіе, которое раздѣлять, я думаю, всѣ городскіе дѣятели, чтобы какъ можно скорѣе и притомъ не въ одномъ Петербургѣ прекратилось непонятное совмѣстительство функцій предсѣдателя думы и предсѣдателя городской управы.

XIV.

Городской голова.

Кромѣ явнаго вреда для дѣла отъ совмѣщенія въ одномъ лицѣ обязанностей предсѣдателя думы и предсѣдателя управы,—вреда, очевидно, уже сознанаго правительствомъ, отмѣнившемъ это совмѣстительство въ Петербургѣ и непризнанаго вопреки всякаго здраваго смысла лишь одной московской газетой—должность городского головы являетъ собою еще другіе примѣры противорѣчія.

Сдѣлавъ въ лицѣ головы изъ общественнаго дѣятеля чиновника, законъ, а главное практика жизни, постановили его въ такое положеніе, что онъ самъ часто хорошо не знаетъ своихъ правъ и своихъ обязанностей. Какъ бы и тѣ и другія ни опредѣлялись закономъ, общественный дѣятель долженъ еще считаться съ другими факторами, для нѣкоторыхъ болѣе важными, чѣмъ закономъ указанныя рамки и отношенія. Главнымъ такимъ факторомъ должно быть, конечно, общественное мнѣніе. Голова, который бы захотѣлъ считаться только съ мнѣніемъ начальства или думы, не обращая вниманія на общественное мнѣніе, былъ бы чиновникомъ въ одномъ случаѣ, приказчикомъ—въ другомъ, но отнюдь не общественнымъ дѣтелемъ. Какъ-никакъ, вѣдь не начальству же онъ служить и не думѣ, а обществу.

Общественное мнѣніе привыкло связывать со всякимъ дѣломъ какое-нибудь имя. Воплотить всякое крупное дѣло въ человѣкѣ,

хотя бы несправедливо и не по заслугамъ ему приписавъ болѣе, чѣмъ онъ того стоитъ—свойственно людямъ. Когда, напримѣръ, говорятъ про Плевну, непременно вспомнятъ про Скобелева какъ бы забывая остальныхъ участниковъ плевненскихъ неудачъ и успѣховъ; когда говорятъ о Германіи, невольно приходитъ на умъ Бисмаркъ, хотя не Бисмаркъ создалъ Германію, а потребность Германіи въ объединеніи вызвала появленіе Бисмарка.

То же самое мы видимъ въ жизни всякихъ мелкихъ общественныхъ единицъ. Если съ старожилками какого-нибудь города поговорить о крупномъ событіи въ ихъ городской исторіи, или о цѣлой эпохѣ въ этой исторіи, сейчасъ услышите имя или губернатора, или городского головы. И то и другое очень несправедливо.

Губернаторъ, имѣя большую власть отрицательную, положительной власти въ области городского благоустройства не имѣетъ никакой. И если онъ что и можетъ сдѣлать, то только силой убѣжденія и установившимися съ горожанами хорошими отношеніями. Такъ въ Симферополѣ, теперь обсаженномъ деревьями, съ благодарностью вспоминается по этому случаю имя губернатора Лазарева. Но это исключеніе, въ большинствѣ случаевъ имя губернатора къ извѣстной эпохѣ пристегивается напрасно. Изъ одновременности какого-либо событія и службы губернатора выводятъ почему-то причинную связь. Напрасная бываетъ благодарность, напрасное же иногда и нареканіе (благодарность чаще напраснѣе бываетъ, чѣмъ нареканія, вслѣдствіе самого отрицательнаго характера губернаторской власти).

Отвѣтственность передъ общественнымъ мнѣніемъ за городское благоустройство губернаторъ раздѣляетъ часто съ головой. Вотъ эта-то отвѣтственность, несправедливая по отношенію къ губернатору, чаще бываетъ еще болѣе несправедлива по отношенію къ городскому головѣ. Городской голова, въ противоположность губернатору, никакой власти остановить что-либо не имѣетъ, а въ положительномъ смыслѣ можетъ воздѣйствовать только путемъ нравственнаго убѣжденія и пользуясь въ думѣ и управѣ достаточнымъ авторитетомъ. Только при этомъ условіи работа головы можетъ быть плодотворна.

Или обычаемъ, или особыми, закономъ предусмотрѣнными, думскими постановленіями положено что кому дѣлать. Определѣна болѣе или менѣе компетенція отдѣльныхъ служащихъ, членовъ управы и всей коллегіи. Извѣстно, какія дѣла вѣдаются самой думой. Законъ же предоставляетъ городскому головѣ право надзора за всѣмъ. Это право надзора мнѣ напоминаетъ право ревизіи земскихъ начальниковъ предводителемъ дворянства. Дѣйствительно, представимъ себѣ, что въ какой-либо отрасли городского хозяйства что-либо неладно. Пользуясь своимъ правомъ ревизіи, голова это констатируетъ. Что дальше? Распорядиться самолично онъ не можетъ и доводитъ о найденномъ имъ злѣ до свѣдѣнія или исполнительной комиссіи, или управы. А если комиссія или управа не найдутъ въ этомъ зла? Голова ничего сдѣлать не можетъ. Жаловаться по начальству? но тогда какой же это будетъ общественный дѣятель? Да и не дай Богъ, чтобы голова фактически могъ такъ вліять черезъ начальство, ибо тогда явится также возможность зла съ его стороны, какъ и возможность добра, и первое несомнѣнно будетъ чаще имѣть мѣсто, нежели второе.

Остается разногласіе съ управой или комиссіей перенести въ думу. А если и дума съ головой не согласится? Тогда, очевидно, голова ничего не сдѣлаетъ и сдѣлать не можетъ. Другими словами: остановить зло голова можетъ только съ помощью коллегій, которыя ведутъ городское хозяйство. Все дѣло опять заключается въ томъ, насколько онъ сзумѣетъ приобрести нравственный авторитетъ. Нѣтъ этого авторитета, онъ не можетъ остановить никакое зло, и остается одно: уходить, конечно, если вся цѣль его не состоитъ въ томъ, чтобы спокойно сидѣть на мѣстѣ, пока сидится.

Совершенно то же получается, если городской голова хочетъ провести что-либо новое черезъ думу. Будь его предложеніе въ высшей степени благотѣльно для города, достигнуть чего-либо можетъ ему помочь только личный авторитетъ. Думы наши, по своему составу, очень боятся всякаго нововведенія и разницы между расходомъ производительнымъ и непроизводительнымъ

часто не признають. И это относится ко всѣмъ думамъ, даже самымъ интеллигентнымъ.

Съ другой стороны, думы очень субъективны (и это тоже зависитъ отъ ихъ состава). Субъективизмъ же этотъ ведетъ къ тому, что часто большинство гласныхъ меньше обращаетъ вниманія на существо предложенія, нежели на то, кто его внесъ. И вотъ популярный голова дѣйствительно всемогущъ (московскій Алексѣевъ), непопулярный иногда проваливаетъ самые спасительные проекты. Ясно, что и тутъ все дѣло въ его авторитетѣ.

Пусть не подумаетъ читатель, что я скорблю о недостаткѣ власти у головы! Нѣтъ, Боже сохрани! Я глубоко убѣжденъ, что будь у нашихъ головъ много власти, они Богъ знаетъ чего бы понадѣлали, такъ что потомъ не легко было бы расхлебать заваренную кашу. Я только констатирую фактъ, что голова можетъ быть крупной фигурой при извѣстномъ нравственномъ авторитетѣ и чистѣйшимъ нулемъ, если этого авторитета нѣтъ. А изъ этого можно вывести заключеніе, что не всегда голову можно упрекать во всемъ, что творится въ городѣ. Можно ли его всегда упрекать и въ томъ, что онъ не заслужилъ должнаго авторитета? Какъ его заслужить, на это рецепта нѣтъ. Помимо нѣкоторыхъ положительныхъ качествъ, надо еще обладать извѣстной дозой такта, а можетъ быть и покладистости. Не всякій имѣетъ довольно такта; многіе не умѣютъ быть покладистыми.

Я такъ долго остановился на вопросѣ о власти головы, чтобы показать, какъ осторожно надо связывать нѣкоторыя событія въ городской жизни, а то и цѣлыя эпохи, съ именемъ городского головы. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ надо довольно подробно и глубоко разобраться въ отношеніяхъ головы и думы. Къ сожалѣнію, для общества, въ широкомъ смыслѣ этого слова, это немыслимо и часто обвиненія сыплются не по адресу виноватаго. Единственно же, чего можно требовать отъ всякаго уважающаго себя головы—это уйти въ соотвѣтствующій психологическій моментъ, а иногда наоборотъ—бороться сколько есть силъ, не создавая этого момента искусственно.

Все это я, конечно, отношу къ головѣ, который дорожить

общественнымъ мнѣніемъ. Общественное мнѣніе почти всегда à la longue оправдываетъ извѣстное изреченіе: vox populi — vox Dei.

И этимъ и объясняется, почему имъ надо дорожить чело-
вѣку съ чувствомъ собственнаго достоинства. Я, конечно, говорю
про общественное мнѣніе, которое родится, а затѣмъ распро-
страняется среди культурнаго общества, а не про ту часто
дикую, хотя и распространенную молву, которой суждено мало-
по-малу вытѣсняться изъ памяти народной и являющейся лишь
временно, хотя и продолжительно продуктомъ ея невѣжества.

Но исторію, какъ всеобщую, такъ и мѣстную, къ счастью,
пишутъ люди культурные, создающіе и общественное мнѣніе.
Надо признаться, что городскіе головы у насъ весьма разно-
образны, вслѣдствіе тѣхъ условій, въ которыя поставлено го-
родское самоуправленіе. Есть многіе, цѣль службы которыхъ
ничего общаго съ пользой для общества не имѣетъ. Ясно, что
такіе объ общественномъ мнѣніи не заботятся, но не о такихъ
и рѣчь моя идетъ.

Когда рѣчь идетъ о городскомъ головѣ, или объ управѣ, или
о думѣ, трудно останавливаться на мелочахъ, трудно указывать
на тѣ или другіе недостатки закона или практики, когда ложно
все основаніе нашего законодательства. Что же дѣлать, когда
довѣріе заслужили наименѣе того стоящіе классы? Будь наше
самоуправленіе ввѣренно обывателямъ, и голова былъ бы всегда
обывательскій. Не виновата дума, что она домовладѣльческо-
торговая, не виновата голова, что онъ — либо домовладѣлецъ,
либо купецъ.

XV.

С м ѣ т а.

Рѣдкій городъ въ Россіи, начиная со столицъ и кончая уѣзд-
нымъ городишкомъ съ упрощеннымъ самоуправленіемъ, не жа-
луется на недостатокъ денегъ. И если вы посмотрите отчетъ,

то, дѣйствительно, рѣдкій годъ сводится безъ дефицита, рѣдкая смѣта обходится безъ дутыхъ цифръ.

Въ земскихъ смѣтахъ дѣло дѣлается проще; расходъ выводится, какъ угодно собранію, а затѣмъ сумма, за вычетомъ незначительныхъ поступленій съ промышленныхъ заведеній, дѣлится на число удобныхъ десятинъ. И балансъ готовъ. Теперь эта процедура вѣскольکو усложнилась съ ограниченіемъ обложенія.

Въ городахъ дѣло мудренѣе. Не норма обложенія имущественной единицы подчиняется итогу, а итогъ долженъ приноровиться къ существующему обложенію. Положимъ, доходовъ ожидается столько-то. Итогъ подведенъ. Надо и итогъ расходовъ подвести подъ эту цифру. Ни на копейку больше. Иначе балансъ не сведется и вся смѣта не можетъ получить должнаго утвержденія. А между тѣмъ потребности растутъ неимоверно; тамъ больныхъ некуда класть, тамъ рожаютъ на улицѣ, тамъ на сто желающихъ учиться мѣста хватаютъ двадцати. Подсчитаетъ управа потребности, сравнить съ доходами и окажется, что доходы куда меньше расходовъ.

Прежде всего пробуютъ, конечно, увеличить доходы. Но это не такъ-то легко сдѣлать. Всѣ доходы опредѣлены думой, а отмѣнить данныхъ бухгалтеріи нельзя. Приходится выдумывать новые налоги. Но большею частью это или невозможно, когда все уже использовано, а оцѣночный сборъ на дома дошелъ до узаконенныхъ 10 проц., или встрѣчаетъ безусловное сопротивленіе домовладѣльческой думы, какъ, на примѣръ, когда недошедшій до 10 проц. оцѣночный сборъ предлагаютъ довести до максимальной нормы, или не имѣетъ никакого значенія, когда новый какой-нибудь налогъ на собакъ, кошекъ или велосипеды можетъ дать лишь жалкіе гроши.

Обращаются тогда ко второму средству: урѣзать расходы. Начинаютъ находить, что расходы, прежде казавшіеся безусловно необходимыми, какъ открытіе лишней школы или замощеніе новой улицы, не такъ уже неизбежны, что можно потерпѣть годикъ, другой. И ну уменьшать расходы! При этомъ всѣ отлично знаютъ, что и годъ, и два тому назадъ эти же самые

расходы были такъ же настоятельно необходимы, какъ и теперь, и, увы! будутъ такъ же мало исполнимы черезъ годъ, другой, какъ они не исполнимы теперь. И откладывается расходъ, иногда кричащій, иногда производительный настолько, что покрылся бы въ два-три года, оставивши затѣмъ чистый доходъ. Сокративши расходъ, сколько возможно, управа съ ужасомъ замѣчаетъ, что расходы все-таки больше доходовъ. Какъ быть дальше? Не остается другого средства, какъ только взмылить нѣкоторыя статьи дохода. Прекрасно сознають, что по данной статьѣ доходы не могутъ дойти до извѣстной цифры, а все-таки пишутъ: надо же смѣту свести.

Поступаетъ смѣта на разсмотрѣніе финансовой комиссіи, которая каждый разъ, приступая къ смѣтѣ, рѣшаетъ дутыхъ цифръ не допускать. Поэтому всѣ маленькія натяжки, допущенныя управой, прежде всего исправляются. Принимается рѣшеніе, дѣйствуя на чистоту, какъ-никакъ урѣзать еще расходы. А такъ какъ все ужъ и безъ того урѣзано больше, чѣмъ можно, то урѣзываютъ то, чего нельзя. И удивительная вещь! Не думаютъ объ уменьшеніи жалованья головы, члена управы или другого крупнаго служащаго, а бросаются урѣзывать гроши самыхъ маленькихъ служащихъ: сторожей, метельщиковъ и другихъ. Сейчасъ начинается разговоръ о спросѣ и предложеніи. „Зачѣмъ платить двадцать рублей конюху, когда я вамъ сколько угодно доставлю ихъ по пятнадцати“—говоритъ вамъ почтенный состоятельный гласный. И напрасенъ доводъ, что вѣдь и конюха желательно имѣть прочнаго, дорожащаго своимъ мѣстомъ, честнаго. Этотъ доводъ, дѣйствующій когда дѣло идетъ объ интеллигентномъ служащемъ, почему-то не дѣйствуетъ, когда дѣло идетъ о работникѣ. Точно работникъ не нуженъ трезвый, честный, грамотный! И это явленіе повсемѣстное! Всѣ сокращенія начинаются съ маленькихъ людей! Фатальная, плохо объяснимая ошибка!

Но съ маленькихъ много не урѣжешь. Такъ и тутъ. Несмотря на всѣ старанія, пропасть незаполнена. Снова взмыливается смѣта доходовъ; концы съ концами сведены.

Въ думѣ снова поднимается желаніе сократить, свести хоро-

шую смѣту, не предвѣщающую дефицитовъ и опять ограничивается незначительными урѣзками.

Наконецъ, всякими правдами и неправдами балансъ сведенъ. Смѣта готова.

Законъ назначаетъ сроки для разсмотрѣнія смѣты, но смѣты часто, несмотря на это, запаздываютъ, при чемъ какъ составляющіе первоначально смѣту начальники отдѣльныхъ частей, такъ и члены управы, и вся управская коллегія, и финансовая комиссія, и дума—всѣ понемногу бываютъ виноваты въ этой затяжкѣ. Ужъ больно много инстанцій, при томъ коллегіальныхъ! Тяжела городская машина! Способовъ разсмотрѣнія думой смѣты нѣсколько. Обыкновенно обсуждаются только тѣ статьи, по которымъ разсматриваемая смѣта отличается отъ предыдущей. При желаніи сократить пренія можно ограничиваться разсмотрѣніемъ только тѣхъ параграфовъ, по которымъ произошло разногласіе между управой и финансовою комиссіей.

Насколько я знаю, почти вездѣ финансовая комиссія разсматриваетъ смѣту независимо отъ управы, послѣ нея. Разногласія поэтому бываютъ очень многочисленны, да и комиссія, имѣя передъ собою только однѣ цифры, часто не знаетъ какими мотивами управа руководствовалась, ставя ту или иную сумму. Не зная мотивовъ, комиссія часто вноситъ разногласіе тамъ, гдѣ она согласилась бы съ управой, выслушай она ея объясненія. Я бы для сокращенія времени и для уменьшенія разногласій предложилъ слѣдующій способъ составленія смѣтъ. Когда отдѣльныя смѣты, разсмотрѣнныя каждымъ членомъ управы порознь, поступаютъ къ головѣ или въ бухгалтерію, смотря по тому, кто руководитъ дѣломъ, засѣданія обѣихъ коллегій, управской и финансовой, назначаются соединенныя. Я вообще противъ недоувѣрчиваго отношенія двухъ органовъ самоуправленія къ другиму. Между тѣмъ и при составленіи смѣты замѣчается нето недоувѣріе финансовой комиссіей къ управѣ, нето желаніе въ отдѣльныхъ засѣданіяхъ освободиться отъ возможнаго вліянія управы. Забываютъ, что вліять будетъ управа, потому что, ближе стоя къ дѣлу, она лучше его знаетъ. При такомъ совмѣстномъ

разсмотрѣннн смѣты и при обоюдныхъ уступкахъ, пункты, по которымъ управа и комиссія (предполагается, что обѣ голосуютъ отдѣльно) окончательно не споятся, очевидно, и должны быть разсмотрѣны подробно думой, которая и имѣетъ высказаться окончательно. Во всемъ остальномъ согласіе управы и такой всегда авторитетной комиссіи, какъ финансовая, достаточно гарантируетъ какъ обоснованность, такъ и обдуманность цифръ. Много времени, много бесполезнаго труда сократилъ бы такой способъ работы.

А главное, что надо помнить составителямъ смѣты, это—желательность продуктивныхъ расходовъ. Сколько разъ излишняя скупость гласныхъ, сокращавшихъ ремонтъ, приводила къ гибели цѣлыхъ зданій! Сколько разъ отсутствіе, положимъ, статистики, раскрывающей глаза на то или другое явленіе въ городскомъ хозяйствѣ, вело къ непроизводительнымъ расходамъ или неправильнымъ, по отсутствію достаточной мотивировки, оцѣнкамъ.

Къ сожалѣнію, наши думы постоянно впадаютъ въ этотъ грѣхъ, въ особенности, сокращая на жалованьи служащихъ. При миллионномъ бюджетѣ иногда выгодно израсходовать лишнихъ тысячъ пятьдесятъ, если этимъ путемъ можно улучшить составъ служащихъ.

Надо помнить, что изъ миллиона иногда сто, иногда двѣсти тысячъ, а то и болѣе теряются совсѣмъ зря, если персоналъ не на высотѣ положенія. Не скупясь на персоналъ, вы на израсходованныя пятьдесятъ тысячъ можете получить 200, 400, а то и болѣе процентовъ! Вотъ одна часть смѣты, которая всегда вызываетъ невольное сожалѣніе составителя. Это такъ называемые обязательные расходы, доходящіе иногда до весьма значительной части бюджета. Главные два пункта обязательныхъ расходовъ, это—полиція и войска. Что въ особенности досадно, это неравномѣрность этого обложенія въ разныхъ городахъ. Въ нѣкоторыхъ войска почти-что нѣтъ, и вотъ мы видимъ большой городъ, тратящій на войско гроши. Рядомъ мы имѣемъ другой меньшій городъ съ большимъ гарнизономъ; такой городъ и несетъ большую обязательную повинность на войска.

То же самое и съ полиціей. Участіе городовъ въ расходахъ на полицію весьма различно, смотря по городу.

Есть города ничего отъ казны на полицію не получающіе, а есть города, приплачивающіе къ расходамъ казны на этотъ предметъ только незначительный процентъ. Складывалось это исторически. Думаю, что я не ошибусь, сказавъ, что степень участія города въ этихъ расходахъ прямо пропорціональна быстротѣ его роста. Старинный городъ, не развивающійся или мало прогрессирующій за послѣднее время, обыкновенно мало расходуетъ на полицію.

Какъ платила казна встарину, такъ платитъ и теперь, а на городъ возлагаются эти тяготы только при увеличеніи содержанія полицейскихъ чиновъ.

Наоборотъ, городъ молодой или быстро растущій вынужденъ чуть не всю тяжесть этихъ расходовъ нести на себѣ. Такой городъ всегда имѣетъ репутацію богатаго и обзаводиться полицією ему приходится вновь. А теперь казна хотя и требуетъ усиленно увеличенія полицейскихъ штатовъ, но по возможности старается расходы возложить на города.

XVI.

Оцѣнки.

Большую роль въ городской жизни играетъ оцѣнка разныхъ недвижимыхъ имуществъ, земли и строеній. Каждый новый домъ или каждый перестроенный старый домъ долженъ непременно быть оцѣненъ, чтобы съ него могъ быть взимаемъ оцѣночный сборъ—главный, прямой налогъ въ городахъ.

Оцѣнкѣ же подлежатъ земли городскія, подлежащія по той или другой причинѣ отчужденію въ частныя руки, а также городскія и частныя недвижимыя имущества, когда предстоитъ городу по поводу этихъ построекъ входить въ договорныя отношенія съ частнымъ лицомъ, какъ, на примѣръ, при наймѣ горо-

домъ частнаго помѣщенія или, наоборотъ, при сдачѣ частному лицу городского имущества.

Работы, во всякомъ случаѣ, много и притомъ такой, что ее надо сдѣлать во что бы то ни стало. Не соберется другая какая-нибудь комиссія, бѣда поправимая: можетъ, если время не терпитъ, распорядиться управа. Но работа оцѣночной комиссіи должна быть исполнена никѣмъ инымъ, какъ ея самою. Поэтому, найти вполне подходящихъ членовъ оцѣночной комиссіи—дѣло обычно нелегкое. Эта комиссія по большей части бываетъ платная. Задержка въ ея работѣ очень чувствительно отзывается какъ на ходѣ городскихъ работъ вообще, такъ и на поступленіяхъ оцѣночнаго сбора въ частности. Тутъ широкій просторъ для проявленія столь нежелательныхъ поблажекъ и снисхожденій. Если комиссія служить вѣрной представительницей большинства думы, то обыкновенно ея оцѣнки и утверждаются безъ измѣненія. При послабленіяхъ тому или другому лицу комиссія можетъ тоже въ этихъ случаяхъ надѣяться на согласіе думы.

А хуже всего, что поблажки дѣлаются не какому-нибудь бѣдному человѣку, живущему въ лачугѣ, а вліятельному человѣку, могущему, при случаѣ, быть въ свою очередь полезнымъ своимъ товарищамъ.

Да и помимо всякихъ преднамѣренныхъ отступленій отъ правды, часто бываютъ ошибки въ оцѣнкахъ комиссіи и думы. Просто покажется, что почему-либо домъ малокоходень и неудобень.

И оцѣнять его низко. А этотъ-то домъ и приноситъ громадный доходъ. Но это ускользнуло отъ вниманія оцѣнщиковъ.

Поэтому желательно, чтобы по мѣрѣ возможности оцѣнка была основана на неизблемыхъ данныхъ. Если бы такія данныя были прочно установлены, съ достаточною подробностью и меньше всего основаны на словесныхъ показаніяхъ самого домовладѣльца или городского контрагента, то тогда и оцѣнщикамъ было бы мало простора увеличивать или уменьшать свою оцѣнку; къ сожалѣнію, въ очень многихъ городахъ оцѣнка дѣлается просто на глазъ.

Во избѣжаніе часто происходящихъ отъ этого ошибокъ, хотя бы и невольныхъ, и должны быть установлены оцѣночныя нормы.

Выработать обоснованныя нормы и есть одна изъ главныхъ задачъ городской статистики. Правильное и очень подробное описаніе построекъ въ связи съ размѣщеніемъ въ нихъ жилыхъ помѣщеній и мастерскихъ, описаніе, сдѣланное при переписи или отдѣльно (отдѣльно, пожалуй, и лучше, такъ какъ послѣдности уже очень большой не требуется и спокойная статистическая работа куда лучше спѣшной), только такое описаніе и можетъ дать дѣйствительно обоснованныя, справедливыя оцѣночныя нормы.

Имѣя такія данныя, которыя могутъ быть точно опредѣлены для всякой недвижимости, какъ часть города, величина постройки, качество ея, матеріаль, изъ котораго построена, число квартиръ, оконъ, можно съ нѣкоторою точностью опредѣлить и вліяніе всѣхъ этихъ данныхъ на цѣну имущества. Но есть и такой факторъ, который ускользаетъ отъ вниманія статистики, и который служитъ предметомъ спора, долженъ ли онъ или нѣтъ вліять на оцѣнку имущества.

Я говорю о роскоши помѣщенія. Сравнимъ для примѣра двѣ квартиры. Обѣ въ одинаково хорошей части города. Обѣ одинаковаго размѣра, одна построена для большой семьи съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ гигиены. Большой залъ для дѣтскихъ игръ, большая столовая, гдѣ собирается семья. Отдѣлка самая простая, безъ драпировокъ, безъ обоевъ, согласно правиламъ санитаріи.

Въ другой квартирѣ живетъ одинокій человѣкъ и занимаетъ ее не ради удобства или гигиены, а по привычкѣ и любви къ роскоши. Лѣпныя работы, позолота, фрески знаменитыхъ художниковъ на стѣнахъ и потолкахъ, венеціанскія стекла, зимніе сады.

Спрашиваю: должны ли квартиры эти цѣниться одинаково? Первая можетъ быть оцѣнена по нормамъ.

Да, наконецъ, цѣна квартиры извѣстна. Не находится нани-

матель на всю квартиру, раздѣлилъ ее на двѣ, ну, сдалъ часть. А что сдѣлать съ квартирой богача? Ее и пересдать-то нельзя, ни по частямъ, ни цѣликомъ; вѣдь одинъ потолокъ, расписанный Маковскимъ, стоитъ дороже всей квартирной платы. На этомъ основываясь, нѣкоторые говорятъ, что дорогая квартира должна цѣниться даже дешевле первой. Другіе, желая быть совсѣмъ безпристрастными, говорятъ, что обѣ квартиры должны цѣниться одинаково. Я позволю себѣ не согласиться ни съ тѣми, ни съ другими. Я думаю, что городъ имѣетъ право облагать роскошь квартиры. Одинъ домъ стоитъ миллионъ, другой рядомъ и той же величины—сто тысячъ. Тотъ самый фактъ, что миллионный домъ по своей роскоши не найдетъ квартиранта, говорить за то, что обладатель его имѣетъ состояніе, выходящее изъ ряда вонъ, и что ему высшее обложеніе нисколько не будетъ въ тягость. Онъ его даже и не замѣтитъ. А если и замѣтитъ, то для него это будетъ лишь вопросъ принципа.

Теперь спрашиваю: въ правѣ ли городъ, т.-е. общество, брать лишнее (вполнѣ обоснованно) съ тѣхъ, кто этого и не почувствуетъ? Я думаю не только можетъ, но и долженъ. Облагая конуру нищаго и извлекая изъ его скуднаго бюджета копейку, которая пошла бы на хлѣбъ его дѣтямъ, мы думаемъ, что творимъ законное и одну мѣрку прикладываемъ къ этой конурѣ и къ дворцу миллионера. Обложить же роскошь этого дворца мы считаемъ несправедливымъ. Все боимся обидѣть сильнаго, а слабый-то уже и такъ привыкъ къ обидамъ. Одной больше, одной меньше. Не бѣда! Думаю, что такой расчетъ несправедливъ.

Величина обложенія земли земствомъ не опредѣлена. Последнее время фиксировано только ежегодное увеличеніе обложенія. Въ городахъ же законъ прямо установилъ максимумъ обложенія. Больше 10 процентовъ доходности домовъ городъ брать не можетъ. У меня нѣтъ подъ рукой свѣдѣній, много ли городовъ дошли до высшей нормы и много ли еще не дошли. Знаю только, что каждый можетъ назвать примѣры того и другого.

Правительство очень сообразуется съ тѣмъ, дошелъ ли городъ до нормы или нѣтъ.

Постоянно города обращаются къ правительству съ денежными ходатайствами. Просятъ или разрѣшить новое обложеніе, или снять съ города и перенести на казну нѣкоторыя обязательныя для города расходы, или принять денежное участіе въ новыхъ городскихъ предпріятіяхъ. Въ этихъ случаяхъ первый вопросъ, который вамъ предлагается всѣми, къ кому вы обращаетесь, такой: а до предѣльнаго обложенія дошли? Если дошли, то будутъ продолжать разговоръ, если нѣтъ, то и говорить съ вами не будутъ, «прежде используйте свои мѣстныя средства, а потомъ уже просите помощи у казны.

Но есть другой способъ достигнуть предѣльнаго десятипроцентнаго обложенія, сохраняя, вмѣстѣ съ тѣмъ, небольшіе по суммѣ платежи оцѣночнаго сбора. Этотъ способъ состоитъ въ искусственно низкой оцѣнкѣ недвижимостей. Выработаны такія нормы, что продажныя цѣны домовъ въ нѣсколько разъ выше городской ихъ оцѣнки. Послѣдствія такой оцѣнки весьма нежелательны: уменьшеніе городского бюджета противъ того, что могло бы быть безъ излишняго обремененія домовладѣльцевъ, и искусственное ограниченіе и безъ того узкаго кружка избирателей и гласныхъ.

И за способомъ оцѣнки имущества слѣдитъ казна, и если замѣчаютъ, что хотя максимумъ обложенія уже и введенъ, но оцѣнка искусственно понижена, то на ходатайства объ увеличеніи денежныхъ расходовъ казны на города получается такой отвѣтъ: «Сдѣлайте переоцѣнку имущества, тогда поговоримъ».

И тому и другому доводу лицъ, стоящихъ на стражѣ казенныхъ [интересовъ, нельзя отказать въ справедливости, хотя первый можетъ быть всегда приведенъ безошибочно, а второй можетъ повести и къ нежелательнымъ послѣдствіямъ. Иногда дѣйствительно кажется, что оцѣнка низка, а попробуйте сдѣлать переоцѣнку и результаты получатся обратныя; окажется, что прежняя оцѣнка была выше новой.】

Общій законъ послѣднихъ десятилѣтій таковъ, что деревня старается переселяться, по мѣрѣ возможности, въ города. Города растутъ непомерно и неудержимо. Я, конечно, имѣю въ виду

лишь большіе города. Маленькіе, которые отличаются отъ села только присутствіемъ исправника, управы и казначейства, наоборотъ, теряютъ свое значеніе и такъ же, какъ и деревни, бѣднѣютъ, уступая людей и богатства торговымъ центрамъ, хотя бы они носили скромное названіе слободы или поселка.

А разъ города растутъ, естественно, что дорожаютъ земли и дома, и понятно общее правило, что переоцѣнка должна производиться чаще. Въ общемъ, конечно, города получаютъ увеличеніе доходовъ. Но иногда можно и ошибиться. Бываютъ мѣстные, совершенно случайные, частные кризисы, которые въ извѣстномъ городѣ задерживаютъ его развитіе. Сдѣлайте въ такое время переоцѣнку, и—кромѣ убытка ничего не получите. Гдѣ же основанія къ переоцѣнкѣ? Заявленія гласныхъ-домовладѣльцевъ часто бываютъ слишкомъ пристрастны. Растутъ преимущественно цѣны въ центральныхъ частяхъ городовъ, гдѣ гласные преимущественно и живутъ. Очевидно, переоцѣнка прежде всего отзовется на карманахъ болѣе состоятельныхъ домовладѣльцевъ. Естественно имъ ея не желать. Нельзя рѣшать переоцѣнку потому, что настоящая оцѣнка *«кажется»* низкою.

Тутъ-то мы опять можемъ обратиться къ статистикѣ, столь преданному намъ другу, котораго мы такъ часто забываемъ. Вопросъ о переоцѣнкѣ рѣшается статистикой безошибочно. Изъ самихъ показаній домовладѣльцевъ можно вывести правильное заключеніе. Хотя бы домовладѣльцы и искажали часто истину преднамѣренно, но противорѣчія ихъ показаній съ объективными данными статистическаго описанія ясно покажутъ, въ чемъ эти показанія отступаютъ отъ дѣйствительности.

Статистика опредѣленно, массою фактовъ скажетъ намъ, хороша существующая оцѣнка или нѣтъ, въ какую сторону грѣшить и насколько. Статистика (конечно, правильная и безпристрастная, внѣпартійная) заговоритъ такимъ убѣдительнымъ языкомъ, что никому нельзя будетъ идти противъ очевидности.

Къ сожалѣнію, не всегда обращаются къ статистикѣ, не всегда и знаютъ про ея существованіе.

XVII.

Статистика.

Одинъ изъ большихъ недостатковъ веденія нашего городского хозяйства, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, полное незна- ніе положенія. У всѣхъ составились въ каждомъ городѣ извѣстныя представленія, что городъ растетъ, процвѣтаетъ, или что онъ, на- оборотъ, въ ростѣ остановился, или регрессируетъ. Всѣ говорятъ: у насъ кризисъ торговый, или домовладѣльческой, или рабочій, или прислуги. Спорять о необходимости открыть новую школу не тамъ, а здѣсь, почтовое отдѣленіе на такой-то улицѣ, лиш- нюю водоразборную будку именно на такой-то площади. Другіе находятъ, что открыть школу, почтовое отдѣленіе и водоразбор- ную будку надо, но только въ другихъ мѣстахъ; третьи же го- ворятъ, что эти новыя учрежденія въ данную минуту вовсе не нужны и не окупятся. Вопросъ рѣшается, конечно, большин- ствомъ голосовъ, но и большинство, если его спросить, очень затруднилось бы отвѣтить, почему оно вынесло это, а не другое рѣшеніе. Кажется, что такъ лучше, такъ они и дѣлаютъ. А по- томъ легко можетъ оказаться, что правы были не они, а мень- шинство.

Всякій пойметъ, что прежде чѣмъ дѣлать, надо убѣдиться, что это нужно. А для этого мало думать, что такъ нужно; надо знать это и умѣть доказать съ цифрами въ рукахъ. А для того, чтобы знать, надо изучать.

Вотъ это изученіе даннаго положенія и составляетъ пред- метъ статистики. Очень мало, къ сожалѣнію, городовъ, у кото- рыхъ есть статистическое бюро, хотя это первое, чѣмъ имъ бы слѣдовало обзавестись, по введеніи городского положенія. Стати- стическое изслѣдованіе сопровождаетъ всякое крупное и хорошо поставленное дѣло.

Совѣтъ сѣзда нефтепромышленниковъ въ Баку обзаводится статистическимъ бюро, посылаетъ особыхъ статистиковъ для

изученія потребленія нефтяныхъ продуктовъ на мѣстахъ, издаетъ статистическіе сборники.

Хорошо организованное общество транспортированія товаровъ, прежде чѣмъ заводить сношенія съ краемъ и посылать туда своихъ агентовъ, считаетъ долгомъ впередъ изучить край статистически.

Желѣзнодорожное общество не приступитъ къ постройкѣ новой вѣтки, не убѣдившись въ ея полезности статистическимъ изслѣдованіемъ.

Земства съ самаго начала поняли важность статистическихъ изслѣдованій и приступили къ дѣлу энергично. Къ сожалѣнію, въ самомъ земствѣ оказались сильныя теченія, которымъ свѣтъ правды былъ очень непріятенъ. Въ Рязани, на примѣръ, данныя статистики оказались настолько хорошими, что постановлено было ихъ сжечь. Я говорю, что онѣ оказались хорошими потому, что если бы ихъ сочли плохими, несоотвѣтствующими истинѣ, то выбросили бы, употребили бы на обертку. А тутъ сожгли! Я замѣчалъ, что когда люди прибѣгаютъ къ лѣченію огнемъ (Гуссъ, Галилей, Орлеанская Дѣва), они имѣютъ дѣло съ опаснымъ, сильнымъ, великимъ противникомъ. По аналогіи надо думать, что очень ужъ сильна и добра была рязанская статистика, если ее сочли нужнымъ сжечь!

Не потому статистика не вводится въ нашихъ думахъ, что ея боятся. Нѣтъ! А просто потому, что не вѣрятъ въ нее; жили, молъ, и безъ статистики, да еще богаче были, чѣмъ теперь. А гдѣ что построить, мы и такъ видимъ.

Понятно, что при такихъ разсужденіяхъ и дѣлается Богъ знаетъ что.

Статистика, правильно веденная, должна во всякое время дать отвѣтъ на предлагаемый вопросъ. Она должна не только сфотографировать данную картину и запечатлѣть какой-нибудь моментъ, она постоянно должна отражать и ходъ дѣла, какъ синаматографъ. Мы должны имѣть не неподвижную картину, а движущуюся.

Статистика должна дать и географію, и исторію города. Но

исторія, чтобы быть ясно понятой, должна начаться съ описанія начальнаго положенія. Съ другой стороны, и описаніе начальнаго положенія скоро устарѣетъ и будетъ сохранять лишь архивный интересъ, если за нимъ не будетъ слѣдовать исторія, т.-е. не будутъ отмѣчаться постепенно всѣ происходящія въ картинѣ измѣненія.

Соотвѣтственно съ этимъ и работа статистическаго бюро должна быть двойная. Сначала она должна дать экономически-географическую картину. Это дѣлается переписью. Затѣмъ идетъ историческое развитіе этой картины. Это есть текущая статистика.

Перепись безъ статистики имѣетъ лишь минутный интересъ. И статистика безъ переписи не даетъ ясной картины, какъ исторія безъ начала. Ясно, что, заводя у себя статистику, городу надлежитъ начать ее съ переписи.

Перепись считаютъ роскошью большихъ городовъ. Петербургъ, Москва, Одесса—вотъ вамъ города, удостоившіеся переписи. Какъ будто и маленькому городу не надо знать своего положенія. Въ маленькомъ городѣ и перепись была бы легче и дешевле.

Перепись должна обнимать по возможности всѣ вопросы, которые могутъ представиться и дать исходную точку для всѣхъ развѣтвленій текущей статистики. Все сводится къ двумъ изслѣдованіямъ: людей и недвижимыхъ построекъ. Съ большею или меньшею подробностью приходится останавливаться на тѣхъ вопросахъ, которые наиболѣе интересуютъ данную мѣстность. Баку долженъ преимущественно изслѣдовать промыслы и заводы, Астрахань—рыбное дѣло.

Хотя перепись и называется однодневною, но даже наиболѣе сконцентрированная часть ея, перепись личная, и та продолжается болѣе одного дня. Перепись же земельныхъ участковъ и строеній беретъ довольно много времени и дѣлается заранѣе. Еще больше времени беретъ разработка статистическихъ данныхъ послѣ переписи. Все вмѣстѣ взятое требуетъ, конечно, довольно значительныхъ средствъ.

Но первая же избѣгнутая ошибка, первый правильно, благо-

даря переписи, рѣшенный вопросъ—и вотъ вамъ деньги, затраченныя на перепись, вернулись съ избыткомъ. Никогда ни одна копейка, израсходованная на статистику, не вернется прямо. Дохода по графѣ статистики нѣтъ. Но нѣтъ и той отрасли расходовъ городскихъ, на которыхъ благотворно бы не отразилась статистика. Если не уменьшеніе смѣты (это невозможно), то, по крайней мѣрѣ, улучшеніе во всѣхъ отрасляхъ хозяйства неизбежный результатъ статистики. Къ сожалѣнію, больше смотрятъ у насъ на итоги смѣты, больше ищутъ непосредственно уменьшенія расходовъ и увеличенія доходовъ, чѣмъ улучшенія хозяйства. Поэтому жалѣютъ деньги на самый производительный расходъ, а потомъ упрекаютъ управу и другіе органы самоуправленія, что тотъ или другой докладъ плохо составленъ, тотъ или другой проектъ оказался неудачнымъ. Да и то сказать: часто ли управы ищутъ имѣть статистическія бюро? Кажется, не часто.

Каждой отрасли хозяйства должна соответствовать особая статистическая работа. Санитарія и больничное дѣло требуютъ большого напряженія статистическаго бюро. Много работы должно быть положено и въ школьную статистику. Составитель проекта водопровода или канализаціи опять обращается къ статистикѣ. Ему нужно знать густоту населенія каждаго уголка города, его состоятельность, его промышленную дѣятельность, потому что безъ этихъ свѣдѣній онъ не будетъ знать ни количества потребной воды, ни величины потребныхъ отводныхъ каналовъ. Нужно ли мостъ провести изъ одной половины города въ другую—и тутъ, чтобы указать, гдѣ его выгоднѣе строить, надо обратиться къ статистикѣ передвиженія и торговли.

Громадная ошибка людей, имѣющихъ въ карманѣ дипломъ или иныя права, и поэтому только считающихъ себя интеллигентами, думать, что статистика не наука. Кто не слышалъ такого мнѣнія, да притомъ отъ людей, по своему положенію имѣющихъ голосъ.

Что, молъ, это за наука? Ну, положимъ, намъ надо собрать свѣдѣнія, что мнѣ нужно, я вѣдь знаю, не правда ли? Составить таблички съ вопросными пунктами, кажется, не хитрость? А ужъ

ходить по домамъ, да заполнять эти таблички всякій грамотный солдатъ можетъ, не то что фельдфебель!

И что же? Вѣдь такія мнѣнія довольно распространены и находятъ послѣдователей.

Но какъ ни гонять несчастную профессиональную статистику, а совсѣмъ ее выгнать все-таки, къ сожалѣнію для этихъ господъ, не приходится. И недавно громадныя оцѣночныя работы въ земствѣ подняли на ноги старыхъ статистиковъ. И что же! Гдѣ нѣтъ статистиковъ—нѣтъ и оцѣночныхъ работъ! Видно на фельдфебеляхъ не уѣдешь!

Къ сожалѣнію, возстаютъ противъ научной статистики исключительно люди, или преднамѣренно ее отвергающіе, боясь свѣта истины, или никогда лично съ нею не соприкасавшіеся. Но чтобы быть статистикомъ, нужна не только научная подготовка, но нужны еще два очень важныхъ фактора. Это—практика и интеллигентность. Къ сожалѣнію, ни того, ни другого нѣтъ у фельдфебеля. А практика нужна настолько, что образовались разные специалисты по статистикѣ. Есть статистики земскіе, хорошіе для деревни, но не подходящіе для города. Есть практики городской переписи, не имѣющіе опыта, нужнаго для деревни.

А что интеллигентность нужна, видно уже изъ одного того, что интеллигентный статистикъ, когда его въ дверь гонятъ, влетаетъ въ окно! Вѣдь при всемъ стараніи, съ какимъ ихъ выкуриваютъ отовсюду, должны бы они разсыпаться. Но нѣтъ: съ интеллигентнымъ статистикомъ умираетъ сама статистика.

Какъ-никакъ, если она и не умираетъ, но что ей бѣдной, а съ ней вмѣстѣ и бѣдному хозяйству нашихъ селъ и городовъ плохо приходится—въ этомъ сомнѣваться трудно. Сходятъ со сцены и остаются за кулисами лучшія силы и поневолѣ приходится довольствоваться снятымъ молокомъ. Сливки очень рѣдки стали. Точь въ точь какъ въ большихъ городахъ.

Конечно, если бы и города и земства теперь обратились къ статистикѣ, то потребность въ хорошихъ работникахъ врядъ ли была удовлетворена. Но врядъ ли эта опасность намъ особенно сильно угрожаетъ. Утѣшеніемъ можетъ служить свойство стати-

стики привлекать интеллигентныхъ работниковъ и привязывать ихъ къ себѣ. Есть фанатики статистики болѣе, чѣмъ другихъ отраслей умственнаго труда. И надо думать, что когда наступитъ для статистики время, гдѣ она будетъ въ большомъ фаворѣ — найдутся и работники, достойные этой обширной и благодарной задачи. Первые шаги, можетъ быть, будутъ не совсѣмъ увѣренные, могутъ быть и ошибки, но вѣтъ сомнѣнія, что снова сформируются кадры, соответственные потребности. Не совпадаетъ ли этотъ моментъ съ началомъ истинно-культурнаго процвѣтанія нашихъ городовъ?

XVIII.

Канцелярія.

Всякій начальникъ отдѣльной части, вступающій въ отправленіе своихъ обязанностей, непременно задается мыслью сократить канцелярскую переписку, но рѣдкому это удается. Канцеляріи у насъ растутъ не по днямъ, а по часамъ, а съ ними плодятся дѣла. И увеличиваются канцеляріи не только въ казенныхъ учрежденіяхъ, но и въ общественныхъ.

У насъ принято ругать, на чемъ свѣтъ стоитъ, канцелярщину, подразумѣвая подъ этимъ словомъ чуть не всю бюрократическую организацію съ ея волокитой, отписками, неправдами, притѣсненіями слабыхъ. А зло канцелярщины видятъ именно въ количествѣ дѣлъ, бумагъ и переписки.

Бюрократическое дѣло не можетъ дѣлаться безъ канцеляріи, т.-е. чиновниковъ, пишущихъ бумаги, и вотъ зло бюрократіи переносятъ на канцеляристовъ и ихъ писанія. Выходитъ какъ съ собакой, кусающей кнутъ вмѣсто бьющей ее руки.

Дѣйствительно, возьмите вы наиболиберальнѣйшую Англію и посмотрите на десятки лѣтъ въ одной канцеляріи строчащихъ кларковъ. Обернитесь къ демократической Франціи и тамъ увидите согнувшіяся спины строчащихъ чиновниковъ, получившихъ даже прозваніе «ronds de cuir» (кожаныхъ круговъ) по аналогіи

съ часто употребляемыми ими предметами для сидѣнія, предохраняющими ихъ отъ послѣдствій долгаго сидѣнія.

Наконецъ, забудьте Англію съ Франціей и посмотрите на наши банки, акціонерныя общества, торговыя предпріятія. Какая громадная переписка и какая аккуратность въ отвѣтахъ, въ составленіи счетовъ! Находятъ же вѣдь и частныя предпріятія нужнымъ и выгоднымъ имѣть канцеляріи и переписки!

Наоборотъ, за границей аккуратность въ перепискѣ гораздо болѣе развита, чѣмъ у насъ. Тамъ любой дѣловой человекъ немедленно отвѣчаетъ за №-омъ, оставивъ себѣ черновую. Мы же часто отвѣчаемъ черезъ два—три мѣсяца, числа на письмѣ не выставимъ, а то и вовсе не отвѣчаемъ, если письмо гдѣ-нибудь завалается.

Наоборотъ, настоящая канцелярщина, заключающаяся въ веденіи многихъ книгъ, входящихъ, исходящихъ, въ составленіи большого числа списковъ—эта канцелярщина неизбѣжная, у насъ скорѣе недостаточна. И если вы возьмете самую зараженную старыми пороками канцелярію, то окажется, что пишется въ ней или мало, или плохо.

Не въ писаніи и не въ писцахъ зло, а въ другомъ!

Чѣмъ можно замѣнить бумагу? словесными переговорами? Но для этого нужны или дружескія отношенія, полныя довѣрія, или начальническая непогрѣшимость, въ случаѣ конфликта. На довѣрїи ни государственнаго, ни общественнаго дѣла вести нельзя, потому что всякая копейка, всякая малѣйшая частичка правъ обывателя должна быть гарантирована полнѣйшею возможностью проконтролировать дѣйствія служащихъ отъ высшихъ и до низшихъ.

Тутъ нѣтъ мѣста довѣрїю безконтрольному, т.-е. основанному на словахъ. Да и мыслимо ли, чтобы въ учрежденіи или вѣдомствѣ съ сотнями и тысячами служащихъ все было основано на довѣрїи? Вѣдь всякому довѣрять нельзя.

Въ частномъ дѣлѣ, гдѣ нѣтъ хорошо поставленной письменной части, какъ въ нашихъ старыхъ купеческихъ фирмахъ, тамъ дѣло основано не на довѣрїи, а на единовластіи хозяина.

Онъ словесно приказалъ и если не исполнено, то—вонъ приказчика, служащаго или рабочаго.

Со мной лично бывало не разъ какъ будто дамъ служащему что-либо написать или сдѣлать. Онъ не сдѣлалъ. Спрашиваешь его—почему? Онъ отвѣчаетъ, что я не приказалъ и ручается за это. Служащій заслуживаетъ довѣрія. А можетъ, и вправду я не приказалъ, — подумалъ, а не исполнилъ. Чтѣ тогда? А по простому, взялъ да прогналъ служащаго или обругалъ. А за что? Онъ не виноватъ!

Но если это допускаетъ деревенскій купецъ со своими молодцами, то такъ не можетъ быть построено зданіе служебной іерархіи, не только правительственной, но и общественной, скажу больше, и частной, дорожащей своей репутаціей фирмы.

Наоборотъ, меня возмущаетъ, что принципъ единовластія въ опредѣленіи и увольненіи рабочихъ и низшихъ служащихъ до сихъ поръ держится во всевозможныхъ учрежденіяхъ. Если болѣе высшіе служащіе и гарантированы, поскольку возможно, отъ произвола начальства, то самые низшіе вовсе нѣтъ. А это великое зло.

А что произволь усиливается съ уменьшеніемъ письменныхъ сношеній, это, кажется, ясно.

Мнѣ скажутъ: произволь и теперь есть, хотя бумаги много. Да, но это не отъ бумаги, а вопреки бумагѣ. Мало еще писать бумаги, надо, во-первыхъ, писать ихъ хорошо, а во-вторыхъ, при разслѣдованіи дѣла надо съ ней справляться, надо быть обязаннымъ съ ней справляться. А для этого есть уже извѣстное средство: надо, чтобы бумаги эти и дѣйствія начальства были публичны, гласны.

Тогда, повѣрьте, бумага будетъ не зло, а добро. И всѣ входящія, исходящія журналы, реестры, наряды, дѣла, списки, алфавиты, архивы, — все это будетъ служить уясненію правды и обузданію произвола.

А мы недовольны, и ну ругать писца, да еще перо, которымъ онъ пишетъ, и бумагу, на которой пишетъ. А между тѣмъ, и писецъ, и ручка, и бумага тутъ ровно ни при чемъ.

Говорю это по глубокому убѣжденію, и если бы читатель меня хоть немного зналъ, то онъ повѣрилъ бы, что говорю я это не по рутинерству.

Вѣдь замѣтите, если гдѣ большія злоупотребленія и дурныя дѣла и пріѣзжаетъ честный и энергичный начальникъ—первое, что онъ учредить, это—журналъ, гдѣ бы все записывалось, что дѣлается обвиняемыми въ злоупотребленіяхъ; первое мѣсто, куда онъ бросится для разслѣдованія, это—канцелярія съ ея бумагами.

Нѣтъ, господа, бумагу и бумаги не вините, наоборотъ—пожелайте, чтобы дѣйствія наши больше согласовались съ бумагами. Тогда уменьшится великое наше зло—произволь.

А все-таки канцелярщину ругаютъ. Такъ попробуемъ поискать, можетъ быть, и найдемъ причину зла настоящаго.

Канцеляристы мастера отписываться, — это такъ. Ну, скажемъ правду, кое-гдѣ взятки берутъ. Тоже вѣрно. Ложь они часто выдаютъ за правду, а правду за ложь. Кто и чтò въ этомъ виноваты?

А виновать взгляды на канцеляриста, какъ на низшаго служащаго. Возьмите правительственное мѣсто. Иной старый дѣлопроизводитель, увѣшанный орденами, посмотрите, какъ онъ кланяется начальнику и какъ пренебрежительно подаетъ ему чуть не два пальца причисленный изъ привилегированныхъ — вотъ гдѣ зло!

Посмотрите, какъ вся канцелярія при проходѣ начальства нарочно шумить стульями, чтобы онъ замѣтилъ ихъ почтительное вставанье и какъ онъ бранить не вставшаго или плохо вставшаго.—Вотъ оно зло-то великое.

Оно не въ канцеляріи, не въ канцеляриствѣ, а въ насъ. Молодого привилегированнаго чиновника мы выслушиваемъ, обращаемся съ нимъ хорошо, знакомимся съ нимъ домами, а канцеляриста даже не сажаемъ, когда онъ намъ докладываетъ. Я баринъ, и молодой причисленный—баринъ, а тотъ? тотъ канцеляристъ изъ писцовъ.

Совсѣмъ другая была бы картина, если бы въ канцеляріи была поднята, интеллигентность служащихъ. А интеллигентность

не только развивается ученѣемъ и воспитанѣемъ, а всей жизнью. Если мы, начальники, будемъ обращаться съ канцеляристами какъ люди съ людьми, какъ равный съ равнымъ (это ни капельки не исключаетъ даже служебную строгость), тогда, повѣрьте, онъ вамъ будетъ говорить правду, близко стоя къ бумагѣ и лучше ее зная, часто вамъ дастъ хорошій совѣтъ, а подъ старость будетъ сознательной частью государственнаго или общественнаго механизма, а не кланяющейся фигурой. Если вы со мной обращаетесь не какъ съ человѣкомъ, а какъ съ рабомъ, то почему мнѣ и взятки не взять? Будь я хоть расчестный, я все-таки черной кости, а вы бѣлой, такъ ужъ мнѣ и взятка къ лицу.

Вотъ какъ сознательно или безсознательно разсуждаетъ этотъ человѣкъ. И онъ правъ, и я его взятку извиняю.

Но и здѣсь виновата не канцелярія, а мы. Мы требуемъ формы въ бумагѣ, а не сути. Я зналъ начальника, который слѣдилъ, напримѣръ, за слѣдующимъ: чтобы если бумага пишется равному ему, то чтобы писали «господину» полностью, а если подчиненному, то чтобы писалось одно «Г.» И въ случаѣ ошибки бумага переписывалась съ должнымъ внушеніемъ написавшему.

Вотъ гдѣ кроется канцелярскій развратъ, а публика негодуетъ на самое учрежденіе! Считаю это все умѣстнымъ говорить теперь, потому что это, относясь ко всѣмъ канцеляріямъ, къ сожалѣнію, подходитъ и къ канцеляріямъ общественныхъ учреждений. Я зналъ ученыхъ и гуманныхъ врачей, высокообразованныхъ, талантливыхъ, душевныхъ архитекторовъ... и они на канцеляриста смотрѣли какъ на низшую породу. Не скоро выводится зло, вѣками накопившееся!

Въ канцеляріяхъ многихъ принято назначать работу и утромъ и вечеромъ. Утромъ работаютъ обыкновенно часовъ шесть, а вечеромъ изволь непременно прійти и просидѣть еще часа два-три. Въ этихъ случаяхъ должны приходиться чиновники и тогда, когда дѣла нѣтъ. Этого требуетъ порядокъ. Сиди... На то и жалованье получаешь. А я, я, начальникъ, могу прійти часами

тремя позже тебя и уйти раньше, просидѣвъ и проболтавъ часа два. А вечеромъ я свободенъ и играю въ винтъ, отдыхая отъ тяжелой работы. Вѣдь все на мнѣ лежитъ.

Восьмичасовой трудъ, хорошій для труда физическаго, никуда не годится для труда умственнаго. Это непосильно. Растягиваясь во времени, трудъ теряетъ свою доброкачественность. Я глубоко убѣжденъ, что пятичасовой трудъ не менѣ производителенъ, чѣмъ 8-часовой. Да, наконецъ, за 25—50 рублей въ мѣсяцъ жестоко, мнѣ кажется, отнять у человѣка всякую возможность жить для себя. А вечерняя работа дѣйствительно со всѣмъ человѣка отрываетъ отъ семьи.

Я бы позволилъ себѣ рекомендовать нашимъ общественнымъ учрежденіямъ пятичасовой трудъ для канцелярій съ послабленіемъ еще, если возможно, лѣтомъ и съ отпусками. Я увѣренъ, что они усерднѣе, добросовѣстнѣе, интенсивнѣе, плодотворнѣе будутъ работать.

Я увѣренъ также, что если вы скажете канцеляріямъ: мы сдѣлали для васъ чтó могли, надѣмся, что и вы, когда у насъ будетъ спѣшная или очень большая работа, на примѣръ, работа бухгалтеріи при составленіи смѣты, отдѣльныхъ отдѣленій канцеляріи въ экстренныхъ случаяхъ, что и вы намъ поможете, временно усиливъ вашъ трудъ — я увѣренъ, что всѣ служащіе съ наслажденіемъ откликнутся на вашъ призывъ.

Заведите такія условія труда и постепенно начнетъ улучшаться составъ служащихъ, пойдутъ такіе, которые теперь съ ужасомъ смотрятъ на канцелярскую службу.

Повѣрьте, тогда не будетъ канцелярщина браннымъ словомъ.

Канцелярія вся, съ ея порядками, подчиняется непосредственно секретарю управы, должность котораго, по закону, иногда соединяется съ должностью городского секретаря въ одномъ лицѣ. Надзоръ за канцеляріей, увольненія и назначенія, это—дѣло головы. Что общій надзоръ за канцеляріей, какъ и за всѣмъ, принадлежитъ головѣ — это понятно, но что онъ назначаетъ и увольняетъ дѣлопроизводителя въ отдѣленіи члена управы или исполнительній комиссіи, т.-е. непосредственно слу-

жащихъ подѣ началомъ члена управы и предсѣдателя комиссіи,—это какъ будто аномалія. Чѣмъ будетъ руководствоваться при назначеніи дѣлопроизводителя не совсѣмъ объективный голова, если онъ не въ ладахъ съ членомъ управы? Всегда ли пользой дѣла? Пожалуй, и не всегда!

XIX.

Бухгалтерія.

Функции городского самоуправления — чисто хозяйственныя. Денежная часть въ хозяйствѣ — главное. Не упустить ни копейки дохода, не израсходовать ни одной копейки лишней — вотъ вся суть финансовой части хозяйства, а когда хозяйство имѣетъ нѣсколько милліоновъ или сотенъ тысячъ или хоть десятковъ тысячъ годового оборота, понятно, какую роль играетъ тотъ органъ самоуправления, который вѣдаетъ эту счетную часть, хотя бы только съ точки зрѣнія сохранности кассы, то-есть правильнаго поступленія доходовъ и правильнаго расходованія денежныхъ суммъ.

Правильно поставленная и хорошо веденная бухгалтерія — залогъ, если не хорошаго хозяйства, то по крайней мѣрѣ правильнаго веденія прихода-расходной части и сохранности городскихъ денегъ. Безъ хорошей бухгалтеріи вѣчное опасеніе за сохранность суммъ, вѣчная неувѣренность въ отсутствіи злоупотребленій.

Первая вещь, за которую надо взяться городскому дѣятелю, это бухгалтерія, и прежде всего необходимость убѣдиться на высотѣ ли она положенія, т.-е. отражаетъ ли она какъ въ зеркалѣ положеніе городского хозяйства.

Надо, чтобы по каждой отрасли доходовъ или расходовъ, въ каждый моментъ можно было видѣть, сколько, на что по смѣтѣ назначено, и какой по этой смѣтѣ расходъ произведенъ со всѣми возможными подраздѣленіями по пунктамъ. Справки бухгалтеріи постоянно нужны для членовъ управы и для всей коллегіи,

чтобы они могли сознательно, будучи въ курсѣ дѣла, производить тѣ или иные расходы, не рискуя вызвать нежелательные противъ смѣты перерасходы. Справки эти должны быть взяты прямо изъ книгъ, гдѣ всѣ отдѣльныя цифры расхода должны постепенно, по мѣрѣ хода дѣла, сами укладываться на свои мѣста такъ, чтобы справку стоило бы только выписать, а не выбирать изъ другого болѣе длиннаго ряда цифръ, а то и изъ различныхъ счетовъ. Такія выборки, хотя и подкрѣпленныя подписями бухгалтера и счетоводовъ, часто бываютъ ошибочными и требуютъ много времени, тогда какъ онѣ требуются немедленно.

Эта разрозненность счетовъ и ихъ многочисленность не должны препятствовать ихъ однообразію. Всѣ они должны постоянно сводиться въ другіе болѣе общіе счета и между собою балансировать. Тогда ошибокъ мѣста не будетъ. Всякій пропускъ самъ окажется немедленно и будетъ исправленъ. Все это требуетъ, конечно, большихъ интеллигентныхъ силъ и соответственныхъ расходовъ, но Боже сохрани ихъ бояться. Нѣтъ производительнѣе расхода. Нѣтъ бѣльшаго источника грѣховъ вольныхъ и невольныхъ, какъ плохая бухгалтерія!

Теперь я позволю себѣ поставить вопросъ, который я считаю очень важнымъ.

Должна ли бухгалтерія быть сознательной или безсознательной? Должна ли она быть лишь зеркаломъ, въ которое каждый приходи и смотришь, или свѣто-чувствительной пластинкой, показывающей изображеніе не только самому смотрящемуся, но всякому другому? Должна ли она спокойно и не волнуясь переаривать все, что ей преподносится, или давать тревожный звонокъ, какъ только замѣчаетъ что-нибудь неладное.

Все сводится къ тому, долженъ ли бухгалтеръ или счетоводъ машинально записывать все, что ему заявляютъ, или относиться къ цифрамъ критически. Въ первомъ случаѣ онъ явится, какъ бы ни были сложны формы отчетности, простымъ конторщикомъ, писцомъ; во второмъ онъ пріобрѣтаетъ гораздо большее значеніе—онъ бухгалтеръ.

Я по многимъ причинамъ стою за второе. Прежде всего, какъ вы хотите, чтобы интеллигентные люди (а неинтеллигентный работникъ и въ чисто формальной бухгалтеріи напутаетъ), относились безучастно къ тому, что кроется подъ цифрами, которыми они манипулируютъ? Это невысказано, онъ непременно реагируетъ, а если вы ему поставите за правило: пиши и не разсуждай, я думаю, онъ самъ убожитъ.

Обыкновенно противъ сознательности бухгалтеріи возстаютъ члены управы, которые находятъ, что если бухгалтеріи дать право разсужденія о тѣхъ цифрахъ, которыя имъ представляются, то бухгалтеръ или членъ управы, завѣдывающій финансовымъ отдѣленіемъ, получить нѣкоторое право контроля надъ другими отраслями хозяйства. «Бухгалтеръ, — говорятъ такіе, — знай, нанизывай свои цифры и не суй носа въ наши дѣла. Вотъ еще что вздумали, какихъ контролеровъ захотѣли!»

Я этого не понимаю: если я въ качествѣ члена управы завѣдую какимъ-нибудь городскимъ дѣломъ, то милости просимъ, приходи и контролируй, кто хочетъ. Не только членъ управы или бухгалтеръ, да рѣшительно кто хочетъ посмотри и напиши о видѣнномъ мнѣ, въ управу, въ газетахъ, или еще гдѣ, я былъ бы очень радъ, если бы кто далъ хорошій совѣтъ или открылъ мнѣ глаза на злоупотребленіе или упущеніе. А пустяки, конечно, нѣсколько бы отняли времени, но такъ бы и остались пустяками.

Отъ интеллигентнаго бухгалтера пустяковъ ожидать нельзя, онъ, вѣроятно, скажетъ дѣло, даже если не придется съ нимъ согласиться.

Теперь контроль принадлежитъ головѣ и ревизіонной комиссіи (я не говорю про контрольное отдѣленіе на подобіе банковскихъ, контроль котораго — чисто формальный). Не всякому головѣ есть время все контролировать, не всякій голова способенъ контролировать. Ревизіонная комиссія самая старательная, самая дѣятельная физически не можетъ все видѣть, ко всему отвестись критически.

Между тѣмъ, всякая цифра проходитъ черезъ бухгалтерію,

притомъ проходить въ разныхъ сочетаніяхъ, въ различныхъ группировкахъ, изъ которыхъ можно вывести то или другое сопоставленіе. Бухгалтеръ, только нарочно закрывая глава, не увидитъ тѣхъ или другихъ упущеній. Естественно ему и сказать управѣ (или головѣ, или члену, или завѣдывающему отдѣльной частью—безразлично): смотрите, у васъ здѣсь-то неладно.

Больше того: я бы вмѣнилъ ему это въ обязанность, а въ случаѣ злоупотребленія кого-либо, я бы притянулъ къ отвѣту и соответствующаго счетовода или бухгалтера, потому что трудно допустить, чтобы отъ нихъ что-либо укрывлось.

Къ сожалѣнію, и тутъ примѣшивается извѣстное чувство неравенства, которое во многихъ сидитъ. «Я хоть и не очень могу разбираться во всемъ этомъ, но я—отецъ города, голова, или членъ управы; пускай меня ревизуютъ другіе отцы города гласные ревизіонной комиссіи, хотя бы они тоже не совсѣмъ могли разобратся въ дѣлахъ. Это я понимаю, но какой-то бухгалтерь-счетоводъ... нѣтъ, воля ваша... на это я несогласенъ. Его дѣло писать, а не разсуждать».

А я, грѣшный человѣкъ, люблю только разсуждающихъ!

Изъ самой задачи бухгалтеріи отвѣчать какъ на отдѣльные вопросы о томъ или другомъ доходѣ или расходѣ, такъ и на общіе вопросы, касающіеся цѣлой серіи доходовъ или расходовъ въ той или иной группировкѣ, вытекаетъ и ея организація. Бухгалтерія должна обнимать всѣ отрасли хозяйства и вмѣстѣ съ тѣмъ быть объединенной. Счетоводъ долженъ быть въ каждомъ отдѣльномъ учрежденіи, въ каждой отдѣльной части, но зависѣть онъ долженъ отъ главной бухгалтеріи, вести счетную свою часть по формамъ главной бухгалтеріи. Бухгалтерія должна быть вездѣ, но должна быть одна.

Вотъ организація очень высоко ставящая какъ лицо главнаго бухгалтера, такъ и всю эту отрасль управленія. Законъ о ней ничего особеннаго не говоритъ, при чемъ на нее распространяется общее правило полнаго подчиненія канцеляріи головѣ. Такъ оно и практикуется, при чемъ лишь лицо главнаго бухгалтера назначается кое-гдѣ не единолично головой, а всей управой.

Само собою разумѣется, что назначенія должны производиться не иначе, какъ по представленіямъ главнаго бухгалтера, отвѣчающаго за все дѣло. Не мѣшало бы тоже, если бы назначеніе и остальныхъ счетоводовъ было предоставлено не головѣ, а всей управской коллегіи.

Поставить бухгалтерію на должную высоту дѣло совсѣмъ не легкое: нужно прежде всего установить надлежащія формы примѣнительно къ весьма разнообразнымъ и другъ на друга не похожимъ въ различныхъ мѣстахъ отраслямъ хозяйствъ; а затѣмъ формъ мало, надо еще добыть достаточный контингентъ интеллигентныхъ работниковъ, знакомыхъ болѣе или менѣе основательно съ бухгалтеріей. И то и другое далеко не такъ легко, какъ кажется.

Организовать такое сложное дѣло можетъ далеко не всякій, даже знающій бухгалтеръ. Нужны не только знаніе, не только интеллигентность—нужна нѣсколько творческая способность. Мнѣ приходилось слышать отъ людей изъ желѣзнодорожнаго міра, какъ трудно разыскать такого бухгалтера-организатора, и какъ они высоко цѣнятся.

Не менѣе мудрена вторая задача: подобрать подходящихъ счетоводовъ. Правда, всѣ города пестрятъ вывѣсками: «бухгалтерскіе курсы», рѣдкое прошеніе не заключаетъ въ себѣ упоминанія, что проситель и теоретически и практически знакомъ съ бухгалтеріей; но что это за бухгалтерія, легко себѣ составить понятіе, познакомившись съ нею на дѣлѣ. Повидимому, большинство этихъ курсовъ (да и курсы-то все больше шестимѣсячные) не даютъ ничего, кромѣ возможности называться бухгалтеромъ.

Часто ни достаточнаго развитія вы не найдете, ни специальныхъ знаній.

Надо при этомъ замѣтить, что бухгалтера для городской управы найти труднѣе, чѣмъ въ банкѣ. Въ банкѣ счетоводъ, которому поручена какая-нибудь книга, можетъ вести ее механически, такъ мало разнообразны записи, которые онъ долженъ дѣлать. Городскіе расходы разнообразны и часто надо подумать,

какъ и куда что отнести. Поэтому, главнаго, какъ думаетъ большинство, качества счетовода—аккуратности мало; надо еще соотвѣтствующее общее развитіе.

Независимо отъ качества расхода, если можно такъ назвать, его производительности и умѣстности, есть еще сумма расхода. Сумма эта всегда точно опредѣлена смѣтой и передержки весьма нежелательны. Поэтому на столѣ всякаго счетовода всегда должна лежать смѣта. Ясность ея и удобство ея составленія и пользованія ею играютъ очень важную роль. Форма, по которой она составляется, утверждена министерствомъ. Къ сожалѣнію, она далеко не удовлетворительна и не позволяетъ группировать различныя отрасли хозяйства, какъ было бы желательно. Составленіе удобной формы, удовлетворяющей потребности различныхъ городовъ, является насущной потребностью.

Однообразіе же нужно для министерства, вѣроятно, въ цѣляхъ статистическихъ, для легкости подведенія итоговъ по различнымъ параграфамъ и статьямъ смѣты.

XX.

Обязательныя постановленія.

Очень важныя обязанности возложены закономъ на думу порученіемъ издавать различныя обязательныя постановленія. Дума, такимъ образомъ, является по нѣкоторымъ вопросамъ мѣстной законодательницей. Да иначе и быть не можетъ. Кромѣ законовъ, распространяющихся на всю страну или отдѣльную область, есть еще въ каждой городской общинѣ свои мѣстные условія, вызывающія тѣ или другія мѣстные правила.

Кому, какъ ни думѣ, лучше знать эти условія и, зная ихъ, выработать постановленія обязательныя для всѣхъ жителей даннаго города. Эти постановленія могутъ обнимать собою всякія отрасли городского благоустройства: санитарная часть, строительная, ветеринарная, наружное благоустройство — все входитъ въ компетенцію думы, все, что не можетъ быть предусмотрено

внѣшнимъ закономъ. Такъ какъ ко всему этому мнѣ придется возвратиться, то я здѣсь ограничусь вопросами: какъ обязательныя думскія постановленія проходятъ въ жизнь? Какая связь между словомъ и дѣломъ? Стоитъ ли только издать правила и они уже сами непременно войдутъ въ жизнь или, наоборотъ, что ни пиши, а жизнь идетъ сама по себѣ? И если это такъ, то почему?

Врядъ ли требуетъ доказательствъ положеніе, что чѣмъ культурнѣе жизнь, чѣмъ выше предъявляемыя къ населенію требованія, тѣмъ больше стѣсненій для обывателей, тѣмъ больше регламентирована его жизнь. И другое положеніе, что чѣмъ обыватель культурнѣе, тѣмъ легче онъ подчиняется всякаго рода законамъ и постановленіямъ, которые, въ сущности, для него же и сдѣланы.

Если населеніе понимаетъ требованія гигиены, то оно само будетъ воздерживаться отъ всего вреднаго для здоровья. Напримеръ, плеванье на полъ. Вѣдь даже если бы къ каждому жителю поставили по городовому, то безъ сознанія вреда плеванья или сами городовые начнутъ плевать, или, въ крайнемъ случаѣ, обыватель будетъ пользоваться каждой секундой, когда городской отвернется, чтобы плюнуть. Теперь вообразите, что населеніе уже доросло до пониманія вреда плеванія. Да вамъ нельзя будетъ плюнуть, помимо вашего собственнаго обращенія къ этому, потому что любой прохожій васъ остановитъ. Плеваніе на улицахъ прекратится, когда само населеніе будетъ считать это дурнымъ и неприличнымъ.

Посмотрите, какимъ стѣсненіямъ себя подвергаетъ культурное населеніе. За границей на курортахъ не позволено въ городѣ выбивать мебели. Изволь съ коврами ѣхать за городъ въ указанные мѣста и тамъ выбивать ихъ. И вотъ тянутся туда ряды ручныхъ и конныхъ повозокъ съ горничными и коврами и мягкой мебелью.

А у насъ часто (горе вамъ жить подъ балкономъ верхнихъ жильцовъ): или на васъ потечетъ неловко вылитая и непопавшая на улицу струя подозрительной жидкости, или вдругъ васъ

обдасть облако пыли отъ выбиваемыхъ ковровъ. А замѣтишь выбивающимъ, что, молъ, такъ нехорошо, получишь отвѣтъ: «А куда-жъ намъ съ коврами дѣваться? внизъ, что-ль, тащиться съ ними? ихъ не мало!»

Ясно, что на общество распространяется правило, примѣнимое къ частному лицу, что чѣмъ оно лучше живетъ, здоровѣе, умнѣе, чѣмъ оно культурнѣе — тѣмъ должно больше себя стѣснять, пока это стѣсненіе не войдетъ въ привычку. вмѣстѣ съ тѣмъ, стѣснять себя можетъ общество, опять-таки такъ же, какъ и частное лицо, только сознавъ, что это полезно для него же самого. Издавать же для некультурнаго общества стѣснительные законы все равно, что терять время, еще хуже, потому что писать постановленія, которыя не исполняются, значить, приучать населеніе къ неуваженію къ закону.

А мораль всего этого та же, которую мнѣ пришлось столько разъ повторять, когда говорилъ о деревнѣ: намъ нужно учиться, учиться, учиться... Да не такъ только учиться, чтобы имѣть дипломы высшаго, средняго и низшаго образованія... Нѣтъ, дипломы у насъ все болѣе и болѣе теряютъ значеніе, все меньше и меньше соотвѣтствуя истинному знанію обладателей этихъ дипломовъ. Намъ надо учиться, читая, что дѣлается у людей, и какъ дѣлается, не боясь перенять у Европы и въ духовной и въ экономической жизни ея все, въ чемъ она такъ быстро и неудержимо стремится за послѣднее время впередъ!

Въ особенности хорошо бываетъ не тогда, когда населеніе идетъ за обязательнымъ постановленіемъ, а когда обязательное постановленіе является результатомъ народнаго сознанія, что такой порядокъ лучше.

Возьмите людный перекрестокъ у насъ, на Невскомъ, или въ Берлинѣ на Фридрихштрассе, гдѣ движеніе не меньше, чѣмъ на Невскомъ, и посмотрите разницу. У насъ не менѣе четырехъ полицейскихъ на перекресткѣ и притомъ каждому изъ нихъ дѣло есть. Рѣдкому извозчику или кучеру не придется сказать что-нибудь, самъ онъ не сдѣлаетъ, какъ слѣдуетъ. Въ Берлинѣ одинъ шутцманъ, и тотъ стоитъ, какъ статуя и

молчить: всякій самъ знаетъ, какъ ему ѣхать. Очевидно, у насъ жизнь идетъ за обязательнымъ постановленіемъ, поддержаннымъ полиціей, страхомъ наказанія: въ Берлинѣ обязательное постановленіе вытекаетъ изъ жизни. Полиція тамъ для какого-нибудь нахала, могущаго нарушить общій порядокъ, а не для публики.

Культура нужна, чтобы всѣ мелочи жизни сообразовались съ пользою и закономъ, но есть требованія закона, которыя могутъ и должны быть исполнены, хотя бы вопреки не только сознанію, но даже и доброй волѣ населенія. Есть такія упущенія городского благоустройства, которыя на многіе годы не дадутъ городу войти въ правильную колею и которыя будутъ отзываться на слѣдующихъ поколѣніяхъ. За такими нарушеніями обыкновенно и слѣдить возможно даже при противодѣйствіи населенія.

Таковы нарушенія строительнаго устава. Вообразите домъ, а то и цѣлый рядъ домовъ, построенныхъ не по плану, безъ соблюденія установленныхъ правилъ. Вѣдь ихъ такъ легко не снесешь, и на долгіе годы улица останется обезображенной.

Дума, стоящая на высотѣ положенія, разберется въ этихъ жизненныхъ требованіяхъ и пойметъ, чего можно, чего нельзя требовать отъ населенія. Конечно, еще вреднѣе будетъ для города, чѣмъ излишняя регламентація, если дума, сама не сознавая пользы города, вздумаетъ мирволить населенію, считая за стѣсненіе населенія его распущенность. Такія думы не только въ данную минуту тормазятъ городское благоустройство, но и на будущее время готовятъ своему городу неудобства, которыя гораздо труднѣе будетъ вывести, чѣмъ теперь не допускать. Это случается — или если дума сама малокультурна, или если гласные гонятся за дешевой, ничего не стоящей популярностью минуты.

У насъ, къ сожалѣнію, очень часто еще мало бываетъ и написать хотя бы самое разумное, самое легко исполнимое постановленіе. Провести его въ жизнь, заставить населеніе его исполнить, даже если оно само не сознаетъ еще его пользы — не такъ-то легко. Происходитъ это, главнымъ образомъ, отъ пол-

наго отсутствія у городскихъ служащихъ полицейскихъ правъ и, съ другой стороны, отъ полнаго неподчиненія полиціи городскому самоуправленію.

Дѣйствительно, что остается дѣлать городскому агенту, если онъ замѣчаетъ неисполненіе закона или обязательнаго постановленія? Обратиться къ полиціи? Ну, а если полиція не приметъ мѣръ къ прекращенію непорядковъ? Жаловаться губернатору? ¹⁾

И земства и города, если могутъ отъ полиціи чего-либо добиться, то только сохраняя съ нею хорошія отношенія. Это я утверждаю, что бы ни говорили теоретики.

Трудно надѣяться, что мы скоро получимъ улучшение этого положенія.

Полиція, по своему существу, есть органъ правительственно-общественный въ виду двойственности ея задачи: съ одной стороны — преслѣдовать цѣли исключительно государственныя, съ другой — служить проводникомъ между населеніемъ и самоуправленіемъ, заботясь объ исполненіи требованій города.

Въ тѣхъ странахъ, гдѣ общество поглощено государствомъ, естественно, что полиція, считая своею прямою обязанностью только исполнять волю администраціи, пренебрегаетъ требованіями самоуправления. Наоборотъ, тамъ, гдѣ идея общества не поглощается идеею государства, тамъ только голосъ общества считается важнымъ и для полиціи. Соотвѣтственно съ этимъ и полиція иногда всецѣло подчиняется администраціи, иногда же является лишь органомъ самоуправления.

Кое-гдѣ за границей были попытки раздѣлить эти двѣ функціи полиціи и учредить двѣ полиціи, правительственную и муниципальную, но такое раздѣленіе ея функцій, такая раздвоенность дорого стоитъ, а потому въ жизнь проникнуть не можетъ. Нѣкоторыя функціи полицейскія иногда слагаются съ общей полиціи, и учреждаются особые полицейско-муниципальные органы. Такова полиція нравовъ, имѣющая цѣлью преслѣдовать тайную проституцію. Но она окончательно доказала свою несостоятель-

¹⁾ Но всѣ, ставшіе на этотъ скользкій путь, знаютъ какъ трудно добиться чего-либо путемъ жалобъ.

ность. Правовъ, оказывается, никакими полиціями ни государственнымнми, ни муниципальными не исправишь. Видно, нужно еще кое-что.

Чѣмъ выше само общество, тѣмъ громче даетъ себя слышать его голосъ, тѣмъ нормальнѣе отношенія къ нему полиціи.

Чего у насъ положительно въ большихъ городахъ не хватаетъ, это—судей. Они непомерно завалены работой. И въ ихъ отношеніяхъ къ дѣламъ городского самоуправления замѣчается разница, смотря по тому, какая связь установлена закономъ между ними и городами. Гдѣ судьи выборные, естественно, что въ судьи попадаютъ чаще люди съ общественною жилкою. Такіе будутъ дружнѣе стремиться вмѣстѣ съ дѣятелями самоуправления къ достиженію общей цѣли улучшенія городского благоустройства.

Наоборотъ, тамъ, гдѣ между судомъ и обществомъ связи никакой нѣтъ, кромѣ той, что одинъ судить, а другой судится, тамъ нельзя и ожидать отъ судей, чтобы они особенно ретиво относились къ городскимъ дѣламъ.

А насколько важно для города отношеніе суда, извѣстно всякому, кому приходилось видѣть какъ накаплиются протоколы о разныхъ нарушеніяхъ санитарныхъ и строительныхъ и лежатъ чуть не по цѣлымъ годамъ безъ движенія. Если уже никакъ увеличеніемъ числа судей нельзя добиться скорого правосудія для всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, желательно бы было, чтобы городскія дѣла, въ виду важности ихъ общественнаго значенія, были выдѣлены изъ числа остальныхъ и разбирались бы не по очереди, а по мѣрѣ поступления протоколовъ. Думаю, что такое исключеніе для общественнаго дѣла не можетъ показаться обиднымъ обывателю.

XXI.

Пенсіи.

Всякій знаетъ, какъ, несмотря на сравнительно небольшое жалованье, многіе стремятся быть непремѣнно на государственной службѣ. Единственно чванствомъ и желаніемъ получать чины и ордена такого стремленія, конечно, объяснить нельзя. И если вы спросите чиновника, почему онъ держится такъ цѣпко за свое мѣсто, то отвѣтъ вы получите такой: мѣсто прочнѣе другого, да и старость, какъ-никакъ, обеспечена. Служить онъ тридцать лѣтъ, ежедневно смѣняя бумагу на бумагу, все «предлагая» и «донося», часто и не отъ своего имени, а отъ имени болѣе счастливаго или привилегированнаго начальства. И все это, чтобы получить ничтожную пенсію подъ старость.

Въ частной службѣ этого нѣтъ. Прослужить двадцать и болѣе лѣтъ на одномъ мѣстѣ или у одного хозяина—удѣлъ весьма немногихъ. А сколько мѣстъ ни мѣняй, сколько ни служи, подъ старость пойдешь съ рукой, если не успѣешь за свою жизнь сдѣлать экономіи. А часто ли дѣлается экономія, знаетъ всякій служащій. Гораздо легче сидѣть въ неоплатномъ долгу.

Нечего объяснять, конечно, какъ важно для учрежденій имѣть прочныхъ служащихъ. Съ одной стороны—если человѣкъ долго служить, то это уже есть нѣкоторая гарантія его добропорядочности и трудоспособности; съ другой стороны—и служащій, видя, что имъ дорожатъ и что мѣсто прочное, считаетъ своимъ долгомъ лучше и добросовѣстнѣе служить.

Земства и города давно стараются удерживать служащихъ на мѣстахъ и изобрѣтаютъ для старо-служащихъ разныя привилегіи. Въ рѣдкомъ самоуправленіи не введены прибавки къ жалованью за пятилѣтія или десятилѣтія. Кое-гдѣ это распространяется только на отдѣльные роды службы, которыми больше дорожатъ, на примѣръ, на однихъ учителей; кое-гдѣ на всѣхъ служащихъ самоуправленій. Прибавки бываютъ различны. Иногда

онѣ выражаются опредѣленной цифрой, иногда выдается извѣстный процентъ жалованья. Эти прибавки, несомнѣнно, полезны, потому что служатъ приманкою для поступленія на общественную службу. Но есть у нихъ и невыгоды.

Имѣя стремленіе постоянно возрастать, сумма прибавокъ тамъ, гдѣ она давно заведена, доходитъ до довольно большой цифры, которая, впрочемъ, всегда неопредѣленна. Никогда, заранее не подсчитавъ, нельзя сказать, насколько на слѣдующій годъ придется увеличить эту сумму. Это расходъ постоянно возрастающій, скачками.

Обыкновенно пятилѣтки или десятилѣтки даются за пять или десять лѣтъ непрерывной службы. Естественно, что если человѣкъ, прослуживъ городу три года, ушелъ на время, можетъ быть на другое мѣсто, гдѣ ему больше дали, а затѣмъ опять возвращается на старое мѣсто, то онъ на прибавку право свое теряетъ.

Изъ этого выходитъ, на примѣръ, вотъ что. Служащій высшій, грамотный ревниво относится къ своему праву получать прибавки и всячески старается не потерять его. Даже если онъ и ищетъ новаго мѣста, то онъ начинаетъ съ того, что возьметъ продолжительный отпускъ, подастъ заявленіе о болѣзни, и только убѣдившись, что ему хорошо остаться на новомъ мѣстѣ, порветъ связь со службой городу.

Другое дѣло рабочіе. Неграмотные, всегда забывающіе свои права, они и въ умѣ не держатъ своего права на получение какихъ-то добавочныхъ. Поэтому, заболѣлъ ли рабочій, написалъ ли ему отецъ, чтобы онъ возвращался домой, хотя бы на похороны матери, онъ первымъ долгомъ не отпускъ беретъ, а увольняется, тѣмъ самымъ теряя свое право на добавочную выдачу, даже если бы по выздоровленіи или минованіи надобности вернулся къ мѣсту прежняго служенія и былъ принятъ обратно на службу.

Но главный недостатокъ этихъ прибавочныхъ тотъ, что онѣ вовсе не обезпечиваютъ старости: хоть тридцать лѣтъ прослужи городу, а ушедши, не сохранишь ни жалованья, ни прибавочныхъ.

Поэтому постоянно обращаются къ думскимъ и земскимъ собраніямъ съ ходатайствомъ о пособіяхъ и пенсіяхъ. Тутъ-то и совершается иногда великое беззаконіе. Пріятель, угоденъ былъ служащій гласнымъ, иногда даже не только не по долгу службы, а и во вредъ ей: имѣеть онъ сильную поддержку въ лицѣ вліятельнаго гласнаго—вотъ и обезпечена крупная пенсія, часто превышающая его заслуги.

Съ другой стороны, если служащій не заслужилъ популярности среди гласныхъ или группы гласныхъ, иногда даже потому, что не позволялъ себѣ дѣлать для нихъ исключеній изъ общаго закона, или если онъ поддержки не имѣеть, или если недоброжелатель какой-нибудь распространилъ про него слухъ, что онъ богатъ, даетъ деньги въ ростъ, или что-нибудь подобное, то не видать старику, часто больному и многосемейному, пенсіи, какъ ушей своихъ. Такія несправедливости часто бывають глубоко возмутительны. Ежегодный расходъ городовъ на пенсіи бываетъ еще болѣе непостояненъ, чѣмъ расходъ на добавочное содержаніе. Случайно мягкосердечный составъ гласныхъ, рядъ хорошихъ, въ смыслѣ бюджета, дѣтъ и вотъ сумма пенсій растетъ непомѣрно.

Эта неопредѣленность, неизвѣстность, въ которой каждый служащій находится, получить онъ пенсію или нѣтъ, умирать ему съ дѣтьми съ голоду или кое-какъ дотянуть до положеннаго ему конца, удручающе дѣйствуетъ на служащихъ. Нехорошо она дѣйствуетъ и на составъ служащихъ. Что дѣлать управѣ, если она видитъ, что служащій по болѣзни или по старости не годится, или хотя бы не по старости, а потому, что всегда былъ плохъ, но его кое-какъ терпѣли, теперь же усложнившіяся обстоятельства требуютъ улучшенія состава? Уволить, рассчитывая на милость думы? А если этой милости не будетъ, и старику грозить улица? Поневолѣ приходится стовариваться, а то и завѣдомо неподходящему человѣку давать сидѣть на мѣстѣ до смерти.

А когда старикъ умираетъ, его семья все же остается нищею, потому что рѣдко когда общественное самоуправленіе даетъ пен-

си вдовамъ и дѣтямъ. Тутъ случай и личныя отношенія играютъ еще большую роль.

Все это давно сознается и земствомъ и городскими дѣятелями. Поэтому о пенсіонныхъ уставахъ говорятъ постоянно, но въ дѣйствиі мы видимъ очень мало таковыхъ. Дѣло въ томъ, что составлять пенсіонный уставъ или уставъ эмеритальной кассы брались всевозможные общественные дѣятели и чиновники, думая, что это имъ по плечу.

Пенсіонныя кассы составлялись такъ: соображали, какую часть содержанія желательно оставить человѣку, прослужившему 20 лѣтъ? 25 лѣтъ? 30 лѣтъ? Такую и писали. Затѣмъ соображали, сколько приблизительно это составить въ годъ. И если сумма выходила болѣе или менѣе подходящею—считали уставъ готовымъ. Ну, а тамъ, говорили себѣ, конечно, хозяйство растеть, растеть и число служащихъ, будетъ увеличиваться соразмѣрно и сумма пенсій. Но наши нормы хороши! Большинство этихъ проектовъ остались проектами, въ жизнь не вошли. Такъ тянулась обычная безмятежная выдача пенсій. Но это еще лучшій случай. Въ тѣхъ же учрежденіяхъ, какъ общественныхъ, такъ и казенныхъ, гдѣ пенсіонныя кассы были введены, онѣ или лопались, или наканунѣ несостоятельности. Это несчастіе еще хуже, чѣмъ отсутствіе кассы. Сидѣлъ, рассчитывалъ старикъ на пенсію; вдругъ нѣтъ ея. Лучше ужъ и не рассчитывать ни на что.

Горе въ томъ, что своими средствами хотѣли обходиться тамъ, гдѣ нужна наука, и наука мудреная, да еще подкрѣпленная опытомъ. Только послѣднее время пошли по вѣрному пути. Учрежденіе, желающее ввести обезпеченіе старости своихъ служащихъ, должно (это главное!) обратиться къ специалисту. Такіе есть среди математиковъ и профессоровъ. Деньги, притомъ пустыя, жалѣтъ на это нечего. Дѣло важное и устраиваемое навсегда. Дорого стоило, когда жалѣли гроши на науку. Видно безъ нея не такъ-то легко обойтись. А здѣсь безъ науки ни шагу ступить нельзя.

Специалистъ вамъ скажетъ, что нельзя цифры выдумывать, надо брать тѣ, которыя даетъ расчетъ; скажетъ вамъ тоже, что

прочна бываетъ пенсіонная касса только страхового типа. Дѣло вотъ въ чемъ. Каждому служащему съ момента его поступленія на службу открывается отдѣльный счетъ. У него образуется капиталъ: 1) изъ вычетовъ изъ его содержанія, 2) изъ соотвѣтствующихъ ассигнованій суммъ общественныхъ, 3) изъ процентовъ тѣхъ и другихъ.

Капиталъ составляется не только для него, но и для его жены и для дѣтей. Все это составляется изъ немногихъ рублей, а то и изъ копеекъ, но современемъ призвано сослужить важную службу.

Затѣмъ думой опредѣляется, какъ эти деньги должны выдаваться служащему при выходѣ его въ отставку. Можно положить, на примѣръ, такъ: первыя пять лѣтъ его службы и городскія ассигнованія, и его вычеты для него пропадаютъ; вторыя пять лѣтъ онъ при выходѣ одновременно получаетъ обратно свои взносы съ процентами. Третье пятилѣтіе онъ получаетъ одновременно при выходѣ въ отставку какъ свои взносы, такъ и городскія ассигнованія; и тѣ и другія съ процентами. А дальше онъ уже получаетъ пенсію.

Это примѣрныя цифры, которыя могутъ быть произвольно измѣнены. Я хотѣлъ только показать, какъ это дѣлается.

Можетъ быть принято во вниманіе не только число лѣтъ службы человѣка, но и его возрастъ. Если онъ выходитъ въ отставку молодымъ, то пенсія ему назначается меньшая, чѣмъ старику, такъ какъ у него бѣльшая вѣроятность долго жить. Все это точно разработано, такъ что ошибка мало вѣроятна, и крахомъ не грозитъ.

Человѣку, прослужившему 15—25 лѣтъ, пенсія возрастаетъ медленно, и въ общемъ невелика; но чѣмъ дальше, тѣмъ скорѣе она растетъ, и къ 30—35 годамъ равняется съ жалованьемъ.

Громадное значеніе имѣетъ обезпеченіе жены и дѣтей, возрастающее съ числомъ дѣтей, съ возрастомъ, вообще съ потребностями. Это начало высокогуманное, и нельзя не порадоваться, что оно принято наукой и практикой.

Все это выводится специалистомъ очень точно на основаніи

уже выработанныхъ таблицъ и особыхъ каждый разъ вычислений, основанныхъ на статистическихъ данныхъ о числѣ, возрастѣ, содержаніи и семейномъ положеніи служащихъ.

Эти же вычисления и опредѣляютъ жертву города или земства на этотъ предметъ. Эта жертва, т.-е. ежегодно отчисляемая въ пенсіонный капиталъ сумма, обыкновенно выражается въ процентахъ ежегоднаго содержанія всѣхъ служащихъ, сумма весьма опредѣленная и никакихъ неожиданностей не предвѣщающая. По мѣрѣ роста жалованья растетъ и ассигнованіе въ пенсіонный капиталъ.

Довольно затруднительно разрѣшеніе вопроса о включеніи старо-служащихъ, т.-е. тѣхъ, кто уже служить при введеніи устава. Ясно, что ихъ капиталъ долженъ образоваться изъ одновременныхъ взносовъ ихъ за всѣ года службы съ процентами и изъ соотвѣтствующаго ассигнованія городскихъ суммъ. Такой взносъ для служащихъ невозможенъ, для города тяжелъ. Приходится или устанавливать какой-нибудь компромиссъ, или оставаться при прежней системѣ.

Пенсіи страхового типа меньше, чѣмъ при старомъ порядкѣ, и часто не удовлетворяютъ служащихъ; но послѣдніе должны помнить, что эта касса лопнуть не можетъ, и что лучше быть обеспеченнымъ хотя меньше, но вѣрно и не на бумагѣ только. А главное, какъ пріятно знать, что это мое, и что это мое не зависитъ отъ произвола кого бы то ни было.

Нѣтъ сомнѣнія, что составъ служащихъ улучшится съ введеніемъ пенсіонныхъ уставовъ, какъ вслѣдствіе того, что сами они почувствуютъ себя крѣпче, такъ и потому, что у управы будутъ болѣе развязаны руки.

Къ сожалѣнію, можно по пальцамъ перечесть земства, которыя ввели такой уставъ, а два-три города только разрабатываютъ его. Медленно все идетъ у насъ. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше будетъ, если всѣ придутъ къ этому убѣжденію. А доступны эти уставы и маленькимъ городамъ и земствамъ, лишь бы они обратились къ наукѣ.

XXII.

Печатный органъ.

Пять-шесть самыхъ большихъ нашихъ городскихъ самоуправленій издають въ видѣ журналовъ думскія извѣстія. Выходятъ эти періодическія изданія или ежемѣсячно, или по мѣрѣ накопленія матеріала, и содержатъ какъ оффиціальную, такъ и неоффиціальную часть. Оффиціальная часть заключаетъ всякія назначенія, распоряженія и отчеты разныхъ органовъ самоуправления, обязательныя постановленія и т. под. Въ неоффиціальной же части помѣщаются статьи, очерки и проекты, касающіеся того города, гдѣ журналъ издають.

Болѣе или менѣе съ ходомъ дѣла въ этихъ городахъ эти изданія знакомятъ.

Въ другихъ городахъ издаются ничтожные листки объявленій, а то и газеты, выходящія разъ или два въ недѣлю—«Вѣдомости такой-то думы». Кромѣ оффиціальной части и сухихъ протоколовъ засѣданій думы, а иногда и комиссій, въ нихъ, насколько я знаю, читатель не найдетъ ничего; даже понятія о положеніи городского хозяйства онъ себѣ не составитъ.

Положеніе земскихъ періодическихъ изданій болѣе или менѣе такое же. Сколько разъ хлопотали земства объ изданіи общеземскаго органа, сколько мечтали о такомъ изданіи и при Вольно-Экономическомъ Обществѣ! Къ сожалѣнію, мечтамъ этимъ перейти въ дѣйствительность не было суждено. Былъ проектъ замѣнъ этого издавать земскій (?) органъ при хозяйственномъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, но и этому не суждено было увидѣть свѣтъ. Объ изданіи обще-городского органа я что-то и не слыхалъ. Думаю, что это происходитъ отъ сравнительной отсталости городовъ въ сравненіи съ земствами, а не оттого, что обще-городской органъ менѣе нуженъ, чѣмъ общеземскій. Думаю даже, наоборотъ, что именно отсталость-то на-

шихъ городовъ и дѣлаеть городской органъ болѣе нужнымъ, чѣмъ земскій.

Нужно ли доказывать пользу и того и другого? Вѣдь положеніе теперь въ высшей степени критическое. Каждый день въ практикѣ управъ встрѣчаются такіе вопросы, по которымъ невольно и хочется и надо узнать: а какъ въ другихъ городахъ или земствахъ это дѣлается? Иногда, и то, конечно, въ самыхъ важныхъ случаяхъ, членъ управы пишетъ въ одну или двѣ управы письма, и просить ихъ отвѣтить, какъ дѣло дѣлается у нихъ. Обращается онъ, конечно, къ тѣмъ управамъ, которыя стоятъ болѣе или менѣе въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и его собственная, и которыя поэтому могутъ дать нужное свѣдѣніе. Не писать же циркулярно по всѣмъ городамъ Россіи.

Иногда отъ нѣкоторыхъ любознательныхъ управъ получаютъ такіе же вопросы. Но по тому, какъ иногда затруднительно, а то и просто некогда отвѣчать на нихъ, понимаешь, что и другимъ не слѣдуетъ надоѣдать часто.

Трудно себѣ представить, какія благотворныя послѣдствія могла бы имѣть возможность знать, что дѣлается не въ двухъ управахъ, а во всѣхъ; и притомъ, не по одному особо важному вопросу, а по каждому представившемуся сомнѣнію. Получить же это можно путемъ особаго печатнаго органа. Теперь мы волей-неволей должны передѣлывать массу ошибокъ, уже сдѣланныхъ другими единственно потому, что опытъ однихъ не служить на пользу другимъ.

Нѣкоторую пользу въ отношеніи ознакомленія земствъ и городовъ съ дѣятельностью сосѣдей приносить общая пресса; но рассчитывать на нее нельзя уже потому, что всего не перечитаешь.

Какъ-никакъ, спеціальнѣйшій органъ нуженъ; и меня удивляетъ, что не появляется частное изданіе, посвященное разработкѣ чисто хозяйственныхъ земскихъ и городскихъ вопросовъ. Существуютъ органы прессы по всевозможнымъ отраслямъ знаній искусствъ, техники, практической жизни. Только нѣтъ органа у той отрасли человѣческой жизни, которая наиболѣе въ

этомъ нуждается и которая принесла бы наибольшую пользу. Нѣтъ человѣка на Руси, на которомъ бы не отразилось хорошее или дурное веденіе хозяйства мѣстнаго самоуправленія.

Тѣ причины, которыя моглиза тормазить изданіе земскаго органа присутственнымъ мѣстамъ или оффиціальнымъ обществамъ, очевидно, не имѣли бы мѣста въ отношеніи къ частному изданію, которое такъ же легко можетъ быть закрыто, какъ и открыто, въ случаѣ если бы не удовлетворяло цензурнымъ условіямъ. Думаю, что такой спеціальнй земско-городской органъ положительно имѣлъ бы средства существовать. Вѣдь нельзя предположить, чтобы нашлось хоть бы одно самое захолустное земство или самый малокультурный городъ, который бы не подписался на журналъ, посвященный хозяйству самоуправленій. Если бы предсѣдатели и члены управы не поняли пользы такого журнала, то вѣдь найдется же въ управѣ хоть грамотный человѣкъ, секретарь или бухгалтеръ, который скажетъ имъ, что выписать такое изданіе полезно для нихъ же.

Да и кромѣ управъ, земскихъ и городскихъ, неужели среди гласныхъ да, наконецъ, и среди обывателей не нашлось бы достаточнаго контингента читателей. Вѣдь живутъ же спеціальныя органы — не буду говорить про охоту и спортъ, которые считаются благородными занятіями—ну, хоть для собирателей почтовыхъ марокъ. Неужели городское хозяйство менѣе интересно, нежели коллекціонированіе почтовыхъ знаковъ?

Не можетъ быть никакого опасенія для издателя и со стороны матеріала. Къ земствамъ и городамъ какъ-никакъ тяготеетъ цвѣтъ нашей интеллигенціи, и даже если всевозможныя причины не позволяютъ часто интеллигенціи служить самоуправленіямъ непосредственно, то все-таки управа городская, а въ особенности земская несомнѣнно является первымъ домомъ, куда обращается волею судебъ заброшенный въ захолустный городъ какой-нибудь Вятской губерніи интеллигентъ. И если даже онъ двери этого дома находитъ закрытыми, то вѣдь открываются же онѣ для него, когда онъ въ числѣ публики заходитъ послушать несложные и некраспорѣчивые дебаты собранія.

Да, наконецъ, если интеллигенту часто недоступна работа въ самоуправленіяхъ, то вѣдь изъ разряда обывателей онъ не такъ уже часто изъемлетъ. А обывателю, хотя бы и непостоянному, свойственно интересоваться обывательскимъ дѣломъ. А дѣло самоуправленій есть дѣло обывательское.

Да и написать интеллигентъ можетъ, и послать въ редакцію написанное также можетъ. И сдѣлаетъ онъ это дешево, такъ какъ интеллигенты въ смыслѣ матеріальныхъ удобствъ вообще люди не избалованные...

И вотъ вамъ готова богатая хроника всѣхъ самыхъ дикихъ уголковъ Россіи! Редакторъ, знай, выбирай себѣ, что имѣетъ общественный интересъ или чисто практическое примѣненіе.

Что же касается спеціальностей, то и тутъ бояться не слѣдуетъ недостатка хорошаго матеріала. Всякій, дѣлающій что-либо серьезное, чувствуетъ потребность подѣлиться своимъ опытомъ съ другими. Поэтому, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что хозяйственные вопросы будутъ постоянно привлекать лучшихъ и серьезнѣйшихъ работниковъ-спеціалистовъ къ помѣщенію въ газетѣ своихъ наблюденій и совѣтовъ.

Это для меня такъ очевидно, что отсутствіе такого органа меня всегда удивляло.

Но есть еще изданіе, которое въ высшей степени необходимо для дѣятелей самоуправления и о которомъ удивительно поздно заговорили. Это — энциклопедія муниципальнаго хозяйства. Последнее время вышло много энциклопедическихъ словарей общаго содержанія и, кромѣ того, издаются различныя энциклопедіи по спеціальностямъ. Зародилась недавно мысль и объ энциклопедіи земскаго хозяйства. Дѣло опять чѣмъ-то затормазилось. Нечего и говорить, что энциклопедія эта, если она будетъ только земская, будетъ односторонняя. Вѣдь земское и городское хозяйства родные братья, имѣющіе много сходства между собой. Главное сходство ихъ — что правильно веденное хозяйство и земское, и городское должно быть основано на одномъ основномъ принципѣ общественности съ ея спутниками.

И вотъ если бы вышла земская энциклопедія вслѣдствіе

большей подвижности и любознательности земцевъ въ сравненіи съ городскими дѣятелями (вотъ есть же слово «земець», а вѣдь слова «городецъ» нѣтъ), то, очевидно, черезъ нѣкоторое время потребовалась бы другая, городская энциклопедія, съ частыми повтореніями того, что уже попало въ первую. Очевидно, должна быть одна общая для деревни и города энциклопедія, которая бы служила настольной книгой для каждаго человѣка, такъ или иначе причастнаго къ тому или другому дѣлу. Вѣдь каждому изъ насъ на каждомъ шагу требуется то та, то другая справка. И какъ досадно не имѣть подъ рукой справочной книги.

Въ эту энциклопедію вошло бы все, такъ или иначе касающееся хозяйства. Тутъ была бы и юридическая часть, въ которой не легко распутаться вслѣдствіе расположенія изданій въ порядкѣ статей закона, тутъ были бы отвѣты и на вопросы по всевозможнымъ спеціальностямъ: педагогикѣ, медицинѣ, техникѣ; здѣсь бы мы могли узнать, какъ что дѣлается или было сдѣлано въ другихъ мѣстахъ; здѣсь бы нашли себѣ мѣсто безпристрастной оцѣнки дѣятеля, такъ или иначе соприкасавшіеся или соприкасающіеся къ общественнымъ вопросамъ.

Жизнь усложняется со страшной быстротой, человѣку надо или, если онъ посвятилъ себя одной узкой спеціальности, все болѣе и болѣе спеціализироваться, доходя до изученія крайнихъ мелочей по своей спеціальности, или, наоборотъ, имѣть очень широкій кругозоръ по всѣмъ вопросамъ усложнившейся жизни. Возьмемъ гласнаго думы. Какъ будто — область чисто хозяйственная, не нуждающаяся въ общемъ гуманитарно-философскомъ образованіи. Но сколько знаній нужно хорошему гласному, если онъ сознательно хочетъ распутываться во всѣхъ вопросахъ, передаваемыхъ на рѣшеніе думы. Неужели онъ можетъ обойтись безъ настольной энциклопедіи, какъ бы ни было разносторонне его знаніе и широкъ его опытъ.

XXIII.

Губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе.

Губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе для губерній неземскихъ въ земскихъ является присутствіемъ по городскимъ и земскимъ дѣламъ. Хотя въ послѣднемъ случаѣ число выборныхъ общественными учрежденіями членовъ присутствія нѣсколько больше, но это мало вліяетъ на ходъ дѣла. Большинство всегда обезпечено администраціи.

Власть губернатора въ присутствіи очень велика. Независимо отъ того, что ему принадлежитъ всецѣло право передавать то или другое постановленіе общественнаго собранія въ присутствіе для отмѣны, онъ, въ качествѣ предсѣдателя, всегда, даже невольно, вліяетъ на рѣшеніе. Авторитетъ губернатора рѣдко, даже изъ чисто политическихъ соображеній, не вліяетъ на членовъ присутствія изъ чиновъ различныхъ вѣдомствъ. А вице-губернаторъ и совѣтникъ присутствія въ земскихъ губерніяхъ являются членами, прямо ему подчиненными.

Дѣла, подлежація вѣдѣнію губернскаго присутствія, довольно различны. Оно непременно утверждаетъ нѣкоторыя постановленія думы, какъ, на примѣръ, смѣту, разсматриваетъ протесты губернатора, жалобы частныхъ лицъ на постановленія собранія и разбираетъ дѣла о должностныхъ лицахъ самоуправленія.

Губернское присутствіе должно быть стражемъ законности, что видно уже изъ присутствія юридическаго элемента иногда въ лицѣ одного прокурора, а иногда въ лицѣ прокурора и предсѣдателя суда. Предполагается, что губернаторъ можетъ увлекаться своей ролью, и сдерживающей силой является присутствіе. Эту роль присутствіе очень часто не выполняетъ.

Можно указать многія рѣшенія, прямо незаконныя и при томъ различныя въ разныхъ присутствіяхъ по одному и тому же дѣлу.

Такъ, присутствіе въ случаяхъ протеста губернатора противъ думскаго постановленія можетъ или отмѣнить его, или оставить

въ силѣ, но отнюдь не видоизмѣнять. Нѣкоторыя присутствія это невозбранно и часто себѣ позволяютъ.

Губернаторъ, впрочемъ, всегда можетъ своею властью приостановить рѣшеніе думы, даже противъ мнѣнія присутствія. У него есть право veto, если онъ въ меньшинствѣ, какъ нерѣдко это случается. Тогда разногласіе идетъ въ министерство или высшія инстанціи, его замѣняющія.

Насколько ревниво законъ относится къ перевѣсу администраціи въ губернскомъ присутствіи, можно видѣть изъ слѣдующаго:

Если постановленіе думы или земскаго собранія касается какого-нибудь казеннаго учрежденія, и это казенное учрежденіе этимъ постановленіемъ недовольно, какъ затрогивающимъ его интересы, оно можетъ обжаловать его въ присутствіе. Въ этихъ случаяхъ законъ допускаетъ участіе представителя обиженной части въ присутствіи съ правомъ голоса. Казалось бы, что никакой разницы въ данномъ случаѣ нѣтъ между жалобой казеннаго учрежденія и частнаго лица. Между тѣмъ, жалоба частнаго лица разбирается даже въ его отсутствіе, а по жалобѣ учрежденія однимъ изъ судей является начальникъ этого самаго учрежденія, то-есть самъ жалобщикъ. Такимъ образомъ, судьями въ собственномъ дѣлѣ, то-есть членами присутствія, бываютъ: инженеръ округа путей сообщенія, уѣздный воинскій начальникъ, директоръ народныхъ училищъ и много другихъ.

Значеніе присутствія тѣмъ больше для самоуправленія, чѣмъ бесполезнѣе, а иногда и вреднѣе является обжалованіе его постановленій въ сенатъ. Есть теоретики, которые каждое, по ихъ мнѣнію, несогласное съ закономъ постановленіе присутствія считаютъ полезнымъ обжаловать. Ставятъ дѣло на принципиальную почву и думаютъ, что только обжалованіемъ въ сенатъ можно достигнуть наименѣе частаго нарушенія своихъ правъ.

По-моему, это теоретическое воззрѣніе не выдерживаетъ критики. Во-первыхъ, практика говоритъ, что только на почвѣ добрыхъ отношеній (добрыхъ, конечно, настолько, насколько это совмѣстно съ достоинствомъ общественнаго учрежденія и обще-

ственной дѣятеля) можетъ быть практически достигнутъ хорошій результатъ въ городскомъ хозяйствѣ. Частыя же жалобы въ сенатъ, портя эти отношенія, вовсе не ведутъ къ тому, что рѣже будетъ нарушаться законъ, — наоборотъ, это озлобляетъ присутствіе, которое дѣлается еще менѣе снисходительнымъ. Вопросы же, связанные съ постановленіями думъ и земствъ, настолько хватаютъ за живое будничные интересы всего населенія, что этими интересами жертвовать отнюдь нельзя даже для достиженія цѣлей теоретическихъ и при томъ весьма сомнительныхъ.

Не касаясь состава, было бы весьма желательно одно измѣнить въ присутствіяхъ, это—чтобы допускались стороны, т.-е. жалобщики. Какъ ни говорите, бумага и устные объясненія вещи совѣмъ различныя, въ особенности для того, кто знаетъ, какъ эта бумага пишется. Что можетъ сказать жалоба, написанная лицомъ, не знающимъ закона, а иногда и уличнымъ «аблакатомъ» за полъ-бутылки водки?

Очевидно—ничего. А часто — написана-то она по дѣлу, касающемуся самыхъ живыхъ интересовъ обывателя.

Почему бы его не допустить въ засѣданіе присутствія, не выслушать? Я глубоко убѣжденъ, что при такомъ условіи рѣшеніе дѣла часто было бы справедливѣе.

Другимъ, конечно, коррективомъ рѣшеній губернскаго присутствія могла бы быть гласность. Разсмотрѣніе дѣлъ губернскаго присутствія, будь оно публично, много бы только выиграло. Но объ этомъ, конечно, и мечтать нечего.

Перехожу теперь къ вопросу общественной этики, который меня очень интересуетъ, но въ которомъ я окончательно разобратъся не могу. Начну съ того, что расскажу два случая, бывшихъ со мною и противорѣчащихъ одинъ другому.

Будучи тамбовскимъ губернскимъ гласнымъ, я внесъ предложеніе громадной важности—объ участіи губернскаго земства въ расходахъ на народное образованіе. Немногими голосами мое предложеніе прошло, но было опротестовано губернаторомъ въ присутствіи. Членомъ присутствія отъ земства былъ одинъ изъ самыхъ ярыхъ моихъ противниковъ по этому дѣлу. Какъ членъ

присутствія, онъ голосовалъ противъ постановленія земства. Его голосъ былъ рѣшающимъ, и дѣло провалилось.

Помню, какъ я тогда негодовалъ, считая, что членъ присутствія отъ земства обязанъ поддерживать мнѣніе земства, а не свое!

Въ качествѣ бакинскаго городского головы мнѣ пришлось быть въ томъ же положеніи, какъ этотъ гласный. Дума дала разрѣшеніе на постройку одного завода въ городѣ. Я считалъ, что этотъ заводъ не у мѣста будетъ и подалъ особое мнѣніе. Губернаторъ опротестовалъ рѣшеніе думы. Тутъ-то я вспомнилъ положеніе члена тамбовскаго присутствія и сдѣлалъ точь-въ-точь какъ онъ: голосовалъ противъ рѣшенія думы.

Мой голосъ былъ не рѣшающимъ. Мое мнѣніе и въ присутствіи провалилось. Но это не важно. Важенъ принципиальный вопросъ: когда я былъ правъ? негодуя противъ земца, неподдержавшаго рѣшенія собранія, или голосуя противъ думы, коей я былъ представителемъ?

Если мнѣ пришлось такъ діаметрально дѣйствовать противъ теоріи, которую я же передъ тѣмъ проповѣдывалъ, то это показываетъ, насколько трудно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ совѣмъ отрѣшиться отъ субъективизма.

Понятно, что и предложенный мною вопросъ, какъ быть члену присутствія отъ самоуправленія въ случаяхъ конфликтовъ своихъ личныхъ убѣжденій съ рѣшеніями представляемыхъ имъ собраній, будетъ субъективно многими рѣшенъ различно.

Съ одной стороны, трудно допустить возможность для чловека голосовать противъ своего убѣжденія гдѣ бы то ни было. Не все ли это равно, какъ если адвокатъ будетъ защищать дѣло, въ которое не вѣритъ? Или еще хуже, какъ если судья будетъ выносить свое рѣшеніе не по личному убѣжденію, а по требованію его назначившей власти? Затѣмъ, если онъ долженъ голосовать въ извѣстномъ смыслѣ, то онъ долженъ и отстаивать доводами постановленіе, которое считаетъ себя призваннымъ защищать. А ужъ это совѣмъ мудрено. Не выступать же съ доводами противниковъ, старательно замалчивая свои! Это какъ будто задача непосильная!

Съ другой стороны, надо стать на точку зрѣнія думы или земства. Дума имѣеть двухъ представителей въ присутствіи, голову и особо для сего избраннаго гласнаго. Вообразимъ, что оба будутъ по важному вопросу держаться мнѣнія меньшинства, и они же, представители думы, провалятъ рѣшеніе этой самой думы. Дума имъ за это спасибо не скажетъ, какъ не могло быть довольно въ моемъ примѣрѣ тамбовское земство. Какъ быть общественному самоуправленію? Какъ ему добиться своего, когда самъ законъ далъ ему на это средства? Выходитъ такъ: законъ даетъ ему возможность провести мнѣніе большинства, а сами агенты самоуправленія проваливаютъ его. А вѣдь замѣнить ихъ другими, выбранными *ad hoc*, нельзя. Какъ тутъ быть?

Вопросъ, мнѣ кажется, сводится вотъ къ чему: чтó въ членѣ присутствія должно перетянуть? свое «я», которое стремится содѣйствовать дѣлу, которое считаетъ правымъ, или мысль, что онъ представитель большинства, которое тѣмъ самымъ правѣе, чѣмъ онъ самъ? Если взглянешь на дѣло съ этой точки зрѣнія, то миссія этихъ лицъ покажется настолько важною, что личное мнѣніе должно отойти на задній планъ.

Слышалъ я и такое мнѣніе. Есть разница въ этомъ отношеніи между головой и членомъ присутствія, по особому выбору земства. Голова выбирается не для того, чтобы быть членомъ присутствія. Это его второстепенная, придаточная обязанность; если онъ хорошій администраторъ и хозяинъ, то его выбираютъ въ головы, хотя бы онъ и не хотѣлъ отказываться въ присутствіи отъ своего мнѣнія.

Другое дѣло членъ присутствія отъ думы. Его только для того и выбираютъ, чтобы онъ служилъ представителемъ думы и приводилъ доводы думы, независимо отъ того, чтó онъ самъ думаетъ. Однимъ словомъ, голова состоитъ членомъ присутствія, какъ самостоятельная единица, самъ по себѣ, а членъ отъ земства или думы является въ засѣданіяхъ присутствія не какъ выразитель своихъ мнѣній, но какъ представитель интересовъ думы, то-есть выразитель мнѣнія ея большинства.

Съ этой точки зрѣнія голова, высказывая лишь свое мнѣніе

и голосуя, какъ считаетъ полезнымъ по существу, поступаетъ правильно, членъ же отъ думы грѣшитъ противъ своего довѣрителя, не поддерживая исключительно его точку зрѣнія. Если такъ на вещи смотрѣть, гласный, принимающій на себя званіе члена присутствія, зная, на что онъ идетъ, можетъ въ случаѣ несогласія съ этой точкой зрѣнія отказать отъ избранія.

Вообще установить общую точку зрѣнія на этотъ вопросъ необходимо какъ для думы, которая будетъ знать, чего ей можно требовать отъ своихъ представителей, чего нельзя, такъ и для самихъ членовъ присутствія, изъ которыхъ рѣдкому, вѣроятно, не приходилось ставить себѣ этотъ вопросъ.

XXIV.

Низшее народное образованіе.

Что сказать въ одной статьѣ или двухъ про такой предметъ, какъ народное образованіе въ городахъ? Томы исписаны на эту тему, жизни посвящены образованію, а взглянешь и поражаешься, какъ мало сдѣлано. Не въ сравненіи съ тѣмъ, до чего люди не додумались, а въ сравненіи съ тѣмъ, что люди должны бы были знать, что другіе знаютъ, но преднамѣренно отъ большинства скрываютъ. Когда подумаешь о нелѣпости положенія, что знаніе считается привилегіей небольшого кружка, совѣстно становится принадлежать къ нему. Вѣдь къ знанію неудержимо стремится человѣчество, какъ растеніе къ свѣту, а мы отгородили большинство людей отъ этого свѣта и, пользуясь имъ, какъ хотимъ, оставляемъ за собой силу, которая должна бы быть удѣломъ всѣхъ.

Но счастливѣе ли будутъ люди, если много будутъ знать? Культура, говорятъ, несетъ съ собою и увеличеніе страданій.

Да не все ли равно! Кто эти страданія мѣрилъ или считалъ? Не все ли это равно, что спросить: кто счастливѣе? люди или свиньи? Да если и свиньи, все же мы свиньями сдѣлаться не захотимъ.

Обязанности городовъ по народному образованію еще шире чѣмъ обязанности земства. Земства спеціализировались въ области чисто народнаго образованія, т.-е. низшаго образованія (какъ дико звучить, что народу нужно только низшее образованіе!) Только Вятская, не дворянская губернія пооткрыла чисто народныя гимназіи, а то лишь изрѣдка мы видимъ небольшія субсидіи земства средней школѣ.

Другое дѣло города. Они должны заботиться о низшемъ образованіи, и среднемъ и, по возможности, содѣйствовать и высшему. Въ послѣдней, впрочемъ, области большею частью ограничиваются ходатайствами. Ни одному городу высшее учебное заведеніе не по карману, да къ тому же правительство, открывая таковое, руководствуется не одними только финансовыми соображеніями.

Такъ, Кавказъ не получаетъ ни университета, ни политехникума, несмотря на кричащую нужду, вопли обывателей и многократныя просьбы городовъ съ предложеніемъ ежегодныхъ субсидій.

Низшее образованіе стоитъ въ общемъ низко и качественно и количественно. Хотя качество образованія не зависимо отъ городовъ въ каждой отдѣльной школѣ, но поднять типъ школы во власти городовъ. Тутъ такъ разсуждаютъ: мы исполнили свой долгъ, если сдѣлали низшее образованіе общедоступнымъ, при чемъ низшимъ считается только дѣйствительно низшее съ трехлѣтнимъ курсомъ. Для народа больше и не нужно. Для избранныхъ кое-гдѣ въ большихъ городахъ открываютъ шестиклассныя городскія училища (которыя, къ слову сказать, называются и двухклассными, и трехклассными, и четырехклассными), но это для избранныхъ, отнюдь не для народа. На трехлѣтнемъ курсѣ мы замерзли, забывъ, что почему бы и народу не учиться и четыре, и больше лѣтъ? Вѣдь учатся же за границей и шесть, и семь лѣтъ.

Но пока мы и до дѣйствительной общедоступности трехлѣтней школы далеко не во всѣхъ городахъ доросли. Въ столицахъ и то ежегодно бываютъ сотни случаевъ отказа. Въ нѣкоторыхъ

же провинціальныхъ думахъ и теперь еще даже на низшее образованіе смотрятъ не то какъ на роскошь, не то какъ на нѣчто вредное.

Есть еще одна истина, которой слѣдовало бы проникнуться всѣмъ городамъ. Это необходимость бесплатности обученія. Москва, сохраняя плату за ученіе, хотя бы и съ исключеніями, хотя бы и невысокую, заслуженно подверглась массѣ упрековъ въ обскурантизмъ. Но бесплатности мало. Въ земствахъ почти вездѣ при бесплатности обученія школа выдаетъ ученикамъ даромъ учебныя пособія. Конечно, это дѣлается бережно. Учебники отбираются отъ учениковъ по минованіи надобности и переходятъ къ другимъ; дается только крайне необходимое. Нѣкоторые города выдаютъ учебныя пособія лишь бѣднымъ, но и это врядъ ли желательно. Сколько бѣдныхъ тянутся изъ послѣдняго и лишаютъ себя куска хлѣба, чтобы скрыть свою бѣдность.

Но этого мало. Надо помнить, какъ живутъ въ городахъ семьи, посылающія своихъ дѣтей въ начальную школу, надо помнить, что эти дѣти поѣли передъ тѣмъ, какъ идти въ школу, и какая пища ихъ ждетъ дома. Поэтому, если бы устроить теплые завтраки, то это не только благотворно отзовется на здоровьѣ ребятишекъ, но и несомнѣнно подниметъ ихъ работоспособность. Хорошо господамъ учителямъ требовать отъ класса вниманія и послушанія, хорошо и инспектору требовать успѣховъ, но что сказать про ученье полуголодныхъ дѣтей? Тутъ, какъ ни наказывай, какъ ни ставь въ уголь и на колѣни, а вниманія и успѣховъ не добьешься. Не лучше ли ихъ накормить?

Говорю я это по собственному опыту. Я знаю школу, гдѣ частнымъ лицомъ были введены бесплатные горячіе завтраки, и могу засвидѣтельствовать, что хотя въ этой школѣ была набрана какъ на подборъ вся городская нищета, а успѣхи были не ниже, чѣмъ въ другихъ школахъ. Завтраки улучшили сразу успѣхи и оказались лучшей педагогической мѣрой.

Для дѣтей условія городской жизни гораздо хуже, чѣмъ деревенской, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Городская вонь и копоть вмѣсто чуднаго деревенскаго

воздуха—для здоровья; и городская улица со всѣми ея ужасами вмѣсто деревенскаго раздолья—для нравственности. Чѣмъ хуже приходится жителю, тѣмъ труднѣе и сложнѣе обязанности самоуправленія. Поэтому у города возникаютъ такіе вопросы, какихъ нѣтъ въ земствѣ, таковъ вопросъ о колоніяхъ для школьничковъ. Вызвать ихъ изъ этой ужасной атмосферы прямо обязанность общества. Что можетъ быть ужаснѣе лѣта въ городѣ для бѣднаго мальчика или дѣвочки? И не обязанность ли наша устроить ему за городомъ возможное и для здоровья и для развитія пребываніе? Пока это является удѣломъ благотворительности и притомъ кое-гдѣ. Не есть ли это святая обязанность общества? и почему оно до сихъ поръ ея не создало?

Теперь посмотримъ, почему такъ туго у насъ развиваются городскія училища съ двумя и болѣе классами (какъ путають это понятіе класса съ тремя или двумя отдѣленіями. Почему не назвать элементарную школу трехклассной и т. д.?). Лучшее объясненіе этому явленію далъ одесскій городской голова въ единогласно принятомъ думой ходатайствѣ о преобразованіи городскихъ училищъ по типу 1872 года. Онъ видитъ двѣ причины ихъ малаго распространенія: недостаточное участіе общества въ устройствѣ ихъ внутренней жизни и неприспособленность ихъ къ переходу въ среднее учебное заведеніе. И то и другое вѣрно. Но я позволю себѣ привести еще третью причину, по-моему, главную; отсутствіе сознанія у самихъ думъ, что право всякаго обывателя получить образованіе, хотя бы въ предѣлахъ городского училища, и что поэтому наша обязанность удовлетворить этому праву.

И пока этого сознанія не будетъ, можетъ измѣненіе закона вызвать нѣкоторое улучшеніе, можетъ повысить кое-гдѣ число городскихъ училищъ; но удовлетворить потребности одинъ законъ не можетъ. Главный тормазъ въ тѣхъ, кто призванъ руководить дѣломъ образованія въ городахъ.

Больной вопросъ въ хозяйствѣ школъ городскихъ, это—квартиры. Въ большихъ городахъ, вслѣдствіе дороговизны квартиръ, иногда школьный бюджетъ вырастаетъ настолько, что это мѣ-

шаетъ количественному росту школъ. Помѣщенія къ тому же неудобныя. Поэтому нельзя не рекомендовать, въ большихъ городахъ въ особенности, постройку собственныхъ школьныхъ зданій. Примѣръ намъ прекрасный въ этомъ отношеніи данъ Петербургомъ, который изъ-за границы пересадилъ къ намъ дома со многими классами.

Эти дома сразу встрѣтили несочувствіе нѣкоторыхъ. Между прочимъ, было помѣщено на страницахъ „Вѣстника Европы“ блестящее опроверженіе доводовъ одного изъ видныхъ по своему положенію въ педагогическомъ мірѣ противниковъ этихъ школьныхъ домовъ (опроверженіе, написанное, кажется, отъ имени петербургской исполнительной училищной комиссіи). Дѣйстви-тельно, мнѣ кажется, что эти дома удовлетворяютъ безусловно всѣмъ условіямъ хорошо поставленныхъ народныхъ училищъ. Честь и слава петербургской думѣ, ознаменовавшей двухсотлѣтіе города крупнымъ ассигнованіемъ на этотъ предметъ!

Защищать наемныя помѣщенія невысказано уже по ихъ негигиеничности. Съ другой стороны, рекомендовать большому городу, у котораго школы считаются если не сотнями, то десятками, постройку соответствующаго числа зданій невысказано уже потому, что одна земля будетъ стоить миллионы. Одна дороговизна земли побуждаетъ строить многоэтажныя зданія. Во многихъ городахъ принято, чтобы квартира старшей учительницы была непременно при школѣ. Подумайте, что въ дорогомъ городѣ стоитъ такая квартира при школѣ въ три отдѣленія. При многоэтажномъ зданіи старшей учительницы при каждомъ трехъ отдѣленіяхъ не будетъ. Вотъ новый источникъ экономіи. Говорятъ, что при большомъ скопленіи учениковъ труднѣе надзоръ за ними во время перемѣнъ, нежели въ маленькихъ школахъ. Я часто видалъ, какъ во время перемѣнъ дѣти проводятъ время. Да, часто вовсе безъ надзора, и это естественно. Гдѣ тутъ учительницѣ, просидѣвшей часъ въ душномъ классѣ, и во время перемѣны слѣдить за учениками? Въ школьномъ же зданіи, съ большимъ числомъ классовъ, надзоръ можетъ быть возложенъ на тѣхъ же учителей поочередно. Это уже возможно,

если изъ 20 человекъ двое будутъ дежурныхъ. Къ концу я оставляю главное преимущество этихъ домовъ въ смыслѣ сокращенія расходовъ. Всякій, конечно, отвергнетъ вмѣстѣ со мной, чтобы въ городѣ были школы съ тремя отдѣленіями на одного преподавателя. Это хорошо въ деревнѣ, гдѣ школа на 40—50 учениковъ отстоитъ отъ другой такой же на пять верстъ, но допускать такія противныя самымъ элементамъ педагогики школы въ большомъ городѣ является уже и теперь анахронизмомъ. Поэтому теперь распространены наиболѣе школы изъ трехъ отдѣленій. Принимая въ младшее 50—60 учениковъ, мы во второмъ имѣемъ ихъ 35—45, а въ старшемъ всего 20—25, а то и меньше. Это обычная убыль учениковъ въ народномъ училищѣ. Ясно, что это невыгодно отражается на стоимости обученія. То, что въ младшемъ стоитъ обученіе двухъ дѣтей, въ старшемъ стоитъ обученіе одного. Очевидно, старшихъ отдѣленій нужно меньше, чѣмъ среднихъ, среднихъ меньше, чѣмъ младшихъ.

Достигнуть этого можно лишь въ многоклассной школѣ, гдѣ на 16—14 отдѣленій можно, заранѣе не предрѣшая, сколько отдѣленій будетъ младшихъ, сколько среднихъ, сколько старшихъ, распредѣлять учениковъ и сами отдѣленія по мѣрѣ надобности, такъ чтобы ни въ одномъ не было менѣе 40 человекъ. Ясно, что на то же число комнатъ число учениковъ увеличится значительно, а имѣть больше учениковъ, я думаю, и есть цѣль благоустроенной школы.

Наконецъ, можно бы всё эти многоклассныя школы сдѣлать 2-хъ классными, т.-е. всѣхъ желающихъ держать не только 3 года, но 5 и 6 лѣтъ. Легкость передвигать отдѣленія способствовала бы удобству такой организаціи и удешевила бы высшій типъ нашей народной школы. Само собой разумѣется, что это возможно было бы лишь при условіи подчиненія этихъ городскихъ школъ училищнымъ совѣтамъ на общемъ основаніи съ одноклассными. Иначе сведется къ нулю вліяніе общества и на первыя отдѣленія. Чего Боже упаси!

Многое можно бы наговорить здѣсь о народной школѣ, но я

остановился только на тѣхъ пунктахъ, которые отличаютъ городскую школу отъ сельской. Въ заключеніе считаю нужнымъ изложить соображеніе, которое часто приходитъ мнѣ въ голову. Радѣтели народной школы всегда любятъ говорить о тѣхъ или иныхъ улучшеніяхъ, желательныхъ для нея, при чемъ этихъ улучшеній находится весьма много. Съ каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности нельзя не согласиться, но относительно цѣлесообразности примѣненія ихъ можно иногда сомнѣваться. Дѣло въ томъ, что большою опасностью для школьнаго дѣла является роскошь. Мы всегда должны помнить, что у насъ потребность не удовлетворяется ни количественно, ни качественно, и что средства наши ограничены. Въ каждомъ мѣстѣ есть болѣе или менѣе настоятельныя школьныя нужды, и установить между ними градацію—дѣло первостепенной важности. Но прежде всего нужно добиться общедоступности и для мальчиковъ, и для дѣвочекъ. А то кое-гдѣ половину желающихъ поступить въ школу не принимаютъ, а кое въ чемъ проявляется роскошь, безъ которой можно бы обойтись безъ ощутительнаго вреда для дѣла. Нужно всегда имѣть передъ глазами главную цѣль, а цѣль эта—просвѣщеніе народа, —цѣль настолько великая, что ничѣмъ не слѣдуетъ увлекаться въ сторону. Надо помнить, что многіе не попадаютъ въ нашу злосчастную трехлѣтнюю школу, надо помнить и то, какими мы выпускаемъ изъ нея дѣтей. Они немногимъ лучше оканчивающихъ сельскую школу, хотя живутъ въ болѣе культурной средѣ и уже поступаютъ въ школу болѣе развитыми, чѣмъ въ деревнѣ. Если же вообще городскіе жители развитѣе сельскихъ, то развитіемъ этимъ они обязаны не школѣ, не обществу, а болѣе благопріятнымъ для развитія условіямъ, которыя они находятъ въ городѣ, часто даже вопреки намъ и нашей школѣ.

XXV.

Среднія учебныя заведенія.

Многіе изъ самыхъ культурныхъ и гуманныхъ обывателей жалѣють городскія деньги на среднія учебныя заведенія. Не лежитъ къ нимъ сердце ихъ и, надо признаться, не безъ подобія основаній.

Дѣйствительно, для кого существуютъ гимназіи и другія среднія училища? Для всѣхъ обывателей? или для нашихъ съ вами дѣтей, читатель? Увы! для нашихъ, а не для всѣхъ. Для всѣхъ народная школа, трехлѣтняя, да и то далеко не всегда. Вотъ поэтому-то и говорятъ, что деньги, собираемыя со всѣхъ обывателей, должны идти на всѣхъ обывателей, а не на однихъ насъ.

Думаю, что это объясняется ни чѣмъ другимъ, какъ плохой постановкой нашей средней школы. Не буду говорить, что среднее образованіе должно быть удѣломъ всѣхъ. Курсъ американской народной школы постоянно удлинняется, и есть штаты, гдѣ народной называется школа, мало чѣмъ отличающаяся отъ нашей средней. Ясно, что дѣленіе школъ на среднія и народныя неправильно.

Ясно также, что никто изъ упомянутыхъ мною лицъ не сталъ бы возражать противъ гимназій, если бы всѣ народныя школы доросли до гимназій, и если бы онѣ, притомъ, были общедоступны.

Но этого нѣтъ. И съ фактомъ надо считаться. Народная школа у насъ все еще существуетъ трехлѣтняя, съ кургузой и странно составленной программой, а гимназія далеко еще не общедоступна. Да не только не общедоступна, но считается еще многими для народа вредною.

Гимназія не только не можетъ всѣхъ вмѣстить, но еще громадному большинству и недоступна по своей дороговизнѣ. Какъ же тутъ быть? И достаточно ли это мотивируетъ то положеніе,

что намъ, городскимъ дѣятелямъ, надо исключительно думать объ общедоступности народныхъ школъ, а не о среднихъ?

Думаю, что нѣтъ. Прежде всего, вѣдь отъ городовъ же зависить сдѣлать гимназію доступной даже бѣднякамъ; стоитъ сдѣлать обученіе въ ней даровымъ; или если и это не удастся по какимъ-либо постороннимъ соображеніямъ, то открыть въ ней столько стипендій, сколько въ ней мѣсть.

Меня часто удивляло, какъ наши столицы до сихъ поръ не пришли къ необходимости открыть хотя бы по одной гимназіи для бесплатнаго въ нихъ обученія лучшихъ по способностямъ изъ окончившихъ народную школу обыкновеннаго типа. Я говорю — лучшихъ по способностямъ, а не только по успѣхамъ — изъ недоувѣрія къ первымъ на экзаменахъ ученикамъ, которые гораздо чаще являются зубрилами, нежели дѣйствительно даровитыми мальчиками. Хотя бы часть этихъ гимназистовъ изъ народа и отстала вслѣдствіе часто совершающагося въ періодъ 14—16 лѣтъ «линянія» мальчиковъ (пріема по какой бы то ни было протекціи не должно быть и въ мысляхъ), но, вообще, легко понять, какія прекрасныя для государства силы могли бы выйти изъ такой гимназіи.

Не думаю, чтобы противъ такой гимназіи могли бы имѣть что-либо господа скептики. Но я лично думаю, что не только такая особенная гимназія должна служить объектомъ заботъ самоуправленія, но и всякая другая съ обыкновеннымъ пріемомъ и платная. Расходы же на такую гимназію для города не только не излишни, но даже обязательны, хотя бы съ точки зрѣнія непривилегированнаго обывателя, потому что правильно смотрѣть на любой вопросъ городского хозяйства, какъ и земскаго, можно лишь съ этой точки зрѣнія.

Вопросъ большею частью стоитъ такъ: есть извѣстный въ городѣ (или въ уѣздѣ) контингентъ желающихъ поступить въ гимназію (мужскую или женскую) и не находящихъ мѣсть въ тѣхъ гимназіяхъ, которыя уже есть (если такія имѣются). Нужно ли для нихъ городу израсходовать извѣстную, довольно большую сумму на обзаведеніе гимназіи и назначить ей тоже не

малую ежегодную субсидію? Все это, конечно, въ предположеніи, что будетъ гимназія обыкновенная, съ платой отъ 30 до 75 рублей и съ учениками изъ привилегированныхъ классовъ.

Я говорю: да, нужно. Мои оппоненты говорятъ, что не нужно и что лучше эти деньги употребить на усиленіе или улучшеніе народнаго низшаго образованія.

Прежде всего, надо считаться съ фактами. Если бы казна больше расходовала на среднее образованіе, городъ могъ бы деньги, нужныя для гимназій, употреблять на что-нибудь другое; если бы можно было получить гимназіи путемъ частныхъ пожертвованій, было бы прекрасно.

Но фактъ таковъ въ большинствѣ случаевъ: гимназія нужна, казна на помощь не приходитъ, на частныя жертвы рассчитывать нельзя. Является такая диллема: быть гимназіи или не быть ей. Расходовать ли на нее дорогія городскія или земскія деньги или не расходовать?

Я говорю, что останавливаться передъ этими расходами не слѣдуетъ на пользу того же рядового обывателя. Обществу нужно всякое образованіе; нужно, чтобы народъ поднялся хоть на низшую ступень образованія, разъ мы физически не можемъ дать ему ничего лучшаго; нужно, чтобы было высшее образованіе хотя бы для избранныхъ; нужно, чтобы по возможности поднялся уровень и среднихъ. Тотъ же крестьянинъ, пріѣхавъ въ городъ продавать хлѣбъ, будетъ менѣе обманутъ и обруганъ, если бы хозяева, а то и приказчики прошли среднюю школу. Пока мы не можемъ поднять уровень образованія рабочаго, желательно хоть дать ему болѣе чѣмъ грамотнаго десятника, конторщика. Это отразится на благополучіи того же работника, не говоря про то, что поднимется средній культурный уровень города.

Поэтому я глубоко убѣжденъ въ пользѣ этой гимназіи для всѣхъ, хотя бы въ нее попали избранные. Расширяйте понемногу кругъ избранныхъ—къ вамъ начнутъ стучаться все болѣе и болѣе широкіе слои населенія, и мы незамѣтно дойдемъ до желаемой доступности и средней школы для всѣхъ слоевъ населенія. Впускайте лишь тѣхъ, кто стучится, и понемногу сту-

чатся будутъ больше и больше. Сама жизнь потребуеть и большешей дешевизны обученія. Отвергая этотъ путь, мы и приближаться не будемъ къ желаемому идеалу.

Къ счастью, сама жизнь поддерживаетъ только-что изложенную теорію. Земства, какъ будто, еще дальше стоятъ отъ средней школы, чѣмъ города. Поэтому, когда дѣло идетъ о субсидированіи средняго учебнаго заведенія, противъ субсидіи высказывается не только партія, увы, многочисленная, сторонниковъ тьмы, но и тѣ, которые не хотятъ ничего не общедоступнаго. Тѣмъ не менѣе, субсидіи проходятъ. У большинства рука не поднимается отказать въ нужной помощи. Теорія безсильна противъ жизненныхъ требованій.

Мнѣ всегда бываетъ досадно, когда люди, одушевленные наилучшими желаніями, останавливаются во имя теоріи передъ приближеніемъ къ своему же идеалу. Въ дѣлѣ образованія знаешь заранѣе, что встрѣтишься съ сопротивленіемъ мракобѣсовъ. Къ этому готовишься. Но когда дѣло на своемъ пути встрѣчаетъ неожиданныя возраженія сочувствующихъ ему, очень больно бываетъ. Отчасти понимаешь, почему между родными, или близкими, или единомышленниками вражда бываетъ острѣе, чѣмъ къ врагамъ принципіальнымъ и далекимъ.

Когда вопросъ о необходимости новой средней школы въ городѣ рѣшенъ утвердительно, возникаетъ другой вопросъ: какую школу строить? Я не стану тутъ вдаваться въ избитый и бесплодный споръ, что лучше: классицизмъ или реализмъ. Я стараюсь отвѣтить объективно и съ точки зрѣнія практической пользы. Посмотрите вокругъ себя: много ли вы найдете окончившихъ гимназію и не пошедшихъ въ высшее учебное заведеніе? Если вы такихъ и найдете, то развѣ въ видѣ самыхъ рѣдкихъ исключеній.

Многіе пошли въ высшее учебное заведеніе и его не кончили по разнымъ причинамъ и часто не по своей винѣ; но совсѣмъ остановившихся съ аттестатомъ зрѣлости въ карманѣ — я, по крайней мѣрѣ, не знаю. Другой вопросъ съ реалистами. Всякій назоветъ реалистовъ, не поповшихъ въ высшее учебное заве-

деніе и какъ-нибудь пристроившихся, такъ или иначе, въ разныхъ казенныхъ или частныхъ учрежденіяхъ.

Что изъ этого вытекаетъ? Очевидно, одно, что практически въ настоящее время полезнѣе имѣть въ карманѣ аттестатъ зрѣлости, нежели свидѣтельство реальнаго училища, хотя семи классовъ. При всеобщей (мною лично не раздѣляемой) антипатіи нашего общества къ классицизму, чѣмъ же иначе и объяснить большій наплывъ въ гимназіи, чѣмъ въ реальныя училища, какъ не желаніемъ имѣть болѣе обеспеченное высшее образованіе?

Исходя изъ того же принципа, что съ фактомъ нужно считаться и имѣя въ виду среднее общество, ищущее не только чистаго знанія, но и правъ, ясно, что при настоящемъ положеніи, когда реалисты доступа въ университетъ не имѣютъ, гимназіи имѣть практичнѣе, чѣмъ реальныя училища. Очевидно также, что если для поступленія въ университетъ права гимназистовъ и реалистовъ будутъ уравнены, то естественною смертию умрутъ и древніе языки—и классическая гимназія сама превратится въ реальную.

Теперь же я убѣжденъ, что если голосовать что нужнѣе — гимназіи или реальныя училища, большинство будетъ за гимназію.

Этого раздвоенія, къ счастью, нѣтъ въ женскихъ гимназіяхъ. Тутъ и спора нѣтъ.

Послѣднее время появилось новое теченіе, на которомъ, къ крайнему сожалѣнію и къ великому ущербу для уравниванія общаго образованія, сошлись и принципиальные, хотя бы и затаенные противники общаго образованія, и его друзья, но увлекшіеся модной идеей. Что мракобѣсы ратуютъ за спеціальное, техническое, ремесленное учебное заведеніе — это понятно. Для него лишь бы не было общаго развитія, лишь бы можно было такъ или иначе перенести центръ тяжести изъ головы въ руки, ноги, глаза. Но что и культурные люди увлеклись идеей ремесленныхъ заведеній — это печально. Ссылаются на границу и основываются на перепроизводствѣ интеллигенціи.

На второмъ доводѣ я останавливаться не стану. Мнѣ дика кажется и самая мысль о томъ, что можетъ быть слишкомъ

много ученія. Да у насъ и на фабрикахъ, и на желѣзныхъ дорогахъ, и въ канцеляріяхъ, и въ магазинахъ — вездѣ нехватка интеллигентовъ, вездѣ сидятъ люди, которые могли бы и должны бы быть замѣщены интеллигентами (канцеляристы, десятники, артельщики, приказчики и проч., и пр.). А если у насъ всякій немного поучившійся хочетъ немедленно получить генеральское мѣсто съ пятитысячнымъ окладомъ, то стоитъ посмотрѣть на Америку, гдѣ интеллигентъ (да еще иногда почище нашего) не гнушается никакой работой. Ну, что-жъ, если у насъ перепроизводство — пускай понизятъ господа-интеллигенты свои требованія.

Ссылка на границу врядъ ли правильна. Тамъ упрочилось техническое образованіе, а не ремесленное. Техническое образованіе за границей, какъ и у насъ, основано на общемъ. Учись геометріи, и, при случаѣ, лѣтомъ примѣняй это и къ землемѣрному дѣлу. Учись механикѣ, и при этомъ умѣй и молотокъ держать. Это понятно. Главное основаніе—наука, а при наукѣ и практика.

Другое дѣло ремесленное училище. Тамъ главное ремесло — физическій трудъ, а en passant ихъ учатъ читать, писать, считать, а то и кое-чему изъ географіи и исторіи. Это совсѣмъ не то; и потому не ошибся я, когда сказалъ, что боюсь перенесенія центра тяжести изъ головы въ руки.

За границей ремесленныхъ школъ много; въ громадномъ большинствѣ случаевъ онѣ вызваны жизнью. При ткацкой фабрикѣ открывается школа ткачей; въ Юрскихъ мастерскихъ — школы часовщиковъ и т. д. Школы эти, почти вездѣ частныя, открываются по мѣрѣ надобности, параллельно съ развитіемъ практической дѣятельности.

Мы хотимъ школами этими вызвать технику, которой нѣтъ, въ результатѣ — и техники нѣтъ, и школа оказывается никуда не годною, хотя и дорогой. Потребность вызываетъ фабрику, мастерскую. Поднимите уровень общаго образованія на фабрикѣ, въ мастерской, и неизбежно фабричная школа приметъ оттѣнокъ ремесленной по той же спеціальности. Это естественно. Такъ возникаетъ спеціальная школа за границей.

У насъ не такъ. У насъ сотни дѣтей хотятъ поступить въ гимназію. Имъ говорятъ: куда лѣзете? Вамъ мѣсто не въ гимназіи, вамъ надо ремеслу учиться. И ну измышлять, какому бы ремеслу обучать дѣтей, которыя сами хотятъ въ гимназію. Для мальчиковъ останавливаются на кузнечно-слесарномъ, столярномъ и сапожномъ; для дѣвочекъ—на иголкѣ. Впрочемъ, переберутъ въ умѣ все, конечно, съ электротехникой во главѣ.

Въ результатѣ — никуда не годные слесаря и швеи, да еще безъ общаго развитія. Забываютъ одно, что зло мастерской и фабрики смягчится, когда поднимется уровень развитія. Забываютъ и другое, что бѣды нѣтъ, если, выучившись наукамъ, молодые люди возьмутся за станокъ или иголку. Въ этомъ ли зло перепроизводства развитыхъ людей? И къ презрѣнію ли къ тому или другому труду должно вести правильное развитіе?

Не думаю...

XXVI.

Основы общественной медицины.

Никакая отрасль человѣческаго труда не вызываетъ столько нареканій, сколько медицина. Рѣдкаго врача не обвинили въ самыхъ непростительныхъ упущеніяхъ. Все, что бы ни сдѣлалось съ больнымъ—виновать врачъ, виновата медицина. Забываютъ, что врачи такіе же люди, способные на ошибки, и что медицина наука хотя и сильно прогрессирующая, но далеко не совершенная. Одна врачебная ошибка иногда дѣлаетъ врачу репутацію негоднаго, причемъ забываются десятки излѣченій, которыми пациенты обязаны тому же врачу.

Но помимо научныхъ и профессиональныхъ требованій къ врачу предъявляются еще прямо невыполнимыя требованія какъ къ человѣку. Всякій человѣкъ имѣетъ право на отдыхъ: врачъ этого права не имѣетъ. Какъ бы онъ ни былъ занятъ цѣлый день службой и частными визитами и приѣмами, какъ бы онъ ни былъ утомленъ физически и умственно—право на отдыхъ у

него отвято. При малѣйшемъ звонкѣ вставай и поѣзжай—иначе посредствомъ газетъ ты будешь пригвожденъ къ позорному столбу.

Простая общечеловѣческая жизнь врачу не позволена. Вотъ что мнѣ рассказываетъ одинъ врачъ: онъ вина не пьетъ совсѣмъ. Разъ только, послѣ китайской войны, въ городъ, гдѣ онъ жилъ, пріѣхали два его близкихъ товарища, которыхъ онъ нѣсколько лѣтъ не видалъ. Друзья остановились у него, и, за ужиномъ, хозяинъ выпилъ нѣсколько рюмокъ вина. Съ непривычки у него затуманилось въ головѣ—онъ захмелѣлъ. Вдругъ звонокъ—его зовутъ къ опасному больному. Что дѣлать? Не ѣхать? Попадешь въ газеты! Ѣхать въ возбужденномъ состояніи? А ну какъ въ рецептѣ запятую переставишь нечаянно вправо и отравишь больного? Врачъ просилъ его не брать, позвать другого, откровенно объяснилъ въ чемъ дѣло. Посланный требовалъ его. Онъ поѣхалъ. Дѣло обошлось благополучно. А если бы что случилось, да по его винѣ?

Ясно, что къ врачу предъявляются совсѣмъ исключительныя требованія. Кому, говорятъ, много дано, съ того много и взыскивается. А что дано врачу? Возможность въ большой мѣрѣ приносить страждущимъ пользу и извлекать изъ этого нравственное удовлетвореніе! Но забываютъ, что жить этимъ, принести этому духовному наслажденію въ жертву всѣ человѣческія, присущія и врачу, слабости—удѣлъ не средняго, обыкновеннаго человѣка, какими, какъ-никакъ, является и большинство врачей, а исключительно сильныхъ людей, составляющихъ между врачами, какъ и вездѣ, незначительный процентъ.

Вѣра въ науку заставляетъ больного кричать врачу: помоги мнѣ! исцѣли меня! да поскорѣе! да по возможности безъ страданій! да чтобы стало недорого! Можно ли послѣ этого врачу ставить въ вину, что онъ не всегда удовлетворяетъ больного. Конечно, нѣтъ. Это, впрочемъ, довольно понятно. Жизнь человѣческая, а слѣдовательно и здоровье, высшее благо на землѣ. Очевидно, человѣчество, дорожа этимъ благомъ, предъявляетъ излишнія требованія къ тѣмъ, кто призванъ это благо охранять.

То же самое мы видимъ въ жизни больничной и клинической. Такой-то больной умеръ подъ ножомъ! Такой-то профессоръ или хирургъ сдѣлалъ ту или другую ошибку! И долго про этого умершаго подъ ножомъ и про эту ошибку хирурга говорятъ. А про излѣченныхъ, про спасенныхъ отъ смерти этимъ самымъ хирургомъ скоро забываютъ.

Предъявленіе къ врачебному сословію излишнихъ требованій ведетъ къ весьма нежелательнымъ послѣдствіямъ. Недостаточная объективность общества по отношенію къ врачамъ заставляетъ ихъ сплочиваться противъ общества и часто скрывать и замазывать дѣйствительные грѣхи товарищей. Образовался извѣстный всѣмъ имѣвшимъ дѣло съ врачебными сѣздами корпоративный духъ врачей, ведущій не къ подъему ихъ этического уровня, а наоборотъ, къ паденію этики.

Извѣстно, какъ въ медицинскихъ обществахъ и въ судахъ чести врачей трудно добиться неблагоприятнаго отзыва о дѣйствіяхъ товарища. Въ крайнемъ случаѣ дѣло сводится къ признанію невольной ошибки.

Между тѣмъ, любой служащій или вольно-практикующій врачъ знаетъ за нѣкоторыми изъ своихъ товарищей цѣлый рядъ проступковъ, граничащихъ съ преступленіемъ. Секретныя болѣзни, лѣченіе которыхъ тянется преднамѣренно, пустяки, выдаваемые врачами за серьезныя болѣзни, требующія постояннаго ихъ наблюденія, сознательная небрежность къ бѣднымъ, ложныя удостовѣренія о болѣзни, часто не безвредныя для другихъ — все это извѣстно врачамъ и, несмотря на это, они не поднимаются, чтобы выгнать изъ своей среды недостойнаго сочлена.

Казалось бы, что въ интересахъ самого сословія не скрывать своихъ недостатковъ. Наконецъ, казалось бы, помимо всякихъ интересовъ интеллигентная среда не должна скрывать своихъ случайныхъ грѣховъ. Къ сожалѣнію, мы видимъ обратное: корпоративный духъ, ложно при этомъ понятый, заставляетъ держать въ организмѣ сословія такіе элементы, извлеченіе которыхъ принесло бы ему несомнѣнную пользу. Этому явленію дается, впрочемъ, и объясненіе, не только правдоподобное, но, можетъ

быть, и заслуживающее вниманія. Если мы перестанемъ—говорять врачи—скрывать грѣхи своихъ сочленовъ, то пошатнемъ еще болѣе довѣріе публики къ сословію, а то и къ самой наукѣ. И такъ, молъ, склонно общество дѣлать изъ мухи слона, а тутъ вы хотите, чтобы мы сами давали пищу ихъ попыткамъ. Кромѣ зла изъ этого ничего не выйдетъ.

Этимъ объясняются нападки большинства врачей на Вересаева. Не отрицая въ душѣ правды его писаній, относительно которыхъ можетъ быть поднятъ только вопросъ о большей или меньшей распространенности описанныхъ имъ явленій, врачи испугались послѣдствій его разоблаченій въ недостаточно объективно относящемся къ медицинѣ обществѣ—и начали отрицать самые факты.

Можетъ быть, это все происходитъ исключительно отъ того, что ни общество врачей, ни общество, въ широкомъ смыслѣ этого слова, не доросли до того культурнаго состоянія, когда никакая правда не считается ни для кого опасной.

Но я позволю себѣ видѣть другое основаніе этому антагонизму врачей и публики. Я думаю, что самый принципъ, на которомъ зиждется современная медицина, никуда не годится. Говоря, современная медицина, я имѣю въ виду не только нашу русскую медицину, но и заграничную.

Что такое сословіе врачей? Это такъ называемая свободная профессія, при чемъ подъ этимъ словомъ «свободная» разумѣется такое состояніе, которое дѣлаетъ его независимымъ. Почему врачъ независимѣе другихъ? Потому, что подобно адвокату, живописцу онъ въ себѣ носитъ источникъ постоянной жизненной обеспеченности. Онъ не на службѣ, да и не нуждается въ службѣ. Онъ науку несетъ съ собой и въ себѣ. Наука эта его и кормитъ, впрочемъ, его не связывая. Онъ свободенъ дѣлать больше или меньше визитовъ, принимать большее или меньшее время, назначить большую или меньшую плату за визиты и посѣщенія. Наука его кормитъ. Кормитъ его и жажда жизни и здоровья обывателя. Онъ посредникъ между наукой и страданіемъ. За это посредничество ему платятъ, и платятъ ему столько,

сколько онъ хочетъ. Работаетъ онъ тоже столько, сколько онъ хочетъ. Онъ свободенъ. Свободная профессія не мѣшаетъ, впрочемъ, многимъ врачамъ голодать.

Посмотримъ теперь на медицину глазами обывателя. Что мы видимъ? Заболѣвшій богачъ можетъ пользоваться услугами любого медицинскаго свѣтила. Хотя бы онъ заболѣлъ въ захолустномъ городишкѣ или въ глухой деревнѣ, онъ можетъ выписать къ себѣ любого профессора изъ столичнаго университета—мало того, онъ можетъ устроить у себя консультацію Нотнагеля и Лейдена, Дуайена и Бергмана! Все вопросъ денегъ! Врядъ ли есть въ Европѣ знаменитость, не побывавшая такимъ образомъ въ Россіи. И вотъ знаменитость потратитъ двѣ недѣли на посѣщеніе одного, можетъ быть, не особенно серьезно, а можетъ быть и безнадежно больного. А въ эти двѣ недѣли онъ могъ бы принять тысячу больныхъ, изъ коихъ сотнѣ спасти жизнь.

Теперь взгляните на другую картину: возьмите русскаго переселенца на нашихъ окраинахъ, возьмите амбала въ Баку, возьмите любого крестьянина тамбовскаго, возьмите петербургскаго рабочаго... Горе имъ, несчастнымъ, если заболѣетъ самъ или жена его, или ребенокъ его. На словахъ имъ все доступно: и стаціонарное лѣченіе съ специалистами, и амбулаторное, и даже иногда на дому. На дѣлѣ въ больницѣ онъ натывается на немѣніе свободнаго мѣста, въ амбулаторіи на полуминутный осмотръ со склянкой летучей мази или тремя порошками хинина въ результатѣ, на дому у врача на неизмѣнную фразу прислуги: пріемъ конченъ, мало васъ тутъ шляется! И умираетъ переселенецъ, амбалъ, рабочій, крестьянинъ среди похвалъ, расточаемыхъ правительству, городскому и земскому самоуправленію, фабричной инспекціи за заботы о здоровьи населенія, на дѣлѣ же съ ничтожной помощью, ничего общаго съ наукой немѣющей.

Для однихъ — Рентгеновскіе лучи, электро- и гидро-терапіи. Ментоны и Кисловодски, Пеланы и Захарьины; для другихъ — два-три слова врача, часто безъ оскультации, склянка касторки

и то послѣ двухъ-трехчасового ожиданія наружи, за неимѣніемъ мѣста въ ожидальнѣ.

Нормально ли такое положеніе? Врядъ ли! И не грѣшитъ ли оно въ самихъ своихъ основаніяхъ?

Самое неоспоримое право человѣческое это—право на жизнь. Всѣ остальные права его, начиная отъ права на воздухъ и права на работу и кончая всякими другими правами, имѣютъ одну цѣль—сдѣлать сносною человѣческую жизнь. Не относится ли къ этимъ правамъ и право на здоровье? И не должно ли это право одинаково распространяться на всѣхъ, а не только на богатыхъ?

Намъ на это и скажутъ: вѣдь вотъ мы и заводимъ общедоступныя больницы (съ очень высокою, къ слову сказать, платой, хотя, правда, взимаемой послѣ), организуемъ также бесплатныя приемы въ амбулаторіяхъ даже съ специалистами, учреждаемъ даже думскихъ и земскихъ врачей, обязанныхъ ѣздить на домъ къ бѣднымъ.

Но стоитъ взглянуть въ эту земскую или городскую амбулаторію, гдѣ врачъ иногда принимаетъ до 50 человѣкъ въ часъ, чтобы для богатаго человѣка въ ужасъ придти при мысли, что его ребенокъ въ случаѣ болѣзни подвергнется такому лѣченію.

Думаю, что не стоитъ больше останавливаться на неравномѣрности распредѣленія медицинскихъ благъ на населеніе. Въ городѣ, гдѣ врачей сто, вы увидите на общественной службѣ человѣкъ 20—30; остальные работаютъ за деньги. Да и 20—30 служащихъ работаютъ бесплатно въ больницѣ или амбулаторіи или школѣ часа 3, много 4, а остальное время посвящаютъ практикѣ. Это, впрочемъ, и понятно. На жалованье ихъ часто и прожить нельзя интеллигентной семьѣ. Не ясно ли, что намъ еще далеко до общедоступности медицины? Высшіе слои общества, пекущіеся о низшихъ и сами себя восхваляющіе хотя бы и за земскую медицину, съ ужасомъ бы отвергли мысль о томъ, чтобы и имъ самимъ ограничиться той общедоступной медициной, которую они считаютъ достаточной для бѣднаго населенія.

Позволю себѣ такъ формулировать вытекающую изъ этого

истину: лѣченіе, т.-е. пользованіе наукой добытыми средствами для поправленія пошатнувшагося здоровья, есть удѣлъ состоятельныхъ классовъ, при чемъ, чѣмъ бѣльшими больной обладаетъ средствами, тѣмъ совершеннѣе могутъ быть къ нему примѣняемые методы лѣченія. Самые же простые и дешевые методы лѣченія дѣлаются понемногу доступными и малосостоятельнымъ классамъ населенія.

Выдерживаетъ ли такая формула критику, если признать, какъ и слѣдуетъ, право на лѣченіе, право на здоровье за часть права на жизнь? Очевидно, нѣтъ. Сами основы свободной медицины, основанной на платѣ за визитъ или посѣщеніе, никуда не годятся. Онѣ и дискредитируютъ врачей. Лѣченіе не должно быть въ зависимости отъ средствъ. Пускай, если это нужно, средства даютъ возможность однимъ носить брильянты и пить шампанское, тогда какъ другіе носятъ бусы и пьютъ водку и воду. Но право на лѣченіе должно быть одно для всѣхъ, при чемъ интенсивность лѣченія, большее время, потраченное врачомъ на больного, бѣльшая дороговизна лѣкарствъ, большее совершенство метода лѣченія должны быть въ зависимости не отъ средствъ больного, а отъ серьезности его болѣзни.

Зданіе, построенное на этомъ основаніи, будетъ прочно и удовлетворить обѣ стороны. Только тогда во врачѣ будутъ видѣть благодѣтеля, исполняющаго свое призваніе, а не челоуѣка, строющаго свое благосостояніе на обывательскомъ несчастіи. Только тогда и врачи будутъ смотрѣть на больныхъ исключительно какъ на несчастныхъ, которымъ надо скорѣе помочь, а не какъ на дойныхъ коровъ.

Это, конечно, медицина будущаго, но, думаю, не столь уже отдаленнаго, какъ нѣкоторымъ можетъ показаться. Во всякомъ случаѣ, полезно имѣть ясное представленіе объ идеалѣ, къ которому стремятся люди. Всякій шагъ, приближающій къ идеалу—хорошъ, отдаляющій отъ идеала—дурень.

Позволю себѣ изложить тѣ основанія, на которыхъ должна быть построена медицина, вполне удовлетворяющая своему назначенію.

1) Всякій врачъ долженъ по окончаніи курса получить обезпечивающее его мѣсто и отнюдь не рассчитывать на частную практику, которая постепенно должна сводиться къ нулю.

2) Содержаніе такого врача должно увеличиваться въ зависимости отъ числа лѣтъ службы, отъ семейнаго положенія, отъ заслуженнаго имъ мѣста (специалисты, директора лѣчебницъ).

3) Государство должно воспитывать врачей сообразно потребности. Очевидно, эта потребность должна сильно возрастать.

4) Всякій больной долженъ во всякое время дня и ночи безъ затрудненій найти скорую и внимательную помощь (много амбулаторій, ночныя дежурства, каретки, подвижныя аптечки).

5) Не качество приѣма больныхъ должно измѣняться сообразно съ наплывами больныхъ, а число врачей принимающихъ увеличиваться пропорціонально числу больныхъ.

6) Болѣе серьезные больные должны имѣть къ своимъ услугамъ достаточное число специалистовъ, консультаціи, стаціонарное лѣченіе, болѣе усовершенствованные и дорогіе способы лѣченія.

7) Право на лѣченіе, какъ и право на воздухъ и жизнь должно быть равно для всѣхъ, а потому болѣшимъ и лучшимъ лѣченіемъ должны люди пользоваться въ зависимости отъ опасности и серьезности болѣзни, а не отъ ихъ средствъ.

Думаю, что только на этихъ новыхъ основаніяхъ можетъ быть построено зданіе общественной медицины. Только тогда интересы врача не будутъ противоположны интересамъ больныхъ. Только тогда нормальны будутъ отношенія врачей къ обществу и обратно. Только тогда поднимется этика сословія.

Слишкомъ это право всѣхъ на хорошее лѣченіе мнѣ кажется очевиднымъ, чтобы я не надѣялся, что общество сравнительно скоро перейдетъ къ этой новой системѣ. Въ настоящій вѣкъ прогресса и демократизаціи мысли и этики не можетъ человѣчество не понять, что спасеніе отъ чахотки одинаково должно быть доступно бѣдняку, какъ и богачу. Безнравственность настоящаго положенія слишкомъ очевидна. Очевидно тоже, что на безнравственныхъ принципахъ можетъ основываться только урод-

ливое зданіе, какимъ являются теперь отношенія врачей и науки къ паціентамъ и наоборотъ.

А деньги? спросить читатель. Во-первыхъ, стоитъ ли говорить о деньгахъ, когда идетъ вопросъ о жизни? Во-вторыхъ, даже съ теперешними средствами можно бы найти деньги. Если городъ можетъ теперь прокормить, и въ среднемъ безбѣдно, положимъ, сотню врачей, то значить деньги есть. Весь вопросъ сводится къ бухгалтерскому разчету: умѣть найти источники и средства обложенія и равномерно распространить тѣ блага, которыя можетъ намъ дать хотя бы современная медицина.

Можно ли сомнѣваться въ томъ, что общество не замедлитъ рѣшить эту сравнительно простую задачу, какъ только проникнется фальшью теперешняго положенія и создастъ необходимость капитальной реформы?

Намъ же, общественнымъ работникамъ, предстоитъ ближайшая задача распространять въ обществѣ идеаль общественной медицины, а въ сферѣ нашей будничной дѣятельности всѣми мѣрами содѣйствовать всему тому, что приблизитъ насъ къ этому идеалу.

XXVII.

Ближайшія задачи общественной медицины.

Величайшіе враги современной медицины — народное невѣжество и народная бѣдность. Про народную бѣдность здѣсь говорить неумѣстно. Вся работа современнаго культурнаго человѣчества ведетъ къ уменьшенію бѣдности. Понятно, что для замѣны сырого жилища—сухимъ, недоѣданія—обильнымъ и здоровымъ питаніемъ, рваной одежды зимой — теплою мѣховою, нужно известное богатство. А если его нѣтъ, то люди лишены этихъ благъ, простужаются, болѣютъ и умираютъ чаще, чѣмъ бы можно было. Противъ этого зла медицина бессильна и помощь могутъ другія гораздо болѣе глубокія мѣры, большею частью лежащія внѣ компетенціи городскихъ и земскихъ самоуправленій.

Но есть масса случаевъ, когда человѣкъ умираетъ не отъ бѣдности, а отъ невѣжества. Для примѣра назову сѣски, которыя вкладываются дѣтямъ въ ротъ и служатъ передачей всякихъ заразныхъ болѣзней и хранилищемъ всевозможныхъ болѣзнетворныхъ бациллъ—вѣдь не бѣдность заставляетъ предпочитать ихъ стоящимъ двѣ—три копейки резиновымъ наконечникамъ на склянки. Можно бы назвать сколько угодно всѣмъ извѣстныхъ примѣровъ, гдѣ дѣти, да и взрослые заболѣваютъ и умираютъ отъ незнанія самыхъ элементарныхъ правилъ гигиены.

Но главный показатель медицинскаго невѣжества это — развитіе знахарства. При этомъ надо оговориться. Есть два рода знахарства. Одно знахарство нѣкоторыхъ, весьма немногихъ лицъ, слава которыхъ поддерживается разказами о содѣянныхъ ими чудесахъ излѣченія. Такіе знахари будутъ существовать даже между культурными слоями населенія до тѣхъ поръ, пока будетъ вѣра въ чудеса. Да, наконецъ, многое, что теперь является чудомъ, современемъ будетъ принадлежать къ области положительныхъ знаній. Недавно я отъ вполне культурныхъ людей слышалъ восхваливаніе костоправа по поводу сдѣланныхъ имъ лучше доктора излѣченій переломовъ. Допускаю и это, какъ допускаю, что внимательный и опытный костоправъ иногда лучше сдѣлаетъ, чѣмъ невнимательный и невѣжественный (есть и такіе) врачъ. Но это отдѣльные случаи вѣры въ свѣтила знахарства, если можно такъ выразиться.

Другое дѣло — обычное знахарство, когда народъ ищетъ какого-нибудь знахаря, не желая обращаться къ врачу; когда онъ вѣритъ любому знахарю болѣе, чѣмъ любому врачу. Это не есть уже вѣра въ чудотворца или вѣра въ опытнаго человѣка, не имѣющаго диплома, а преимущественная вѣра въ невѣжественнаго знахаря передъ врачомъ. Это — зло великое и гораздо больше распространенное, нежели думаютъ, и притомъ распространенное не только въ деревняхъ, гдѣ часто врачъ далеко, но и въ городахъ, несмотря на близость и доступность врача.

И вотъ борьба съ этой вѣрой въ знахаря, борьба съ медицинскимъ невѣжествомъ—главная задача городского и земскаго

врача. Эта медико-гигиеническая педагогика настолько важнѣе терапіи, насколько санитарія важнѣе по своимъ результатамъ практической медицины.

Пойдемъ дальше. Если важнѣе всего умственная санитарія (такъ назову вѣру въ науку), то крайне необходима и помощь страждущимъ, нужная какъ непосредственно сама по себѣ, такъ и косвенно для достиженія первой цѣли—вѣры во врача и его науку. Эта вторая задача общественной медицины весьма разносторонняя. Сюда входитъ и хорошо поставленная амбулаторія, и больницы со специалистами. Мы видѣли, какъ сложны и далеки отъ насъ идеалы общественной медицины. Объ удовлетвореніи потребности въ лѣченіи всѣхъ и во всѣхъ видахъ теперь не можетъ быть и рѣчи, теперь надо рѣшить вопросъ: къ чему приступать немедленно и что отложить до лучшихъ временъ.

Медицина можетъ развиваться въ ширь и глубь. Многіе дѣлаютъ такое умозаключеніе: наука идетъ въ глубь, специализируется; слѣдовательно, должна специализироваться, идти въ глубь и общественная медицина. Что за лѣченіе безъ специалиста? и требуютъ какъ можно больше специалистовъ. Замѣчу, въ скобкахъ, какъ опошляется это слово. Кто теперь не специалистъ, кромѣ земскаго врача въ деревнѣ, который не долженъ быть специалистомъ? Да специалисты-то теперь развелись (да простить имъ Богъ) двухъ-, трехъ-, чуть не пятиэтажные. Но не о такихъ специалистахъ я буду говорить, а о настоящихъ. Нужно ли требовать теперь отъ общественной медицины, чтобы всякаго больного принималъ специалистъ? Я говорю, что нѣтъ. И вотъ по какимъ соображеніямъ.

Наши городскіе бюджеты всѣ очень ограничены. Поневолѣ приходится изображать «тришкинъ кафтанъ» и класть заплаты, гдѣ наиболѣе нужно. Что получится, если пытаться примѣнять въ общественной медицинѣ самые совершенные приемы? Вслѣдствіе ихъ дороговизны или эти приемы будутъ примѣняться не такъ, какъ слѣдуетъ, при чемъ польза ихъ сведется къ нулю, или они перестанутъ быть общедоступны, за недостаткомъ средствъ. А первое условіе общественной медицины, очевидно, чтобы

блага ея распространялись равномерно между всѣми жителями города. Очевидно, стремленіе пойти и въ глубь помѣшаетъ главной цѣли медицины—распространенію ея въ ширь.

Возьмемъ земскую медицину. Въ большинствѣ губерній схема такова: въ губернскомъ городѣ прекрасно устроенная больница съ разными специалистами и улучшенными приемами лѣченія. Въ уѣздныхъ городахъ сносныя больницы съ двумя врачами, хирургомъ и терапевтомъ. Въ деревняхъ незавидныя больнички, а то и просто амбулаторіи безъ постоянныхъ кроватей съ однимъ врачомъ, который лѣчитъ и внутреннія болѣзни и заразные, при случаѣ рѣжетъ ноги, помогаетъ при родахъ, а то, если захочетъ, и катаракты вынимаетъ. Но и это не все. Въ глухихъ деревняхъ, гдѣ земство не можетъ имѣть и такого врача-всезнайку, мы видимъ фельдшерскіе пункты и, какъ не борются съ фельдшерствомъ, приходится съ нимъ въ видѣ исключеній мириться, потому что лучше фельдшеръ, все-таки работающій, если не по наукѣ, то во имя науки, чѣмъ знахарь, всячески подрывающій и стремящійся подорвать вѣру въ науку.

Очевидно въ земствахъ, несмотря на теорію, приводится такой принципъ: лучше, чѣмъ весь 30—40-тысячный медицинскій бюджетъ сконцентрировать на хорошей городской больницѣ, разбросать деньги по пунктамъ хотя бы иногда и фельдшерскимъ, лишь бы эти пункты были ближе къ населенію, а потому и доступнѣе для него въ наибольшемъ числѣ случаевъ.

Теперь возьмемъ другую крайность—положимъ Берлинъ. Тутъ знахарство не страшно вслѣдствіе высокаго уровня культуры; и притомъ разстояній почти нѣтъ вслѣдствіе скученности населенія, а денегъ сколько угодно. Ясно, что вы можете имѣть специалистовъ на каждомъ шагу со всевозможными дорогими лѣчебными устройствами. Телефоны, трамваи, каретки для оказанія помощи,—все это вслѣдствіе дешевизны, а главное культурности населенія, уничтожило почти разстоянія, — черезъ 10-15 минутъ больной уже на рукахъ специалиста.

Наши города, если ушли отъ земской деревни съ ея непроѣздными дорогами и фельдшерами, зато не дошли и до Бер-

лина съ его культурой и деньгами. Культура городскихъ жителей не далеко ушла отъ культуры деревень, и теперь еще, сплошь да рядомъ, встрѣчаются дикіе примѣры знахарства въ столицахъ. Бюджеты городскіе тоже не блестящіе съ нежеланіемъ гласныхъ самооблагаться до разрѣшенной закономъ нормы и съ громадными обязательными, мало продуктивными расходами. Разница въ пользу городовъ только та, что разстоянія не такъ безобразно велики и пути сообщенія не такъ непроѣзды.

Понятно, что мы ушли въ городахъ отъ патентованнаго фельдшерскаго пріема, всецѣло производимаго самими врачами, но и не дошли до германскихъ городовъ и ихъ улучшеннаго лѣченія спеціалистами. Картина почти вездѣ такова: врачей городскихъ мало; ихъ не легко найти бѣдному, въ особенности ночью; принимаютъ они кое-какъ за недосугомъ, лѣчатъ самыми дешевыми средствами за неимѣніемъ ассигновокъ на болѣе дорогое лѣченіе; да, наконецъ, и сами врачи часто не на должной высотѣ. Нужно улучшить положеніе, прибавить средствъ.

Тутъ-то и представляется вопросъ: на что эти средства, опять-таки, конечно, недостаточныя, употребить? Пригласить ли новыхъ спеціалистовъ, улучшить ли лѣченіе или, не задаваясь цѣлями улучшенія, прибавить врачей, тѣмъ самымъ приблизить ихъ къ населенію? Я утверждаю, что въ настоящей стадіи развитія нашихъ городовъ и медицины нужно именно послѣднее. Нужно раздвигать медицину не въ глубь, а въ ширь. Стремиться не къ улучшенію ея, а къ увеличенію числа работниковъ.

Прежде всего, какъ мы видѣли, надо медицински воспитывать народъ и вселить въ него вѣру въ науку и людей, работающихъ по наукѣ. Какъ этого достигнуть? Говорятъ, что только улучшивъ медицину, можно привлечь къ ней симпатіи населенія. Пользу воспитательнаго значенія хорошаго доктора-спеціалиста и благоустроеннаго лѣчебнаго заведенія никто отрицать не будетъ; но я позволю себѣ констатировать фактъ, много разъ наблюдавшійся въ земской медицинѣ. Наибольшую популярность въ простомъ населеніи приобрѣтаютъ не наиболѣе ученый и искус-

ный врачъ, а тотъ, кто умѣетъ ближе стать къ населенію, кто сердечнѣе къ нему относится, у того растеть число посѣтителей, тотъ конкурируетъ наиболѣе успѣшно съ знахарями, тотъ наиболѣе вселяетъ въ населеніи спасительную вѣру въ науку. А чтобы можно было проявить свою сердечность, надо, чтобы работа была посильна. Не можетъ врачъ, будь онъ святой, ласково принять сотни двѣ больныхъ и поговорить съ каждымъ изъ нихъ. Не можетъ онъ физически сдѣлать больше извѣстнаго числа посѣщеній на дому. Слѣдовательно, участокъ земскаго ли, думскаго ли врача долженъ быть не больше извѣстнаго максимума, позволяющаго ему войти въ общеніе съ народомъ и дѣйствовать на него не только лѣченіемъ, но и словомъ. Я сильно настаиваю на этомъ послѣднемъ общеніи. Я знавалъ очень далекихъ отъ послѣдняго слова науки врачей, еле отличавшихъ нарывъ отъ лихорадки, лѣчившихъ хининомъ, касторкой и летучей мазью, и вмѣстѣ съ тѣмъ принесшихъ огромную пользу въ смыслѣ воспитанія, пользу куда болѣе важную, чѣмъ если бы они умѣли дѣлать оваріотоміи и ставить мудреные діагнозы.

Дѣло въ томъ, что если культурный человѣкъ не можетъ отрѣшиться отъ привычки смѣшивать науку съ ея носителемъ и продолжаетъ вѣрить въ болѣе хорошаго, по его мнѣнію, врача, чѣмъ въ науку, то тѣмъ болѣе это естественно у простаго народа, который вѣритъ въ знахарку Тимоѣевну. Большой шагъ впередъ будетъ, если онъ перенесетъ вѣру въ Тимоѣевну на Ивана Ивановича, врача, а съ Ивана Ивановича на Петра Петровича другого врача и т. д. Только такъ онъ дойдетъ до вѣры въ науку, до которой и мы-то вполнѣ не дошли. Рядъ близкихъ къ населенію врачей позволить ему обобщить это явленіе и перенести довѣріе къ абстрактному понятію науки. А для этого нужны двѣ вещи: чтобы врачъ былъ близокъ къ народу по своимъ личнымъ качествамъ, и, второе, чтобы его участокъ былъ не больше извѣстнаго максимума. Перваго можно достигнуть поднятіемъ врачебной этики, зависящей отъ многихъ причинъ и наименѣе отъ той или другой организаціи участка. Второе—извѣстный максимумъ участка долженъ быть строго устано-

влень, приче́мъ скорѣе участо́къ пусть выходитъ слишкомъ малъ, чѣмъ слишкомъ великъ. При такомъ участкѣ бѣдный житель со всякими болѣзнями пусть идетъ къ своему врачу, который разберется можетъ ли онъ самъ ему помочь или долженъ направить его въ больницу или къ специалисту.

Резюмирую: главное въ современной нашей медицинѣ то, чтобы всякій зналъ лично своего врача, и, по возможности, былъ ему извѣстенъ. Чтобы больной не боялся къ нему идти и чтобы врачъ не тяготился посѣщеніемъ и приглашеніемъ этого больного. На этихъ личныхъ отношеніяхъ врача и паціента и построится современемъ все зданіе общественной медицины. А оно громадно. Тутъ и специалисты, имѣющіе возможность употребить на каждаго паціента массу времени, тутъ и клиническія приспособленія, тутъ и доставленіе больному лучшихъ условій для лѣченія. Но главное теперь это—близость хотя бы не мудренаго врача къ больному и на этой близости основанное медицинское воспитаніе нашего малокультурнаго народа.

XXVIII.

Санитарія.

Въ нашъ вѣкъ все мѣрится на деньги, все оцѣнивается. Не избѣжали оцѣнки и люди. Какіе-то ученые взялись опредѣлить, сколько стоитъ человѣческая жизнь. И, конечно, опредѣлили. Какъ—я не знаю. Вѣроятно, изъ того, что средній человѣкъ производитъ, вычитали его расходы. Вышло, конечно, что самая дорогая жизнь англичанина, нѣмца. Наша жизнь—дешевая жизнь. Оцѣночныя таблицы человѣческой жизни можно составить по національностямъ, по специальностямъ, по полу, по возрасту. Насколько все эти таблицы непогрѣшимы—другой вопросъ. Но составить ихъ можно.

Затѣмъ говорятъ: ежегодный приростъ населенія города даетъ столько-то рублей, франковъ, кронъ прибыли.

А смертность—столько-то убытку.

Холера унесла людей на 40 милл. марокъ. Плохая канализация даетъ людьми 10 милл. лиръ убытку. Таковъ новый языкъ городской экономики.

Я позволяю себѣ смотрѣть на человѣческую жизнь нѣсколько иначе, чѣмъ на жизнь ломовой лошади. Я думаю, что человѣческая жизнь—громая цѣнность, которую ни въ фунтахъ стерлинговъ, ни въ пезетахъ оцѣнить нельзя. Дороже человѣческой жизни—нѣсколько человѣческихъ жизней. И больше ничего.

Какое же значеніе должна имѣть та наука, которая ведетъ къ сохраненію возможно бѣльшаго числа человѣческихъ жизней! А, между тѣмъ, мы часто склонны смотрѣть на жизнь чуть-ли не съ точки зрѣнія ея стоимости въ рубляхъ. Расчетъ ли имѣть воспитательный домъ? Жизнь ребенка не Богъ вѣсть чего стоитъ, а расходы большіе! И т. д... и т. д...

Часто кажется, что мы даже и до оцѣнки человѣка въ рубляхъ не доросли. Даже и какъ рабочей скотъ мы его не бережемъ. Стоитъ только сравнить состояніе нашей санитаріи съ санитаріей западныхъ городовъ. Отсутствіе канализации въ Петербургѣ и выпускъ нечистотъ въ Фонтанку—такое невѣроятное явленіе, что поневолѣ задумаешься надъ цѣною человѣческой жизни. А неуваженіе къ растенію въ нашей столицѣ? Если сравнить это съ педантичностью въ борьбѣ съ эпидеміями и съ болѣзнями въ Парижѣ, расходуящемъ на санитарію невѣроятныя суммы, или съ заботами Берлина о сохраненіи зелени и о разведеніи все больше и больше деревьевъ, то отсталость наша въ этомъ отношеніи окажется необъяснимой даже съ точки зрѣнія отсталости въ образованіи.

Санитарія имѣетъ отношеніе къ разнымъ областямъ человѣческаго знанія, и чтобы довести городъ до хорошаго санитарнаго состоянія, кромѣ работы врачей специалистовъ, нужны еще усилія и знанія статистиковъ, педагоговъ, техниковъ, юристовъ—всѣ должны стремиться къ важной цѣли оздоровленія города. Плодотворность этой совмѣстной работы несомнѣнна и доказывается цифрами, понятными даже для нашего оцѣнщика человѣческой

жизни. Цифры эти—цифры смертности въ разныхъ мѣстахъ. И какъ нужно, въ особенности намъ, слѣдить за колебаніями этихъ цифръ, какъ нужно начать съ того, чтобы поставить на должную высоту статистику смертности. Я потому говорю, что намъ въ особенности нужно изучать нашу смертность, потому что въ списокъ всѣхъ европейскихъ народовъ по коэффициенту смертности мы послѣдніе. На 1000 жителей у насъ 34 смерти. Цифра, которой нигдѣ въ Европѣ нѣтъ! Для нормандскихъ народовъ мы имѣемъ 16 смертей. А у насъ больше, чѣмъ вдвое. Правда, что вознаграждается это (съ точки зрѣнія экономистовъ) тоже громаднымъ коэффициентомъ рождаемости—48. Но, тѣмъ не менѣе, не святая ли наша обязанность изучить причины, почему мы не можемъ сохранить больше жизни, и не можемъ ли мы вырвать у смерти сколько-нибудь человѣкъ изъ числа ея 34 жертвъ?

Многіе думаютъ, что коэффициентъ смертности прямо пропорціоналенъ невѣжеству населенія. Это было бы для насъ утѣшеніемъ. Все бы мы могли себя успокаивать мыслью, что когда мы возьмемъ за образованіе, мы будемъ въ состояніи уменьшить число умирающихъ. Къ сожалѣнію, и этого утѣшенія у насъ нѣтъ. Статистика показываетъ, что и въ странахъ съ высокой культурой, напр., въ Баваріи, смертность высока.

Причины высокой смертности, кромѣ невѣжества, бываютъ въ разныхъ мѣстахъ различны. Разыскать ихъ, чтобы дать санитаріи возможность ихъ устранить или, по крайней мѣрѣ, имъ противодѣйствовать—вотъ задача санитарной статистики. Эта отрасль статистики, обнимающая статистику рождаемости, смертности, браковъ, болѣзней—самая важная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самая сложная. Надо составить таблицы, группируя ихъ въ различныхъ комбинаціяхъ, и указать вліяніе на человѣческую жизнь возраста, пола, рода занятій, жизненныхъ условій, часто кварталовъ или домовъ, въ которыхъ живутъ люди. Только изъ самыхъ подробныхъ статистическихъ изслѣдованій можно вывести правильныя заключенія, на которыхъ и основать систему борьбы съ болѣзнями и самой смертью.

Болѣзни заразительныя и инфекціонныя могутъ быть не только излѣчиваемы, но и предупреждаемы. Блестящій примѣръ мы имѣемъ въ оспопрививаніи. Но и всякія другія болѣзни, кромѣ заразительныхъ, тоже могутъ быть косвенно предупреждаемы. Ломаніе костей въ связи съ хорошими мостовыми (это доказано), ревматизмъ съ сухостью помѣщенія и матеріаломъ построекъ, нервныя расстройства съ шумомъ, производимымъ двигателями и фабричною сутолокой, и такъ далѣе. Очевидно уменьшать возможность заболѣваній важнѣе, чѣмъ ихъ лѣчить, въ особенности при несовершенномъ состояніи нашей терапіи.

Больше пользы приносить въ санитарномъ отношеніи хорошо поставленная техника, чѣмъ больницы. Поэтому, постройка, прежде чѣмъ строиться, должна во всѣхъ подробностяхъ быть разсмотрѣна глазами санитарнаго врача, конечно, вооруженнаго мѣстными статистическими таблицами. Хорошею мостовою должна считаться не только удобная для ѣзды, но и непроницаемая и не дающая почвѣ загрязняться. Отопленіе наилучшее не то, которое даетъ наибольшее тепло при наименьшемъ расходѣ топлива, а то, которое наиболѣе предохраняетъ жителей отъ заболѣваній.

Достаточно ли изучена у насъ эта сторона техники и достаточно ли наши техники соображаются съ санитаріей? Врядъ ли.

То же можно сказать и о нашихъ педагогахъ. Не думаю, чтобы хорошимъ педагогомъ могъ быть названъ человекъ, прекрасно передающій дѣтямъ знаніе, даже достаточно ихъ развивающій, но не обращающій вниманія на санитарную часть. Какъ ребенка посадить по отношенію къ свѣту, сколько его держать на мѣстѣ безъ отдыха, куда выпускать, какъ ему одѣваться, соблюдать правило чистоты и т. д. Все это весьма важно и, къ сожалѣнію, тоже часто упускается изъ виду педагогами.

Сильно нуждаемся мы и въ юридической разработкѣ всего, что касается санитаріи. Тутъ возникаетъ масса вопросовъ. Насколько можно обязательными постановленіями стѣснять жителей? Какія мѣры должны быть допущены къ прекращенію всего вредно отзывающагося на санитарныхъ условіяхъ города? Какъ должна быть устроена полиція? Какъ строго и какимъ

судомъ должны быть преслѣдуемы всѣ уклоненія отъ санитарныхъ правилъ.

Все это такіе вопросы, которые у насъ разрѣшены очень и очень неудовлетворительно. Почему фальсификація процвѣтаетъ въ разныхъ отрасляхъ производства пищевыхъ продуктовъ? Почему домовладѣльцы такъ мало заботятся о санитарномъ состояніи домовъ? Очевидно, потому, что несоразмѣрены средства предупрежденія и пресѣченія зла съ виной фальсификатора и нарушителя санитарныхъ правилъ.

Выгоднѣе нарушать законъ и лишь изрѣдка быть немного оштрафованнымъ, чѣмъ соблюдать постановленія. Улучшите полицію, чтобы виновный попадался не кое-когда, а всегда; усильте наказаніе и ускорьте судопроизводство — и перестанетъ быть выгоднымъ нарушеніе закона.

А у насъ при малѣйшемъ стѣсненіи человѣка, косвенно губящаго многихъ другихъ, кричатъ, что это нарушеніе свободы дѣлать то-то и то-то... Неудивительно, что такъ понимаютъ свободу тѣ, которые призваны издавать обязательныя постановленія, когда издають-то ихъ исключительно тѣ, которымъ выгоденъ произволь.

Все это вопросы уже разрѣшенные на Западѣ, и тамъ работа ведется къ тому, чтобы теорію провести въ жизнь; а у насъ еще спорять о томъ, можетъ ли зло быть терпимо или нѣтъ, и что важнѣе: жизнь людей (правда, простыхъ обывателей) или нѣкоторая выгода домовладѣльца, мясника, заводчика фруктовыхъ водъ или кондитера.

Да вообще-то жизнь у насъ простого обывателя цѣнится еще не высоко. А то неужели бы были возможны большіе города безъ хорошей питьевой воды и безъ канализаціи? А между тѣмъ, гдѣ у насъ хорошая вода въ достаточномъ количествѣ? гдѣ хорошая канализація? Да нѣтъ нигдѣ. А за границей деревни норовятъ имѣть воду и канализацію.

У насъ, какъ я уже говорилъ, такъ и чешутся руки вырубить уголокъ сада, чтобы поставить музей или храмъ славы, а

за границей вотъ что дѣлають: убѣждаются статистикой, что въ такой-то части города смертность больше, чѣмъ въ другихъ.

Приходятъ, положимъ, къ заключенію, что въ этой части слишкомъ скучены постройки, что воздухъ нездоровъ, что мало зелени. Что же дѣлають? Рѣшаютъ, что необходимо развести паркъ. Для этого выкупають (и выкупають по баснословной цѣнѣ, такъ какъ такія потребности возникаютъ въ частяхъ многочелюдныхъ, дорогихъ) цѣлыя кварталы, сносятъ многоэтажные дома и... разводятъ требуемый паркъ. И это дѣлается единственно, чтобы понизить силу смертности съ 25 на 20. Такъ цѣнится за границей человѣческая жизнь.

За санитарію у насъ берутся тогда, когда уже поздно, когда смертность непомѣрно высока, почва уже загрязнена, улицы узкія, дома сырые, антисанитарные. Пока городъ небольшой и не думаютъ о санитаріи.

Большому кораблю—большое плаваніе, а у насъ, моль, какая санитарія. Въ результатѣ что получается? Когда городъ вырастетъ, оказывается, что брюшной тифъ происходитъ отъ загрязненія почвы, но что та грязь, которою она пропитана, ни новыми мостовыми, ни новыми каналами уничтожена быть не можетъ. Надо было все это устраивать прежде, чѣмъ загрязнять почву. Или оказывается, что улица должна быть уширена, чтобы можно было привести ее въ здоровое состояніе, ибо высокіе дома, построенные по обѣ стороны и вызванные жизнью, превратили улицы въ антигигіеническій корридоръ безъ достаточныхъ свѣта и вентиляціи.

Это прекрасно поняли американцы, которые, прежде чѣмъ строить городъ, только задумавъ его, начинаютъ дѣлать планъ на тотъ случай, если бы онъ сталъ разрастаться. Не забываютъ ни санитарныхъ условій, ни вивеллировки, ни садовъ и бульваровъ, ни канализаціи, ни путей сообщеній. Такъ его и строятъ. Разросся городъ—его перестраивать не приходится, не пришлось ему разростись—бѣда не велика.

У насъ—отъ столицъ до уѣздныхъ городовъ—ездѣ заняты не полезными нововведеніями, а исправленіемъ старыхъ грѣ-

ховъ. И это свойство наше — быть крѣпкими заднимъ умомъ — крѣпко въ насъ сидитъ. Есть теперь города, которымъ почти безошибочно можно предсказать блестящую будущность, а, между тѣмъ, и тамъ вы услышите одно и то же: это успѣется, куда намъ теперь забѣгать впередъ. Живемъ, хлѣбъ ѣдимъ, и слава Богу.

Такъ ведется у насъ городское хозяйство; такъ говорятъ за правила. Можно ли при этомъ думать о цѣнѣ человѣческой жизни?

XXIX.

Больницы.

Городскихъ больницъ въ земскихъ губерніяхъ мало. Такъ уже сложилось, что уѣздные города свалили эту обязанность на уѣздныя земства, губернскіе города — на губернскія земства. Споръ между земствами и городами идетъ по этому поводу давнившій. Земства, очевидно, сначала не предвидѣли, что изъ этого выйдетъ, и замѣтивъ, что больницъ нѣтъ, поторопились ихъ пооткрывать, при чемъ больницы уѣздныхъ городовъ являлись центральными для уѣздовъ, больницы губернскія — для всей губерніи.

Сразу явился въ нихъ большой наплывъ больныхъ, при томъ болѣе городскихъ, чѣмъ уѣздныхъ. Плохіе пути сообщенія не позволяютъ бѣдному населенію добираться до уѣзднаго города, не говоря уже о губернскомъ.

Отдаленные уѣзды часто совсѣмъ не давали больныхъ губернской больницѣ.

Что дѣлать было? Отказывать горожанамъ и принимать лишь пріѣзжихъ сельчанъ? Помимо жестокости, это незаконно. Пришлось волей-неволей земствамъ нести тяготы городскія.

Мало того: законъ обязываетъ больницы класть безъ отказа нѣкоторыя категоріи больныхъ. Пришлось строить специально для горожанъ корпуса для сифилитиковъ, для заразныхъ (больныхъ тифомъ или оспой издалека не повезуть).

Нѣтъ губернскаго земскаго собранія, гдѣ бы не ругали бездѣятельности городовъ въ больничномъ дѣлѣ. Города, въ свою очередь, указываютъ на нѣкоторыя статьи расходовъ обязательныхъ, отъ которыхъ земства освобождены; на примѣръ, на тюрьму, раскрывающую свои негостепріимныя объятія и сельчанину; на войска, размѣщать которыя приходится городамъ. Но, какъ-никакъ, земства въ накладѣ, и этимъ сильно облегчаютъ городамъ сводить концы съ концами.

Другое дѣло въ городахъ, гдѣ нѣтъ земства. Тамъ городъ является представителемъ прогресса (очень и очень сравнительнаго). Понятно, что на города и легла обязанность заниматься просвѣщеніемъ народа и его лѣченіемъ. Такъ называемый земскій сборъ здѣсь такъ же мало помогаетъ городамъ, какъ города земствамъ, гдѣ таковыя есть.

Мнѣ пришлось бывать во многихъ больницахъ, большихъ и маленькихъ, столичныхъ, губернскихъ, уѣздныхъ и сельскихъ, общихъ, психіатрическихъ и специальныхъ — и долженъ признаться, что больницы далеко не на той высотѣ, на которой бы слѣдовало. И это относится почти ко всѣмъ. Если и облегчаются болѣзни, то безусловно не настолько, насколько было бы можно. И не столько дѣло въ недостаткѣ средствъ, сколько въ черствости ухода, начиная съ докторовъ и кончая послѣдними служителями. Ужъ на что много средствъ идетъ на больного въ московскихъ клиникахъ, но и тамъ, можетъ быть, еще хуже уходъ за больными, чѣмъ въ другихъ больницахъ.

Что же поможетъ этому, если не помогаетъ всемогущее средство — деньги? Найти средство не такъ легко. Я думаю, что главная причина недостаточно любовнаго ухода за больными — это черствость профессиональных служащихъ. Присмотрѣлись къ болѣзнямъ, къ больнымъ, къ страданіямъ, къ самой смерти.

Стонетъ ли больной, отходить ли онъ, это не расшевеливаетъ сердца сидѣлки, сестры, фельдшера, доктора. Они привыкли и къ стонамъ и къ смерти. Если и есть исключенія, то они рѣдки. Да и врядъ ли послѣ двадцатилѣтней работы въ больницѣ возможно такое исключеніе.

Потому, я думаю, на войнѣ уходятъ сестеръ лучше, что онѣ большею частью не профессионалки. На войнѣ обстановка новая и для профессионала. Страданія болѣе интенсивны, чѣмъ въ обывательской больницѣ. Новизна дѣла создаетъ новыя отношенія. Въ обывательскихъ же больницахъ все опускаются.

Сидѣлки ночью не дозовешься, такъ что больнымъ приходится услуживать другъ другу. Фельдшерицы лѣкарства подаютъ не въ-время, какъ-нибудь, температуру измѣряютъ плохо. Доктора осматриваютъ больныхъ недостаточно подробно и стараются поскорѣе пробѣжать по больнымъ, чтобы не упускать частную практику.

Отъ этого не можетъ не подняться процентъ смертности, и, во всякомъ случаѣ, увеличивается сумма страданій. И все это отъ черствости персонала. А черствость отъ того, что приглядѣлись.

А до чего доходитъ пренебреженіе врачей къ личности больныхъ, даже если они очень хороши какъ врачи, можетъ показать слѣдующій примѣръ.

Въ качествѣ губернскихъ гласныхъ мы, человекъ пять-шесть, осматривали одну изъ южныхъ больницъ. По хирургической палатѣ насъ водилъ главный хирургъ, человекъ до послѣдней возможности преданный дѣлу. Онъ намъ показывалъ женщинъ, подвергшихся лапаротоміи, и каждой изъ нихъ приказывалъ раздѣться и показать животъ, чтобы мы полюбовались чистотой шва, хотя ничего въ этомъ, не будучи специалистами, не понимали. Подходимъ къ дѣвушкѣ. Онъ тоже велитъ ей раздѣться и показываетъ превосходный шовъ. При этомъ онъ, хлопая ее по животу, съ улыбкой говоритъ: «Замѣчательный случай самоубійства... видите... беременна на пятомъ мѣсяцѣ... это и послужило поводомъ къ самоубійству». И онъ намъ рассказывалъ подробно про свойства пораненія и операциі. Какъ должна была чувствовать себя несчастная жертва этого докторскаго самовосхваленія, которая незадолго до того, именно ради сокрытія беременности, воткнула себѣ кинжалъ въ животъ?!

Для самаго прекраснаго и добросовѣстнаго врача есть но-

меръ койки въ такой-то палатѣ, есть больной субъектъ, онъ же объектъ его лѣченія и его операціи, есть шовъ, есть болѣе или менѣе интересный случай, а больного человѣка—нѣтъ. Онъ специализировался въ своей патологии и терапіи, а то въ еще болѣе узкой специальности, и все остальное на свѣтѣ забылъ, забылъ даже, что есть другая точка зрѣнія на человѣка. То же отношеніе къ больному, какъ къ номеру, и у остальныхъ служащихъ больницы.

Такое общее правило, на темномъ фонѣ котораго ярко блеститъ самоотверженный врачъ, готовый пожертвовать своей жизнью для больного; сестра, до изнуренія старающаяся хоть немного скрасить положеніе умирающаго въ больницѣ; сидѣлка, кое-когда урывающая отъ своего сна, чтобы поухаживать за страдальцемъ не ради жалованья или чаевыхъ, а изъ любви къ ближнему.

Публика эти свѣтящіяся точки (я говорю о врачахъ и студентахъ, такъ какъ что Гекубѣ до какой-то тамъ сидѣлки?) часто принимаетъ по невѣдѣнію за свѣтлый фонъ. Вотъ происхожденіе слуховъ (къ сожалѣнію, недостаточно обоснованныхъ) о самопожертвованіи врачей. Это—тѣ павлиньи перья, въ которыя облакаются обыкновенныя вороны.

Не было ли бы коррективомъ, если бы женщины шли въ больницы помогать больнымъ, какъ идутъ на войны сестры не въ качествѣ профессионалокъ, а добровольцами? Устала, скажемъ, просто надоѣло, чувствуетъ, что нѣтъ прежняго рвенія—и уходи. Другая придетъ. Не то, что сестра или фельдшерица, зарабатывающая больничной работой средства къ жизни и не могущая уйти.

Можетъ, я думаю, помочь и большая гласность. Я какъ-то не видалъ, чтобы въ больницѣ бывали часто репортеры. Поэтому про больницу или пишутъ небылицы, какъ будто что-то тамъ въ застѣнкахъ творится ужасное, или ничего не пишутъ, пока вдругъ не раскроется самая невѣроятная исторія, въ родѣ систематическаго истязанія больныхъ. Небылицамъ же вѣрять, именно вслѣдствіе недоступности больницъ для гласности. Печать, по-

лучивъ доступъ туда, смогла бы внести свѣтъ въ это дѣло, и врачебный персоналъ волей-неволей долженъ бы былъ подтянуться.

Конечно, со всѣмъ этимъ нельзя отрицать пользу большой платы служащимъ, освобождающей ихъ отъ необходимости добиваться частной практики; нельзя отрицать и будущаго вліянія подъема общей культуры и этики, въ томъ числѣ и врачебной. Но главнымъ зломъ является все-таки превращеніе лѣчебной науки и искусства въ ремесло, дающее средства къ жизни. Понятно, что и кровать больного превращается въ машину, ручку которой мастеръ вертитъ отъ девяти до часу.

Наука специализируется, и больные теперь могутъ болѣе или менѣе найти хорошую помощь спеціалиста почти въ каждомъ губернскомъ городѣ. Но есть одинъ разрядъ больныхъ, которые наиболѣе нуждаются въ больничномъ уходѣ, даже если они неизлѣчимы, это — душевно-больные. И они-то и остаются чаще всего безъ врачебной помощи, часто служа опасностью для общества. Сколько несчастій случается отъ отсутствія призора за душевно-больными! Сколько ихъ самихъ погибаетъ или сидитъ на цѣпи!

Строются больницы для душевно-больныхъ совершенно случайно. Въ иной губерніи есть такая больница за счетъ губернскаго земства на 500—800 человѣкъ, въ иной ничего нѣтъ. Кое-гдѣ есть правительственныя окружныя больницы на нѣсколько губерній, а то есть цѣлые районы вовсе безъ помощи. Города въ этомъ дѣлѣ не участвуютъ вовсе, кромѣ двухъ-трехъ исключеній. Какъ будто бы права на жизнь, на уходъ душевно-больные или, какъ ихъ называютъ, сумасшедшіе не имѣютъ, или, по крайней мѣрѣ, люди еще не вполне сознаютъ это право. Положеніе же семьи съ такими больными кое-гдѣ истинно драматическое. Мнѣ семья, приковавшая больного къ стѣнѣ, доказала, что другого выхода нѣтъ, и я съ этимъ вынужденъ былъ согласиться. Послѣ этого, кто виноватъ? Грубые ли нравы дикой семьи или невниманіе къ этимъ несчастнымъ просвѣщенныхъ самоуправленій?

Кстати: нигдѣ, какъ въ психіатріи, не требуется врачей, да и прислуги тихихъ, терпѣливыхъ, любящихъ больныхъ. А то какъ часто случаются избіенія больныхъ до смерти, побѣги и всякіе другіе беспорядки. Никакая отрасль медицины не дала зато столько врачей истинно преданныхъ дѣлу. Помяну къ слову недавно умершаго въ Тамбовѣ Федора Ивановича Бартелинка. Какая была великая любовью, хотя и маленькая ростомъ, фигура! Ударить его больной, онъ, не отходя отъ него, укоризненно покачаетъ головой и скажетъ своимъ нѣмецкимъ выговоромъ: «Ахъ... Фуи, Николай Ивановичъ, какъ вамъ не стыдно драться!» И всѣ больные къ нему лѣзли, пожимали руки, всѣ его любили. И горе, бывало, если кто изъ прислуги употребить слово «сумасшедшій» вмѣсто «душевно-больной». Онъ понималъ, что душевно-больной—тоже человѣкъ!

Помню и обратное: великій ростомъ и малый духомъ директоръ больницы. Когда онъ обходилъ «сумасшедшихъ», они изо всѣхъ угловъ глядѣли дико на него, какъ звѣри; и не знаю, что онъ подумалъ бы, если бы кто-нибудь изъ больныхъ протянулъ ему руку. Онъ не чуждъ былъ и антисемитизма въ стѣнахъ такого заведенія даже по отношенію къ больнымъ.

Онъ не зналъ, что наука отвергаетъ желѣзныя рѣшотки въ окнахъ, отвергаетъ и маленькія окна подъ потолкомъ въ изоляціонныхъ камерахъ. А терпѣли его и считали хорошимъ земцы, очевидно, сами не видѣвшіе благоустроенной больницы душевно-больныхъ.

Желательно было бы, чтобы при медицинскихъ обществахъ, кромѣ съѣздовъ, образовались всероссійскія бюро изъ выбранныхъ съѣздами ученыхъ, которые бы являлись третейскими судьями и экспертами въ сомнительныхъ случаяхъ. Эти же бюро, а можетъ быть и другія, разрѣшали бы вопросы врачебной этики. Многого не знаетъ публика даже культурная, и приходится довѣряться врачамъ, которые хотя и считаются специалистами, но часто далеко не на высотѣ положенія. Дѣятельность «Врача» временъ Манасеина показала, насколько необходимъ такой медицинскій авторитетъ, конечно, вліяющій часто нравственнымъ пу-

темь. Составьте бюро изъ людей истинно научныхъ и чистыхъ (образцы таковыхъ дала же русская статистика), и ихъ будутъ приглашать для разрѣшенія всякихъ недоразумѣній, для сужденія о разныхъ проектахъ. Польза была бы громадная. Весь вопросъ: можетъ ли выдвинуть такія бюро наша медицина, средній этической уровень которой не такъ высокъ? Деньги русскую статистику не развратили, какъ русскую медицину.

XXX.

Воспитательные дома.

Послѣдніе года въ разныхъ земствахъ и городахъ сталъ чаще и чаще въ собраніяхъ и думахъ ставиться вопросъ: что дѣлать съ подкинутыми дѣтьми?

По мѣрѣ надобности воспитательные дома стали открываться. Расходъ на нихъ не больно великъ. Десять-двадцать грудныхъ дѣтей не Богъ вѣсть чего стоятъ. Конечно, учредили комплекты: открыли пріютъ на пятьдесятъ подкидышей (смотрите, не больше). Принесли пятьдесятъ перваго. Чтò было съ нимъ дѣлать? Не выбросить же его въ рѣку или на морозъ, какъ котенка (да и тѣхъ — охъ! какъ жалко) — волей-неволей смотрительницѣ или завѣдывающему врачу пришлось его принять. То же было съ пятьдесятъ вторымъ, третьимъ и т. д. Изъ нормы вышли. Доложили собранію, и собранію ничего не оставалось, какъ повисить эту норму...

Годъ шель за годомъ: дѣти подростали, другія поступали. Ни большая смертность, ни отдача дѣтей на сторону не остановили роста заведенія. Кое-гдѣ уже приходится брать назадъ дѣтей, отданныхъ на сторону на время. Возникаетъ вопросъ: чтò съ этимъ дѣлать? Какъ воспитывать дѣтей? Откуда взять денегъ? А главное, чтò изъ этого выйдетъ.

Мнѣ и въ земствахъ, и въ думахъ пришлось дебатировать этотъ вопросъ о деньгахъ, и разрѣшаемъ онъ бывалъ каждый разъ такъ: денегъ дать, а о будущемъ подумать.

Денегъ всегда давали, и — къ чести общественныхъ учреждений долженъ сказать, — рѣчь шла главнымъ образомъ о томъ, какъ поставить дѣло, сколько дать, чтобы питомцамъ было хорошо и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы не бросать денегъ. А о закрытіи или искусственномъ уменьшеніи числа воспитанниковъ, если вопросъ и поднимался, то заглушался протестами остальныхъ членовъ собранія.

И дѣйствительно: какъ вы уменьшите число призрѣваемыхъ малютокъ, — не принимая ихъ? Тогда дорога имъ одна: на тотъ свѣтъ. Не принять этого жалкаго человѣческаго существа — значитъ убить его. Не настолько еще очерствѣло сердце наше.

На языкѣ у насъ слова «бѣдные», «альтруизмъ», а кто бѣднѣе подкидыша? гдѣ лучше проявится альтруизму?

И такъ... пріюты растутъ... смѣты растутъ... подкидыши растутъ. И встаютъ передъ нами общественные вопросы громадной важности: почему растетъ число подкидышей? Что изъ этого выйдетъ? Какъ ихъ воспитывать?

Вопросъ о числѣ ихъ разрѣшается какъ будто просто: подкидышей, казалось бы, не будетъ, когда матери можно будетъ воспитывать своего ребенка. Вѣдь и бросая его въ море и подбрасывая въ пріютъ, она бросаетъ кусокъ своего тѣла. Улучшите ея положеніе и — можно бы думать — рѣдкая мать броситъ своего ребенка. А положеніе матери улучшится тогда, когда вообще ей легче будетъ жить на свѣтѣ какъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ и въ ея отношеніяхъ къ обществу. Къ подъему матеріальнаго благосостоянія направлена почти вся умственная работа Европы; за послѣднія десятилѣтія найдены новые пути, имѣющіе привести насъ къ тому улучшенію, которое всякой матери дастъ кусокъ хлѣба и нужное ея ребенку грудное молоко. Итакъ, можно бы ждать разрѣшенія вопроса. Къ сожалѣнію, есть нравственные побужденія къ подбрасыванію дѣтей. Это позоръ, которымъ отмѣчено незаконное рожденіе. И, увы! мевѣ успѣшно идетъ нравственный успѣхъ, чѣмъ матеріальный. Когда общество перестанетъ презирать дѣвушку-мать? Когда перестанетъ бросать въ нее камень? Когда — ужасно ска-

зять—оно мнимый позоръ матери перестанетъ распространять на невинное дитя?

Вопросы, казалось бы, не нужные, лишніе... между тѣмъ, увы! это главные вопросы, сводящіеся къ тому, когда люди свое удовольствие, покрытое гнусностью, ложью, измѣной, убійствомъ, перестанутъ ставить въ вину своей жертвѣ.

Послушайте разговоры людей (все равно богатыхъ и бѣдныхъ, интеллигентныхъ и неграмотныхъ) о женщинахъ за обѣдомъ. Что омерзительнѣе теоріи, чтобы связь съ женщиной была отнюдь не продолжительной, со смѣхомъ обсуждаемаго обольщенія дѣвушки съ обдуманнѣмъ намѣреніемъ ее бросить, когда нужно будетъ, публичнаго хвастовства тѣмъ, что люди скрываютъ?

И сопоставьте съ этимъ бросанье камня въ дѣвушекъ-матерей. Разговоры о ихъ безнравственности тѣхъ самыхъ, которые деньгами, обѣщаніями жениться, а то и насиліемъ ими овладѣли.

И хочется сказать такимъ людямъ: горе вамъ, книжники и фарисеи, лицебры!.. Но вѣтъ... горе не имъ, а горе дѣвушкѣ-матери! Горе безысходное, до самоубійства и дѣтоубійства включительно! Горе народившемуся ребенку, который двадцать тридцать лѣтъ позднѣе все же продолжаетъ возбуждать презрѣніе своихъ законныхъ братьевъ.

И эта ложь, эта гадость, эта явная нелѣпость повторяется, дѣлается часто подъ прикрытіемъ законовъ и даже религій.

Принято послѣднія десятилѣтія все приписывать экономическимъ причинамъ. То, о чемъ я сейчасъ говорилъ, думаю, въ этой области, хотя съ ней и соприкасается.

Хочется вѣрить, что девятнадцатый вѣкъ—вѣкъ техники и экономическихъ теорій смѣнится двадцатымъ—вѣкомъ истинно культурнаго и нравственнаго подъема общества, который скорѣе техники подниметъ общее матеріальное благоустройство.

Итакъ, причинъ, почему много подбрасываемыхъ дѣтей, двѣ—бѣдность матерей, не могущихъ прокормить дѣтей, и дикость общества, не понимающаго, что культура заключается не въ однихъ летательныхъ снарядахъ, но и въ отношеніяхъ спра-

ведливыхъ и гуманныхъ сильныхъ къ слабымъ на дѣлѣ, а не на словахъ только.

Теперь, что дѣлать съ подкидышами? Въ таврическомъ земствѣ при мнѣ былъ такой порядокъ: у пріюта былъ поставленъ особый городской, который хваталъ женщинъ, собиравшихся подкинуть ребенка. Мать, рѣшившая разстаться съ ребенкомъ, очевидно это сдѣлаетъ: поэтому часть дѣтей стала подбрасываться къ дверямъ обывателей съ рискомъ замерзнуть, а отъ обывательской двери подкидышь шелъ въ тотъ же пріютъ. Говорили тогда многіе гласные, что такой порядокъ, помимо своей жестокости, не ведетъ къ дѣли—но городской остался. Не знаю, какъ теперь.

Итакъ, что же? Городовыхъ и сторожей не надо. А надо повѣсить люльку и провести звонокъ, чтобы спасти какъ можно больше дѣтей.

А деньги? Вопросъ о деньгахъ второстепенный, когда дѣло идетъ о многихъ человѣческихъ жизняхъ, а можетъ быть о перемѣнѣ всей системы воспитанія дѣтей. Какое бы дѣло ни начиналось, всегда поднимался вопросъ о деньгахъ, всегда казалось положеніе безвыходнымъ.

Если у земствъ или у городовъ не будетъ денегъ, правительство вынуждено будетъ придти на помощь, увеличивъ источники обложенія или принявъ часть расходовъ на себя. Но нельзя дѣла призрѣнія дѣтей остановить, не вернувшись чуть ли не къ дикимъ временамъ людоѣдства.

Интереснѣе съ общественной точки зрѣнія, что дѣлать съ этими деньгами, что изъ нихъ выйдетъ и какъ съ прогрессирующимъ этимъ явленіемъ считаться будущей организаціи общества.

Есть очень для меня непонятное явленіе. Какъ бы скупо общественное собраніе ни было, земское или думское, въ дѣлѣ воспитанія своихъ питомцевъ оно всегда проявляетъ большую щедрость, иногда даже излишнюю.

Такъ дѣлается со всѣми мнѣ извѣстными сиротскими пріютами. Кажется, что гласнымъ совѣстно не додѣлать дѣло воспи-

танія порученныхъ имъ дѣтей. Такъ они отдають ихъ въ гимназіи и другія среднія учебныя заведенія и, конечно, въ случаѣ успѣха, проводятъ ихъ черезъ университетъ.

Къ сожалѣнію, при массѣ затратъ только небольшой процентъ достигаетъ цѣли, то-есть окончанія высшаго и даже средняго образованія. Что дѣлается съ остальными. Регистрація обыкновенно цѣли не достигаетъ. Выбитый изъ колеи юноша теряется скоро изъ виду.

Неудачны и профессиональныя заведенія (черниговское земство). Они тоже обходятся дорого и результаты даютъ недостаточныя. Думаю, что хороша была бы система отдачи ихъ въ мастерскія, съ платой рублей по десяти въ мѣсяцъ. Конечно, надо имѣть въ виду мастерскія крупныя, которыя бы брали помногу учениковъ заразъ, чтобы былъ особый надзоръ за ними и отвѣтственность заведенія за хорошее обращеніе и обученіе. Но это подробности.

Важно то, что растетъ масса безправныхъ людей. Отчего это? Ясно, что рушатся постепенно устои семьи. Подъ вліяніемъ экономическихъ причинъ и другихъ отецъ понемногу сталъ отказываться отъ своихъ обязанностей. Семья изъ трехчленной (отецъ, мать, ребенокъ) дѣлается двухчленной (мать, ребенокъ), и такая семья оказывается неспособной къ жизни и дальше распадается. Воспитаніе дѣтей соотвѣтственно съ этимъ становится дѣломъ общества.

Правда, отцы дѣлають видъ, что это ихъ право бросать женъ и дѣтей, ибо это не ихъ законныя жены и дѣти. Но по природѣ и передъ Богомъ эти жены и дѣти не менѣе законны, чѣмъ признанныя людьми. Впрочемъ и правительство наше признало всѣхъ дѣтей имѣющими право на родителей.

Два гуманныхъ закона издано за послѣднее двадцатилѣтіе. Въ прошлое царствованіе законъ объ узаконеніи дѣтей бывшихъ незаконными и недавній законъ о внѣбрачныхъ дѣтяхъ. Въ этомъ случаѣ Общество является хуже правительства. Оно продолжаетъ презирать незаконныхъ дѣтей. Гдѣ будетъ этому конецъ? Поднимется ли культура настолько, что побѣдитъ фарисейство и

предразсудка? Или надо ждать, чтобы незаконныя дѣти сами своею численностью заявили устарѣлому обществу о своихъ правахъ на общечеловѣческое существованіе?

Вотъ грозные вопросы будущаго, можетъ быть, не столь отдаленнаго. И неужели разрѣшеніе такихъ вопросовъ остановится предъ смѣтой тѣхъ или другихъ земствъ и городовъ?

Вотъ передъ началомъ какого процесса мы теперь стоимъ и задержать его ходъ сокращеніемъ смѣты мы можемъ не больше того, какъ можетъ пятилѣтній ребенокъ задержать за колесо мчащуюся тройку.

Намъ остается одно: идти за теченіемъ и исполнять свой долгъ, воспитывая, какъ умѣемъ, посланныхъ Богомъ дѣтей. По этому пути, помимо иногда ихъ желаній, и идутъ всѣ земства и города Россіи...

XXXI.

Ветеринарная часть.

Я глубоко убѣжденъ, что современемъ, конечно, далекимъ, ветеринарія исчезнетъ, исчезнетъ потому, что не будетъ домашнихъ животныхъ, какъ не будетъ, гораздо (само собою разумѣется) раньше, дикихъ звѣрей. Ни тѣмъ, ни другимъ мѣста на землѣ не будетъ.

Бѣсть мясо мнѣ всегда казалось грѣхомъ, тонкимъ видомъ людоедства. Если вникнуть хорошенько, то мысль, что черезъ часъ я буду жевать мясо этой несчастной курицы, что беззаботно клюетъ зерна у моихъ ногъ — поистинѣ ужасна. И я не могъ никогда понять, какъ могли такіе люди, какъ Тургеневъ и Аксаковъ-отецъ, описывать охоту или рыбную ловлю. Вся прелесть деревенской природы испортится, если подумать о несчастной птицѣ, бьющейся въ предсмертныхъ судорогахъ, или о рыбѣ, поднятой на крючекъ.

Уничтожится яденіе мяса само собою. Сначала это будетъ удѣломъ избранныхъ, а понемногу этика, часто являющаяся

результатомъ экономическихъ требованій жизни, скажетъ свое вѣское слово, что человѣкъ—не плотоядное животное, и это подтвердитъ не менѣе вѣско медицинская наука. Останется нѣсколько экземпляровъ домашнихъ животныхъ въ зоологическихъ садахъ.

Но пока что, мясо въ пищу, лошадь въ упряжи намъ кажутся настолько нужными, что не будь животныхъ, мы были бы поставлены въ очень затруднительное положеніе. А пока животныя нужны, нужна и ветеринарія, и чѣмъ больше городъ растеть, тѣмъ необходимѣе бываетъ организовать эту часть.

Первое, за что обыкновенно берутся, это—бойня. Когда бойни нѣтъ, въ маленькихъ городахъ и деревняхъ скотину рѣжутъ по дворамъ; кровь, внутренности тутъ же остаются, гниють, заражаютъ воздухъ, распространяя заразу. Естественно, при болѣе или менѣе значительномъ ростѣ города издать правила, запрещающія убой скота на дворахъ. Отводится особое мѣсто, гдѣ частный предприниматель или самъ городъ устраиваетъ бойню. Рѣзать скотину во всякомъ другомъ мѣстѣ воспрещается. Отъ элементарной бойни маленькаго города до столичныхъ, иностранныхъ боевъ громадное разстояніе. Хорошая бойня должна удовлетворять многимъ условіямъ:

- 1) Должны быть самымъ совершеннымъ образомъ соблюдены правила санитаріи.
- 2) Всякая возможность, что съ бойни поступитъ мясо вредное для здоровья, должна быть устранена.
- 3) Животныя должны быть убиваемы съ наименьшими мученіями.
- 4) Чтобы по возможности всѣ продукты, добытые изъ убитаго животнаго, шли въ дѣло, а не выбрасывались.

Первое требованіе, чтобы были удовлетворены всѣ правила санитаріи, вызываетъ различныя дорого стоящія приспособленія. Необходимо, чтобы бойня была снабжена цѣлой системой водопроводныхъ трубъ и канализаціонныхъ стоковъ. Нужно, чтобы всякое мѣсто на бойнѣ всегда могло быть вымыто по возможности простымъ открытіемъ крана; нужно, чтобы эта вода съ

собранными нечистотами уносилась въ море или въ поля орошенія. Вода нужна и для промыванія частей убитаго животнаго, напримѣръ, кишекъ, и для купанія только-что приведенныхъ животныхъ, что, говорятъ, улучшаетъ качество мяса, и для чего въ Берлинѣ, напримѣръ, устроены цѣлыя искусственныя пруды съ проточной водой.

Какъ ни использовать всѣ части убитаго животнаго, получаютъ отбросы, напр., содержимое кишекъ, которые необходимо сжигать въ особыхъ сильно дѣйствующихъ печахъ.

Сама постройка бойни стоитъ дорого. Стѣны должны быть выкрашены масляной краской, съ которой легко обмывается кровь; крыши должны быть, по возможности, мало теплопроводны; мостовая большихъ дворовъ непроницаема для жидкостей, во избѣжаніе загрязненія почвы.

Второе требованіе, предъявляемое къ бойнѣ, это—чтобы изъ нея выпускалось лишь безусловно безвредное мясо. Это требуетъ строгаго ветеринарнаго надзора, во-первыхъ, и тщательныхъ изслѣдованій, во-вторыхъ. Внимательный осмотръ скотины передъ убоемъ необходимъ, необходимъ и бактериологическій кабинетъ. Каждая свиная туша въ особенности должна быть изслѣдована. Присутствіе трихинъ вызываетъ сожженіе туши; финозное же мясо настолько распространено и, вызывая лишь глисты—болѣзнь не столь страшную, какъ отравленіе трихинами—идеть въ продажу. Хорошо еще, если это финозное мясо и продается за таковое. Прежде и этого не было. Продается и туберкулезное мясо.

Желаніе употребить въ дѣло финозное мясо, сдѣлавши его безвреднымъ, повлекло за собой устройство стерилизаціонныхъ заводовъ, гдѣ зародыши глистовъ умерщвляются. Такое обезвреженное мясо продается по дешевой цѣнѣ бѣднымъ людямъ.

Слыхалъ я мнѣніе такое: продавать бѣдотѣ такую завѣдную дрянь, хотя бы и задешево, — безнравственно. Думаю, что нѣтъ. Конечно, было бы лучше, если бы всѣ, и бѣдота въ томъ числѣ, могли кормиться хорошимъ свѣжимъ мясомъ. Но пока этого нѣтъ, и пока бѣдота ѣсть мясо по золотникамъ, и то

лишь въ праздники, хорошо и то, если ей доступно станеть хоть стерилизованное мясо. Я его ѣлъ въ Берлинѣ, и смѣю увѣрить читателя по опыту, что оно въ общемъ мягче даже хорошаго свѣжаго мяса. Скоро гастрономы будутъ бранить своихъ поваровъ, почему они не купили стерилизованнаго мяса, а свѣжаго.

Стерилизаціонный заводъ относится къ разряду такъ называемыхъ утилизаціонныхъ заводовъ, т.-е. такихъ, которые призваны использовать разные отбросы боенъ. Къ утилизаціоннымъ заводамъ относятся еще альбуминные для использованія крови, кишечные—подготовки кишекъ для колбасъ и струнъ; тутъ же, какъ переработанные отбросы, получаютъ удобрительные туки, тутъ же и лѣкарственные средства.

Все это постепенно и неизбѣжно заводится при большихъ заграничныхъ бойняхъ. Все это современемъ заведется и у насъ.

Чтобы финовое мясо можно было насильственно отнимать у мясоторговцевъ, приводящихъ скотину на бойню, нужны громадныя средства, которыя могутъ быть получены только путемъ обязательнаго взаимнаго страхованія скота. Получаемое же стерилизованное мясо надо продавать, для чего въ бѣднѣйшихъ кварталахъ устраиваются особыя лавки.

Вотъ какъ цѣпляются за собой потребности и какъ одно учрежденіе естественно возникаетъ изъ другого. Санитарныя требованія вызываютъ устройство бойни, бойня требуетъ лабораторіи для изслѣдованія мяса; отбросы и не совсѣмъ хорошее мясо приводятъ къ утилизаціоннымъ заводамъ и, наконецъ, мы не можемъ обойтись безъ лавокъ для продажи исправленнаго мяса. А тутъ не одинъ ли шагъ до муниципальной продажи и хорошаго мяса?

Торговля мясомъ еще болѣе, чѣмъ другія, имѣетъ стремленіе сосредоточиться если не въ однихъ, то, во всякомъ случаѣ, немногочисленныхъ, но сильныхъ рукахъ.

Отъ этого до стачки мясоторговцевъ и искусственнаго повышенія мяса одинъ шагъ. Борются съ этимъ таксами; таксы не соблюдаются, — и вотъ между горожанами и городскимъ само-

управленіемъ, съ одной стороны, мясоторговцами, съ другой, идетъ постоянная война. Протоколы однихъ, обманы со стороны другихъ—вотъ орудія борьбы.

И вотъ, додумались до иной борьбы путемъ конкуренціи. Кое-гдѣ, даже въ Россіи появились мясныя лавки. Нельзя сказать, чтобы дѣло шло безукоризненно, но что это несомнѣнно привьется—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія.

А для мясныхъ лавокъ нужны стада, для стадъ нужны пастбища, земли, дворы; а на земляхъ хорошо имѣть и фермы, такъ какъ молоко у насъ съ водой, известью и коховскими бактеріями, а масло съ саломъ.

Вотъ вамъ обширное поле для ветеринаріи. Мы естественно дошли до того, что городу придется имѣть обширное имѣніе съ хорошо поставленнымъ скотоводствомъ.

До амбулаторнаго и стационарнаго лѣченія скота мы еще не дошли. Кое-гдѣ есть, преимущественно за границей, изоляціонные пункты, куда сажаютъ животныхъ, подозрѣваемыхъ въ сальфъ, бѣшенствѣ, чумѣ. Кое-гдѣ дѣлають прививки противочумныя, но въ громадномъ большинствѣ случаевъ лѣчатъ согласно наукѣ свою скотину—удѣль богатыхъ людей. Борьба съ эпизоотіями, вслѣдствіе недостатка городскихъ ветеринаровъ, ведется съ большимъ трудомъ, и часто побужденіемъ къ тому, чтобы обращаться за ветеринарною помощью, служить выдаваемое за убиваемый подозрительный скотъ вознагражденіе.

Тѣмъ не менѣе, чтобы локализовать по возможности нѣкоторыя эпизоотіи, устраиваются скотопригонные и конные дворы. Устраиваются дворы съ навѣсами и конюшнями, и объявляется посредствомъ обязательнаго постановленія, что всѣ гурты и отдѣльныя головы мясного скота по приводѣ ихъ въ городъ продаются обязательно на скотопригонномъ дворѣ. Такимъ же образомъ устраивается помѣщеніе для продажи лошадей, и въ немъ сосредоточивается конская торговля.

Вотъ краткій перечень всѣхъ дѣлъ, входящихъ въ кругъ обязанностей ветеринарнаго надзора. У этой отрасли городского

хозяйства есть особенность, отличающая ее от другихъ. Она ничего не стоитъ городу, а можетъ давать чистый доходъ.

За бойню, за скотопригонный и конный дворы берутся деньги, и дѣло города регулировать эту плату, чтобы слишкомъ дешевая плата не вызывала дефицита и чтобы слишкомъ высокая не поднимала цѣну на мясо выше извѣстной нормы. Утилизационные заводы, продажа мяса стерилизованнаго и здороваго, молочныхъ продуктовъ—все это, будучи правильно поставлено,—тоже статьи доходовъ, а не расходовъ. Къ тому же бойня и все, что за нею слѣдуетъ, служить болѣе, чѣмъ какое-либо другое предпріятіе, оздоровленію города и сохраненію здоровья жителей. Поэтому удивительно, что наши города такъ медленно движутся по этому пути, къ тому же ничего не стоющему. Объясняется это только косностью настоящихъ самоуправленийъ.

Относительно ветеринаровъ я долженъ привести субъективное замѣчаніе, которое хотѣлось бы провѣрить опытомъ другихъ. Земскіе и городскіе ветеринары, по-моему, выше стоятъ въ смыслѣ этики, чѣмъ врачи. Казалось бы, должно бы быть наоборотъ. При поступленіи студенты университетовъ по диплому выше студентовъ ветеринарныхъ институтовъ. Врачи имѣютъ дѣло съ организмами порядка высшаго, чѣмъ ветеринары.

И тѣмъ не менѣе, ветеринарія намъ и въ отдѣльныхъ лицахъ, и въ общемъ даетъ сравнительно больше примѣровъ неукоснительнаго исполненія гражданскаго долга, чѣмъ медицина. Если я ошибаюсь, то прошу господъ медиковъ меня извинить.

Не объясняется ли это тѣмъ, что людское здоровье дороже цѣнится, чѣмъ здоровье скотины? А гдѣ ближе къ деньгамъ, дальше отъ этики. Впрочемъ, можетъ быть, мнѣ такъ случайно приходилось встрѣчаться съ выдающимися ветеринарами. А что облагораживающее вліяніе имѣютъ, повидимому, не сами ветеринарныя науки, а лишь условія работы именно общественной ветеринаріи, доказываютъ частые конфликты земскихъ и городскихъ ветеринаровъ съ другими неземскими и не городскими, конфликты всегда весьма некрасивые со стороны послѣднихъ.

Эти-то конфликты, можетъ быть, и возвышаютъ общественныхъ работниковъ надъ общимъ уровнемъ.

Говоря о бойняхъ, я упомянулъ о требованіи, предъявляемомъ къ нимъ, чтобы ужасное дѣло боенъ дѣлалось по возможности безъ излишнихъ мученій для животныхъ. Они переживаютъ мученія преступниковъ, которыхъ ведутъ на казнь. Животныя чувствуютъ тоже, что ихъ собираются убить, только не чувствуютъ за собой вины, за которую несутъ наказаніе.

Я не видѣлъ боенъ во время ихъ дѣйствія, и, Богъ дастъ, не увижу, но по рассказамъ знаю, какъ это совершается жестоко, и при томъ на самыхъ усовершенствованныхъ бойняхъ.

Вотъ было бы, дѣйствительно, полезное открытіе, если бы придумали способъ такъ убивать животныхъ, чтобы они этого не знали напередъ. Неужели нельзя создать такой обстановки, чтобы и работа бойни не удорожилась и чтобы скотина не проходила черезъ этотъ ужасный періодъ ожиданій и приготовленій къ смерти?

XXXII.

Благотворительность.

Благотворительность, при настоящей организаціи человѣческихъ обществъ является обязанностью отдѣльныхъ людей, или небольшихъ группъ людей добровольно для того собравшихся, чтобы благотворить.

Судьба доводитъ нѣкоторыхъ людей до такого состоянія нищеты и несчастія, что имъ приходится погибнуть безъ посторонней помощи. Ясно, что обязанность имъ помочь должна бы быть распространена между всѣми другими людьми или поровну, или пропорціонально ихъ достатку. Но до такой простой идеи взаимнаго страхованія отъ несчастій люди не додумались, или додумались, но не вполнѣ.

Государства призрѣваютъ стариковъ, лѣчатъ больныхъ, воспитываютъ сиротъ, но все это какъ-то случайно. На всѣхъ ста-

риковъ, больныхъ, дѣтей помощь государства не распространяется. Въ своемъ эгоизмѣ люди находятъ болѣе насущныя для нихъ потребности, нежели помощь ближнимъ. Такимъ образомъ, официально не признано не только право на образованіе, но и на самую жизнь.

Получается какая-то аномалія. Съ самаго рожденія одинъ человѣкъ является на свѣтъ съ извѣстными правами, а другой безъ нихъ. Да кромѣ этихъ прирожденныхъ правъ, часто людей съ тѣми же правами, по слѣпому случаю, какъ въ лотереѣ, постигаетъ совершенно различная участь. Одинъ мальчикъ, больной, старикъ попадаетъ въ устроенную государствомъ школу, больницу, богадѣльню, другой—такой же—не попадаетъ; помощь государства недостаточна.

Тѣмъ бѣднымъ, которымъ въ этой жизненной лотереѣ выпалъ пустой билетъ, должны или погибать, или обращаться къ частнымъ благотворителямъ за помощью.

Развиваются съ одной стороны попрошайничество, нищенство, съ другой—скопленіе ненужныхъ богатствъ, скупость, эгоизмъ. Въ результатѣ все-таки недостаточность и этой частной благотворительности, и для многихъ незаслуженныя страданія и смерть.

Чтобы помочь дѣлу, нѣкоторыя группы людей стали собираться въ особыя благотворительныя общества, поставившія себѣ задачей помогать той или другой категоріи несчастныхъ. Кому и какъ помогать, является часто дѣломъ моды. Въ общества же попадаютъ или лучшіе, самые добрые люди, или чванные, ничѣмъ не занятыя, ищущіе популярности.

Въ общемъ помощь получаетъ въ большинствѣ незначительный процентъ нуждающихся, и опять въ концѣ концовъ получается больше шума, чѣмъ дѣйствительной пользы.

Поставлено дѣло будетъ правильно лишь тогда, когда, съ одной стороны, оказаніе помощи ближнимъ, впадшимъ въ несчастіе, будетъ не подвигомъ, заслуживающимъ награды или благодарности потомства, а обязанностью всего общества; а съ другой—полученіе этой помощи будетъ вызываться не игрой

слѣпота, а правомъ всякаго человѣка на жизнь, на лѣченіе, на образованіе, на нѣкоторыя минимальныя удобства.

Лучшимъ образомъ это можетъ быть достигнуто системой обязательнаго страхованія отъ несчастій, при чемъ, чѣмъ шире будетъ кругъ страхователей, тѣмъ совершеннѣе будетъ сама система, такъ какъ тѣмъ больше будетъ источниковъ для удовлетворенія этой громадной потребности. Другими словами, благотворительность—дѣло цѣлыхъ государствъ.

Но это все дѣло далекаго будущаго. Теперь намъ приходится дѣлать что можемъ, исходя изъ горькой дѣйствительности.

А горькая дѣйствительность такова.

Стали образовываться общества съ болѣе или менѣе большимъ числомъ членовъ, которые своею цѣлью поставили благотворительность. Большинство такихъ обществъ избираетъ болѣе или менѣе узкую спеціальность. Одни благотворяютъ всякимъ учащимся или учащимся опредѣленнаго заведенія, другія большимъ извѣстной больницы или больнымъ опредѣленной болѣзнию, третьи—только мальчикамъ, четвертыя—семьямъ пожарныхъ и т. д.; не перечестъ всѣхъ спеціальностей благотворительныхъ обществъ.

Многое дурное примѣшивается къ хорошему самому по себѣ дѣлу благотворенія. Всѣ эти смѣшныя, а иногда и грустныя стороны благотворительности достаточно извѣстны. Останавливаться на нихъ не стоитъ. Но два главныхъ недостатка этого дѣла слѣдующіе.

1) Все это—капля въ морѣ человѣческой нищеты, страданія, потребностей. Это не рѣшаетъ вопроса. Сравните число больныхъ призрѣваемыхъ съ тѣми, которые вынуждены лежать Богъ вѣсть гдѣ, до ночлежнаго дома включительно; сравните число стипендіатовъ разныхъ учебныхъ заведеній и вообще лицъ, учащихся благодаря тому или другому виду посторонней помощи, съ той массой жаждущихъ образованія, но не получающихъ его по причинѣ бѣдности; сравните ничтожное число призрѣваемыхъ съ милліонами, живущими подъ открытымъ небомъ, въ ночлежныхъ домахъ или помѣщеніяхъ, куда мы не захо-

тѣли бы помѣстить нашихъ собакъ; сравните, наконецъ, число накормленныхъ благотворительными обществами съ числомъ голодныхъ, и поневолѣ сознаетесь, что современная благотворительность не рѣшаетъ вопроса.

2) Самое существованіе того или другого общества, того или другого благотворительнаго учрежденія—явленіе почти всегда случайное. Соберутся люди, и ну измышлять, что бы имъ такого придумать получше, или представится кому-либо ужасный жизненный случай, и давай организовывать сочувствующее общество. Никакой общей руководящей нити, никакого соотвѣтствія благотворенія дѣйствительной потребности. Вѣдь и это нелѣпо, чтобы такая важная потребность, какъ облегченіе несчастій, удовлетворялась въ ничтожныхъ размѣрахъ, да при томъ случайно.

Пока право на жизнь, на образованіе, на облегченіе внѣ насъ самихъ лежащихъ страданій не будетъ признано, и борьба со всѣми и всѣмъ, что это право нарушаетъ, не сдѣлается одной изъ первѣйшихъ задачъ образованныхъ государствъ, мнѣ думается, что лучшимъ средствомъ борьбы со зломъ было бы объединеніе благотворительности въ однѣхъ рукахъ городскихъ общинъ.

Главные противъ этого возраженія таковы:

1) Теперь люди несутъ свои жертвы туда, куда сердце кому подсказываетъ. При централизаціи частный человекъ не будетъ имѣть возможности служить тому дѣлу, къ которому ближе лежитъ его сердце.

2) Люди сами какъ хотятъ распоряжаются своими средствами, тогда какъ при контролѣ самоуправленія они будутъ стѣснены, и многихъ это отвлечетъ отъ добраго дѣла.

3) Многие идутъ (чего грѣхъ таить?) изъ-за желанія прославиться, увѣковѣчить свое имя, а то и просто получить лишніе чины, ордена. Сдѣлайте благотворительность дѣломъ города, и всѣ эти жертвователи несомнѣнно мало-по-малу отстанутъ.

4) Наконецъ, слышали мы и то, что не къ лицу городу собирать пожертвованія, тѣмъ болѣе путями не совѣмъ прямыми, на примѣръ балами, вечерами.

Думаю, что и овцы могут быть цѣлы, и волки сыты. Возможно объединеніе, общее руководство хотя бы особеннымъ благотворительнымъ комитетомъ, состоящимъ при городскомъ самоуправленіи, безъ лишенія людей права нести свои жертвы куда хотятъ, расходовать ихъ по своему усмотрѣнію, получать отличія и увѣковѣчивать свои имена. Возможны и балы съ благотворительною цѣлью. Все зависитъ отъ организаціи.

Нѣкоторыя земскія и городскія средства и теперь идутъ на благотворительность. Разныя общества обращаются къ нимъ за помощью.

И помощь дается, но какъ? Въ большинствѣ случаевъ, если въ обществѣ есть лица, которымъ дума или собраніе довѣряетъ, то ему отпускается большая или меньшая субсидія. Я знаю примѣры самыхъ симпатичныхъ обществъ, не получавшихъ помощи за неимѣніемъ протекціи; и наоборотъ, другіе примѣры, когда тысячныя пособія получали общества, завѣдомо плохо ведшія дѣло, только потому, что во главѣ были свѣтскія дамы. Система пособій, отпускаемыхъ обществамъ городами, безъ общей системы и руководства, несостоятельна. У насъ въ Россіи попечительства о бѣдныхъ впервые заведены, кажется, Москвой. Дѣломъ вѣдаетъ дума, и идетъ оно правильнымъ путемъ, хотя, конечно, не вышло изъ стадіи чистой благотворительности.

Вообразимъ, что дума хочетъ взять на себя дѣло благотворительности. Я себѣ представляю слѣдующую организацію. Городъ раздѣленъ на участки: въ каждомъ особое попечительство, вѣдающее всѣ дѣла благотворительности. Всѣ эти попечительства объединяются въ одномъ центральномъ комитетѣ посредствомъ представителей; отношенія между ними были бы тѣ же, что между губернскимъ земствомъ и уѣздными. Въ мѣстномъ попечительствѣ свои были бы учрежденія, въ центральномъ свои, которыхъ, по свойству ихъ, не можетъ быть въ городѣ много, напримѣръ больницъ душевно-больныхъ.

Средства у каждаго попечительства были бы мѣстныя (сборы, спектакли, частныя жертвы), и кромѣ того дума отпускала бы средства, смотря по потребности. Этимъ установилось бы извѣст-

ное равновѣсіе: гдѣ средствъ много мѣстныхъ, туда не шли бы средства думы, которая спѣшила бы на помощь въ мѣстности бѣдныя.

Кромѣ главнаго центрального общества могли бы образовываться общества, задавшіяся одною опредѣленною цѣлью, но съ тѣмъ, чтобы они образовывались изъ членовъ тѣхъ же попечительствъ и, во всякомъ случаѣ, отнюдь не теряли бы связи съ главной организаціей.

Нужно главнымъ образомъ, чтобы по одной благотворительной дорожкѣ не шли съ завязанными глазами разные благотворители и чтобы, наоборотъ, ни одного уголка не ускользало отъ ихъ вниманія. Только при географическомъ распредѣленіи труда это возможно.

Не охладить ли это работниковъ? Думаю, что нѣтъ. Вѣдь самостоятельность отдѣльнаго лица или отдѣльнаго попечительства и спеціальнаго комитета ничѣмъ не будетъ нарушена. Наоборотъ, каждый получитъ большое удовлетвореніе, зная, куда направить несчастнаго, которому самъ помочь не можетъ.

Вѣдь я проповѣдую не подчиненіе тѣхъ или другихъ центральному обществу или думѣ, а лишь общую работу по совмѣстнымъ цѣлесообразнымъ программамъ. Желаніе отличиться тоже можетъ получить удовлетвореніе, даже еще болѣе, такъ какъ всякое личное пожертвованіе, да и личная выдающаяся работа болѣе будетъ на виду, чѣмъ безъ общей организаціи. Мѣстное попечительство или спеціальный комитетъ могутъ сколько угодно и какъ угодно собирать пожертвованія.

И думы съ управами это облегчило бы, такъ какъ вся благотворительная часть, теперь на нихъ лежащая, тоже отошла бы къ попечительствамъ.

А главное, конечно, что нужно, это—деньги. Усиленіе обложенія, изысканіе новыхъ доходовъ—все это нужно пустить въ ходъ, чтобы увеличить помощь погибающимъ, и все это думами будетъ дѣлаться, я думаю, охотнѣе, когда у благотворительныхъ обществъ будетъ общая организація въ тѣсной связи

съ самоуправленіемъ. Въдь, въ сущности, много общаго въ ихъ задачахъ.

Конечно, это насильно дѣлаться не должно. Подчинивъ кого бы ни было хотя бы самоуправленію, назначивъ контроль, гдѣ его нѣтъ и гдѣ его не хотятъ, можно только отпугнуть работниковъ. Надо организовать попечительства и центральный органъ.

Разъ это начало бы дѣйствовать хорошо, средства, а затѣмъ и работники стали бы сами мало-по-малу переходить сюда; и, что еще лучше, вошли бы добровольно въ общую организацію нынѣ уже существующія общества. Все дѣло въ средствахъ и желаніи работать, не стѣсняя работу другихъ, а только помогая имъ.

А люди? Найдется ли ихъ довольно? Въ иныхъ городахъ, пожалуй, и не найдется вовсе при настоящемъ уровнѣ культуры. Въ другихъ ихъ сначала будетъ мало, затѣмъ мало-по-малу будутъ находиться и люди. Хорошо поставленное дѣло само привлекаетъ людей. *L'union fait la force* (единеніе создаетъ силу).

XXXIII.

Вода и канализація.

Первое условіе, чтобы городъ могъ считаться въ хорошихъ санитарныхъ условіяхъ, это—чтобы онъ имѣлъ воду хорошую и въ достаточномъ количествѣ, и чтобы эта вода со всѣми возможными, смытыми ею, отбросами и грязью механически уносилась бы изъ города удобной канализаціей.

Не вполне хорошая вода—непосредственный источникъ всевозможныхъ болѣзней и высокой смертности. Недостатокъ воды, не позволяя мыть городъ какъ слѣдуетъ и препятствуя разведенію растительности, косвенно приводитъ къ тѣмъ же результатамъ и, кромѣ того, затрудняетъ промышленность, борьбу съ пожарами и пр. Наконецъ, если при отсутствіи канализаціи смытымъ отбросамъ некуда убраться, то они остаются здѣсь же,

загрязняютъ (съ каждымъ днемъ больше) почву, гниютъ (производя зловоніе) и препятствуютъ благоустройству города, и, конечно, опять-таки его санитарному благополучію.

Необходимо одновременно и то и другое: провести воду и увести ее. Ни той, ни другой потребности въ русскихъ городахъ, даже и въ столицахъ, въ достаточной мѣрѣ не удовлетворяется, а въ громадномъ большинствѣ случаевъ даже и не приступали къ этому дѣлу.

Объ этомъ томы исписаны, а я хочу объ этомъ написать всего одну статью. Ограничусь потому главнымъ.

Инженеръ Линдлей, не имѣющій себѣ конкурентовъ въ знаніи водопроводнаго дѣла, на нижегородскомъ съѣздѣ дѣятелей по этой специальности въ рѣчи выразилъ удивленіе, что въ Россіи воду ищутъ не тамъ, гдѣ слѣдуетъ. Онъ сказалъ, что воду проводятъ изъ рѣкъ почти всегда плохого качества, тогда какъ вода родниковъ хороша. Только родниковую воду должны брать тѣ города, которые заботятся о санитарномъ состояніи жителей.

Естественно брать воду изъ рѣки потому, что рѣдкій городъ лежитъ не на рѣкѣ. Ясно, что такой водопроводъ соорудить очень дешево. Между тѣмъ за границей рѣчные водопроводы бросаются и замѣняются другими съ родниковой водой. Не говоря про маленькія рѣки въ родѣ Шпре, даже Дунай и Майнъ не удовлетворяютъ Вѣну и Франкфуртъ, и даже многоводная Нева такъ грязна, что и Петербургъ сталъ думать о водѣ Ладожскаго озера. Но такіе прѣсные водоемы, какъ Ладожское озеро, являются довольно рѣдкими исключеніями. Чаще, чтобы найти здоровую питьевую воду, надо искать хорошихъ и обильныхъ родниковъ.

Но, говорятъ намъ, родниковая вода дороже. Въ общемъ, она дѣйствительно какъ будто дороже, хотя не такъ ужъ много, какъ кажется. Не надо забывать, что воду самыхъ мощныхъ рѣкъ, какъ Волга, Днѣпръ, Нева, приходится фильтровать. Цѣна фильтрованія удорожаетъ рѣчную воду, такъ что иногда прямо выгодно брать родниковую. Родниковая вода, въ особенности, если она идетъ въ городъ самотекомъ, не требуетъ почти никакихъ

эксплоатаціонныхъ расходовъ, а цѣна ея опредѣляется только процентами и погашеніемъ затраченнаго капитала.

Другое дѣло фильтръ. Онъ требуетъ постояннаго расхода на надзоръ и персоналъ служащихъ. Петербургъ намъ даетъ примѣръ того, какъ все это дается трудно и часто является рискованнымъ. Разказы о рыбахъ, прошедшихъ сквозь петербургскіе фильтры, долго служили темой для юмористическихъ журналовъ.

Даже самое лучшее фильтрованіе сильно загрязненной органическими веществами воды не даетъ хорошихъ результатовъ. Число бациллъ въ кубическомъ сантиметрѣ нездоровой рѣчной воды доходить до десятковъ и даже сотенъ тысячъ. Какъ такую воду ни фильтруй, она все-таки содержитъ нѣсколько сотъ бактерій въ сантиметрѣ. Мало того: густо насыщенная органическими остатками рѣчная вода не можетъ фильтрованіемъ достигнуть даже главнаго физическаго качества — видимой чистоты. Даже послѣ фильтраціи такая вода остается часто мутной. Родниковая вода въ большинствѣ содержитъ лишь десятки бациллъ, а то иногда бываетъ и абсолютно чистой, т.-е. безъ бациллъ совсѣмъ.

Слышится иногда такой вопросъ: а чтѣ эти бациллы вредныя или нѣтъ? Вѣдь если бациллы неболѣзнетворныя, то Богъ съ ними? чѣмъ онѣ вредятъ?

Это приходится слышать довольно часто, и только доказываетъ незнаніе говорящихъ. Въ здоровое время бациллы безвредны, а во время эпидемій, напримѣръ, въ холеру, въ брюшной тифъ, въ такомъ же количествѣ бациллы являются уже болѣзнетворными; въ моемъ примѣрѣ холерныя или тифозныя.

Ясно, какими ужасными источниками заразы служить въ этихъ случаяхъ нечистая, хотя бы и фильтрованная вода, и какъ родниковая вода является абсолютно безвредною и можетъ спасти городъ отъ эпидеміи.

Ясно, что чѣмъ лучше фильтръ, тѣмъ вода обходится обывателю дороже, и иногда болѣе дорогой приводъ воды изъ далекихъ родниковъ можетъ оказаться болѣе выгоднымъ, давъ болѣе дешевую воду.

Вѣдь родники — или на поверхность земли выступающіе источники — та же рѣчная вода, самой природой чудно профильтрованная сквозь громадное наслоеніе натуральныхъ песчаныхъ пластовъ. Неужели намъ брать загрязненную воду и искусственно ее фильтровать, пренебрегши удивительнымъ природнымъ фильтромъ?

Если родники, которыми можно воспользоваться для водопровода, недостаточно мощны для большого города, то иногда можно воду взять подъ землей, разыскавши ее буреньемъ по указаніямъ геологіи. Конечно, рассчитывать на артезіанскую воду, которая бы сама изъ буровой была фонтаномъ, можно лишь въ исключительныхъ случаяхъ, а поэтому подпочвенную воду обыкновенно приходится выкачивать. Большая выгода получается, если отъ бурового колодезя, изъ котораго вода берется, она до городскихъ водоемовъ идетъ самотекомъ, безъ искусственнаго дорого стоящаго подъема воды. Это бываетъ, конечно, когда вода берется въ горахъ.

Но главное, что надо помнить, это необходимость безукоризненной чистоты воды, безукоризненной годности ея въ санитарномъ отношеніи. Лучше переплатить, лучше, если не имѣешь хорошаго проекта, подождать, поискать, чѣмъ поторопиться и взять плохую воду. Истративши большія суммы и влѣзши въ большіе долги, городъ можетъ быть лишенъ возможности исправить свою ошибку проведеніемъ новаго хорошаго водопровода, и поэтому можетъ навсегда остаться съ водой дурного качества. Тогда прощай навѣки главное условіе благоустроеннаго города — его санитарное благополучіе.

Устроить водопроводъ не значитъ исполнить шаблонную работу, которую можетъ произвести всякій добросовѣстный работникъ съ одинаковыми шансами на успѣхъ. Нѣтъ, устроить водопроводъ — значитъ рѣшить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ громадной сложности инженерную задачу; и не только сложную, но со своими каждый разъ особенностями, весьма иногда мудреными и своеобразными. Для рѣшенія такой задачи мало знанія и добросовѣстности, нужно творчество. А это дано далеко не всякому.

Отмѣчу еще разницу водопроводнаго проекта со всякимъ другимъ. Проектъ зданія, моста не требуетъ никакихъ изысканій. Даже первоначальный проектъ желѣзной дороги требуетъ меньше изысканій, чѣмъ проектъ водопровода. Этимъ объясняется, что этихъ проектовъ мало. На самый разработанный проектъ моста нужна бумага и трудъ, и больше ничего, если не считать кое-какихъ свѣдѣній о грунтѣ мѣстности, гдѣ мостъ долженъ быть проведенъ. Для желѣзной дороги нужна лишь нивелировка и знаніе мѣстности. Для водопровода нужно предварительное весьма тщательное геологическое изслѣдованіе (требуемое, быть можетъ, тоже гениальности, чтобы быть совершенно правильнымъ), а затѣмъ, если нѣтъ сильныхъ естественныхъ родниковъ, нуженъ цѣлый рядъ пробныхъ буреній, весьма дорого стоящихъ. Ни состязаніемъ, ни конкурсомъ такого дѣла рѣшить поѣтому нельзя. А такъ какъ, очевидно, проектъ долженъ дѣлать тотъ же инженеръ, который производилъ геологическое изслѣдованіе, то само собою понятно, какъ важно съ самаго начала довѣряться лишь человѣку, стоящему на высотѣ положенія.

Задача водопровода необыкновенно сложна. Надо найти воду, надо опредѣлить потребность въ водѣ лѣтъ, по крайней мѣрѣ, на пятьдесятъ, наивыгоднѣйшій путь, матеріаль, изъ котораго его дѣлать въ каждомъ отдѣльномъ мѣстѣ (цементъ, чугунъ, желѣзо), подъ какимъ давленіемъ вода должна идти (свободное истеченіе, трубы высокаго давленія, сифоны), способъ распредѣленія воды по городу. Такова техническая часть.

Затѣмъ надо профинансировать дѣло и не ошибиться въ будущей стоимости воды. И финансовую часть надо имѣть въ виду съ самаго начала; чѣмъ дешевле вода, тѣмъ въ большемъ количествѣ ее будутъ брать, тѣмъ большій надо строить водопроводъ, затративъ сразу большой капиталъ. Много надо расчетовъ сдѣлать, чтобы выбрать наивыгоднѣйшее рѣшеніе.

То же можно сказать и о канализаціи. Какую систему избрать, на какомъ планѣ остановиться — зависитъ отъ географическаго положенія города, отъ его предполагаемаго роста, отъ близости моря или рѣки. Не мѣсто излагать здѣсь техническія подроб-

ности дѣла. Хочется лишь подчеркнуть тѣ удивительные успѣхи, которые сдѣлала эта часть культуры въ настоящее время.

Всякому понятно, что выпускъ нечистотъ въ море или рѣку не есть окончательное рѣшеніе вопроса. Всякій знаетъ, какая зараза распространяется изъ мѣстъ выхода коллекторовъ въ море или рѣку. Начали искать лучшаго выхода... и нашли. Близъ городовъ начали отводить поля и поливать ихъ отбросами. Мнѣ иногда до сихъ поръ кажется, что выводъ изъ большого города нечистотъ на поля орошенія—мистификація. На миллионъ жителей нужно 3.000 десятинъ. Эта земля поливается фекальною жидкостью. Подумаешь: отбросы миллионнаго города! Что же оказывается? Подумаешь, что къ такому мѣсту на 10 верстъ не подойдешь, какъ когда подъѣзжаешь къ Москвѣ отъ Рязани и подуетъ вѣтеръ со свалочныхъ мѣстъ. Оказывается, что на этихъ поляхъ орошенія чудная растительность, и что берлинцы лучшаго мѣста не могли выбрать для устройства больницъ. Не правда ли сказка изъ Шехерезады? А въ Англіи кое-гдѣ поля орошенія превращены въ мѣста прогулокъ! Подумайте: стоитъ всякимъ тифознымъ и другимъ болѣзнетворнымъ бактеріямъ попасть въ эти благословенныя свалочныя мѣста... и онѣ превращаются чуть ли не въ друзей человѣка!

А затѣмъ вамъ еще вдобавокъ говорятъ: эти поля намъ приносятъ такой-то и такой-то доходъ, они не въ убытокъ! Тогда поневолѣ скажете со мной: многому, друзья мои, намъ остается поучиться. Мы привыкли все сваливать на недостатокъ денегъ. А за границей и изъ свалочныхъ мѣстъ извлекаютъ деньги! И это, замѣтите, за границей, гдѣ земля дошла до невѣроятныхъ цѣнъ близъ большихъ городовъ. А у насъ, гдѣ земля ни по чемъ? Знанія и предприимчивости нѣтъ, нѣтъ культуры даже технической; вотъ гдѣ горе-то!

Въ связи съ этимъ стоитъ вопросъ объ очисткѣ города. Въ этой области прославился Амстердамъ. Жидкія нечистоты выводятся канализаціей, а твердыя частью сжигаются, частью идутъ въ дѣло! И это дѣло... тоже приноситъ доходъ!

Водопроводъ и канализація — вещи близкія другъ къ другу.

Оба эти сооруженія должны строиться одновременно. Дѣйстви-тельно, куда дѣваться приведенной водѣ безъ канализаціи? Не собираться же въ лужахъ со всякою гадостью, пока не испарится?

Съ другой стороны, и для канализаціи нужно достаточно воды, чтобы унести все, что въ городѣ лишнее. Поэтому безъ достаточнаго количества воды и канализаціи ни къ чему.

Такъ, повидимому, было дѣло и у древнихъ. Вавилонъ, Египеть, Римъ оставили намъ кто слѣды, а кто и цѣлыя соору-женія и водопроводовъ и канализаціи. Остается удивляться тех-никѣ тѣхъ отдаленныхъ эпохъ. Затѣмъ культурная жизнь зами-раетъ на цѣлое тысячелѣтіе, чтобы снова возродиться теперь съ большей силой и на большемъ пространствѣ.

Неужели и этому расцвѣту культуры суждено когда-нибудь поблекнуть на многіе вѣка, чтобы возродиться когда-то тамъ въ будущемъ? Неужели и впредь культура пойдетъ скачками? О, горе живущимъ во времена регресса и спячки! Счастіе намъ, во всѣхъ отрасляхъ культуры каждый день ожидающимъ шага впередъ!

XXXIV.

Мостовыя и пути сообщенія.

Наиболѣе бросающаяся въ глаза внѣшняя разница между заграницей и нами—пути сообщенія.

У насъ въ столицахъ есть немощенныя улицы, есть цѣлые города, совсѣмъ не выдавшіе мостовой; деревня о мостовой и не думаетъ: всегда чередуются пыль съ грязью.

За границей, не говоря уже о городахъ, всѣ деревни вымо-щены, вымощены и дороги изъ деревни въ деревню; не мостятся лишь временныя полевыя дороги, которыя переводятся смотря по надобности съ мѣста на мѣсто. Думаю, что эта разница луч-шій показатель культуры.

Чѣмъ общество культурнѣе, тѣмъ больше развита въ немъ бываетъ общественная жизнь. А развитіе общественной жизни

влечетъ за собою большее общеніе между людьми, которое прежде всего отражается на дорогахъ и почтѣ. Ясно, что когда по дорогѣ много ѣздятъ, то расчетъ держать ее въ хорошемъ состояніи. И наоборотъ—не стоитъ расходовать деньги при малой ѣздѣ. Этимъ можно бы еще объяснить дурное состояніе нашихъ проселочныхъ дорогъ. Но какъ объяснить, что цѣлые города у насъ не мощены? Что въ торговыхъ центрахъ не мостятъ базарныхъ площадей, гдѣ чуть не постоянно двигаются и стоятъ воза съ товарами.

Это не можетъ быть объяснено лишь невыгодностью такого замощенія. Если не прямо, то косвенно замощеніе всегда въ городѣ окупается. Какъ только улица замостится, сейчасъ находящіяся на ней дома возрастаютъ въ цѣнѣ, вслѣдствіе чего деньги, истраченные на мостовыя, возвращаются въ видѣ оцѣночнаго сбора.

Только косность нашихъ думъ можетъ служить не оправданіемъ, а объясненіемъ этого явленія.

Главное условіе, которому мостовая должна удовлетворять, это—чтобы быть водонепроницаемою, потому что этимъ она можетъ способствовать улучшенію санитарныхъ условій города. Когда всевозможные жидкіе отбросы не вполне стекаютъ по мостовымъ, они пропитываютъ землю на улицахъ больше и больше. Если бы можно было измѣрить, сколько нечистотъ пропиталъ верхній слой земли на бойкихъ немощеныхъ улицахъ (а сколько времени каждая улица у насъ ждетъ счастья заслужить свою каменную одежду?), то ужаснулись бы жители и потребовали бы, чтобы весь этотъ слой былъ увезенъ. Остановить дальнѣйшее загрязненіе—вотъ главная задача мостовой, задача, которую часто, къ сожалѣнію, не имѣютъ въ виду, когда мостятъ.

Другая задача мостовой—дать возможность удобно ѣздить и ходить по улицамъ. Требованій къ мостовой предъявляется въ этомъ отношеніи много: нужно, чтобы она была ровная, но не скользкая, прочная, непыльная, по возможности дешевая. Здѣсь не мѣсто входить въ обсужденіе сравнительныхъ качествъ той

или другой системы уже потому, что вопросъ о преимуществѣ той или другой еще далеко не рѣшенъ. Отъ дорогой торцовой мостовой до шоссе или мостовой изъ булыжнаго камня есть цѣлый рядъ булыжныхъ, порфиритныхъ, кубиковыхъ, макадамовыхъ, асфальтовыхъ мостовыхъ, при чемъ каждая имѣетъ свои недостатки и свои преимущества. Общее правило, конечно, какъ и во всемъ, то, что, чѣмъ лучше мостовая, тѣмъ она дороже. Поэтому она лучше бываетъ въ центрѣ и затѣмъ, по мѣрѣ удаленія отъ центра, дѣлается все хуже и хуже, пока не превратится на окраинахъ въ непролазную трясину. Часто пыль къ замощенію охлаждается, когда удовлетворена потребность «отцовъ города», которымъ въ большинствѣ мало дѣла до окраинъ.

Устройство мостовыхъ надо хорошенько обдумать, прежде чѣмъ приступать къ ихъ постройкѣ. Бываетъ, что и при прекрасной мостовой она въ сильные дожди дѣлается непроходимой отъ застаивающейся на ней воды. Чѣмъ хуже канализація, тѣмъ заботливѣе надо относиться къ профилю улицъ. Нужно, прежде чѣмъ приступать къ замощенію, составить себѣ цѣлый планъ нивелировки улицъ, чтобы вездѣ былъ достаточный стокъ для воды. Бывали примѣры и такіе: мостятъ, и вдругъ гдѣ-нибудь окажется такъ называемая ложка или низкое мѣсто, куда съ разныхъ сторонъ вода стекаетъ, не имѣя выхода. Естественно, что образуется непредвидѣнный и нежелательный прудъ, долго не просыхающій. Хоть туннель дѣлай, чтобы выпустить воду изъ такой «ложки», или срываай цѣлую гору.

Понятно, что не такъ легко и городъ замостить.

Не могу, говоря о мостовыхъ, не коснуться въ большинствѣ случаевъ болѣзненного вопроса объ извозчикахъ. Никогда не могъ понять, почему въ Россіи такъ плохи извозчики. На Кавказѣ, въ Крыму вы имѣете превосходные парные фаятоны съ порядочными большею частью лошадьми и вѣжливыми сравнительно кучерами. Вездѣ тамъ вы имѣете таксы. Въ Тифлисѣ сами собою вывелись фаятоны безъ резиновыхъ шинъ. Публика предпочитала резины, и онѣ ввелись сами собой.

Въ самой же Россіи невѣроятно плохіе извозчики, не исключая

и обѣихъ столицъ и красавицы-Одессы. вмѣсто широкаго фэтона съ выдвигаемой спереди скамеечкой — узенькая пролетка, гдѣ вдвоемъ не умѣститься; вмѣсто двухъ быстрыхъ лошадокъ — изнуренная и еле передвигающая ноги несчастная лошаденка; вмѣсто прилично одѣтаго и вѣжливаго кучера, грубый, часто полупьяный извозчикъ въ рваномъ халатѣ. Наконецъ, такса или отсутствующая, или не соблюдаемая. Объяснить эту разницу между центральной Россіей и южными окраинами я отказываюсь. Отъ этого вы рѣдко-рѣдко у кого увидите на Кавказѣ собственный экипажъ. Даже богачи ѣздятъ въ наемныхъ фэтонахъ. Въ провинціи же у насъ всякій старается обзавестись своей лошадкой и пролеткой, хотя бы съ поваромъ за кучера. Въ Петербургѣ же, кромѣ того, имѣть свой выѣздъ еще для многихъ, къ сожалѣнію, считается обязательнымъ. Это, впрочемъ, зависитъ отъ специфическихъ свойствъ петербургской публики.

Впрочемъ за послѣднее время и извозчикъ, всегда недоступный для большинства, сталъ считаться роскошью все для большаго круга лицъ. Дешевый, доступный почти для всѣхъ, а потому и демократическій рельсовый способъ передвиженія, вытѣсняя постепенно извозчиковъ, дѣлается одною изъ главныхъ потребностей всякаго города. Понемногу отживаетъ свой вѣкъ и первая стадія рельсоваго пути — конка. Легкіе, быстрые маленькіе вагоны электрическаго трамвая вытѣсняють грузные вагоны съ запряженными въ нихъ клячами конки. Кое-гдѣ эта метаморфоза дѣлается самими городами хозяйственнымъ образомъ, кое-гдѣ пѣнки съ этого все развивающагося учрежденія снимають, по-прежнему, бельгійцы, почему-то почти безъ конкуренціи завладѣвшіе этимъ дѣломъ.

Изъ всѣхъ системъ, предложенныхъ и испытанныхъ на практикѣ, самой распространенной оказалась система съ воздушными проводами. Что касается остальныхъ системъ, то мы ихъ или уже переросли, какъ трамвай съ токомъ, проходящимъ сквозь рельсы, или съ подземнымъ токомъ; или до нихъ не досрости, какъ до дороги съ аккумуляторами или подвѣской. Америка уже давно ввела эти воздушные провода, а Европа, болѣе

заботящаяся о красотѣ, больше десяти лѣтъ отказывалась отъ безобразныхъ воздушныхъ проводовъ, пока отсутствіе новыхъ изобрѣтеній въ родѣ удешевленія аккумуляторовъ и насущная необходимость трамваевъ не заставили ее отбросить излишнюю щепетильность и послѣдовать примѣру болѣе практичныхъ американцевъ. Теперь ничего, обтерпѣлись и по привычкѣ уже не возмущаются столбами и проводами съ катящимися по нимъ контактными колесиками или петлями.

Часто можно услышать замѣчаніе, что, чѣмъ позже обзаводиться трамваями, тѣмъ лучше: техника, молъ, идетъ впередъ, и съ каждымъ годомъ вводятся улучшенія, которыхъ нѣтъ у болѣе раннихъ построекъ. Отчасти это вѣрно, и нѣтъ сомнѣній въ томъ, что болѣе позднія сооруженія лучше болѣе раннихъ,— но, независимо отъ требованія жизни и отъ громадной пользы, извлекаемой населеніемъ изъ трамвайной сѣти, подсчетъ прямой выгоды (даже въ кассовомъ смыслѣ) отъ этого предпріятія долженъ убѣдить всякаго безпристрастнаго человѣка въ несомнѣнной выгодѣ какъ можно болѣе ранней постройки трамвайной сѣти.

Но для города не дай Богъ увлекаться кассовой выгодой дѣла. Есть дѣла, которыя должны приносить лишь косвенную выгоду населенію, а отнюдь не прямую, кассовую. Къ этому разряду предпріятій относятся почта, телефонъ, пути сообщенія. Чѣмъ дешевле способы передвиженія, тѣмъ больше ѣздятъ, тѣмъ оживленнѣе дѣла, тѣмъ бодрѣе жизнь. А это въ свою очередь обогащаетъ кассу, усиливая приливъ въ нее другихъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ. Оживленіе дѣлъ усиливаетъ движеніе, доходы отъ путей сообщенія еще усиливаются и еще даютъ возможность, удешевивъ стоимость проѣзда, вызвать новое повышеніе народной дѣятельности.

Плюхъ хозяинъ, который на такого рода предпріятія смотритъ какъ на дойную корову. Это-то и составляетъ, можетъ быть, главную причину, почему нужно отдать безусловное предпочтеніе хозяйственной эксплуатаціи трамваевъ. Жизнь требуетъ иногда быстрыхъ измѣненій писанныхъ уставовъ и условій. А

туть поперекъ дороги контрактъ на десятки лѣтъ съ акціонернымъ обществомъ, которое ищетъ лишь усиленныхъ дивидендовъ и нимало не беспокоится о требованіяхъ жизни.

Это исканіе дивидендовъ ведетъ, между прочимъ, къ одному явленію, весьма прискорбному: невозможному обращенію администраціи трамваевъ съ низшими служащими—кучерами, кондукторами, контролерами.

Непосильный трудъ, необезпеченная будущность, а въ настоящемъ жизнь впроголодь—вотъ ихъ обычный удѣлъ. Если къ этому прибавить вѣчный страхъ, что его за малѣйшую провинность оштрафуютъ и прогонятъ, грубое обращеніе начальства и всякія оскорбленія со стороны публики, носящей тросточки и фо-коли и считающейся поэтому интеллигентной—то картина будетъ полная.

Естественно, что они не дорожатъ своимъ мѣстомъ и рады всякому способу и случаю улучшить свое положеніе или вовсе бросить непосильный трудъ и неблагодарныхъ нанимателей.

Спеціально у администраціи конокъ надо, кромѣ этого обращенія со служащими, еще отмѣтить полное равнодушіе къ судьбѣ несчастныхъ лошадей, къ нимъ попавшихъ. Я самъ видѣлъ въ одномъ городѣ, что въ расчетахъ на стоимость живой тяги вывели средній срокъ службы лошади въ семь мѣсяцевъ. Покупаютъ лошадей здоровыхъ, сильныхъ, а продаютъ изморенныхъ и безногихъ, негодныхъ почти и на бойню.

Можно бы подумать, что все это относится къ служащимъ и лошадямъ акціонерныхъ компаній, и что съ переходомъ дѣла въ руки общественныхъ самоуправленій картина измѣнится, и начнутся болѣе счастливыя времена и для людей, и для животныхъ. Но, увы, практика показала, что отнюдь нѣтъ, что и въ городскихъ предпріятіяхъ то же отношеніе и къ тѣмъ, и къ другимъ. Если у акціонернаго общества это объясняется желаніемъ вышнихъ служащихъ выслужиться и получить большія наградныя отъ акціонеровъ, то чѣмъ объяснить это у городскихъ служащихъ? Неужели требуютъ этого отцы города?

Или уже вся система современной жизни требуетъ выжиманія

послѣднихъ грошей и силъ у маленькихъ людей? Не знаю... но фактъ удостовѣряю.

Въ Россіи и даже въ Западной Европѣ трамвай вытѣсняетъ собственные выѣзды, извозчиковъ и властвуетъ безъ конкуренціи. Въ Америкѣ и онъ получилъ сильный ударъ отъ новаго противника. Автомобиль, считающійся у насъ и даже въ Европѣ роскошью, въ Америкѣ кое-гдѣ затѣялъ споръ съ рельсовыми путями. Благодаря этому врагу, въ нѣкоторыхъ городахъ акціи трамвайныя пали, такъ какъ замѣчена постоянная убыль пассажировъ, переходящихъ на дешевые (?) автомобили.

Въ дѣлѣ трамваевъ мы отъ Америки отстали на 10—20 лѣтъ. Примѣняя эту мѣрку и къ автомобилю, мы, кажется, не должны отвергать и у насъ возможности ихъ конкуренціи съ рельсами.

А что же тогда будетъ? Неужели мы очутимся въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ Западная Европа? Reculer pour mieux sauter?

Отойти назадъ, чтобы лучше разбѣжаться и прыгнуть?

Вѣрю, вѣрю, что мы будемъ впереди и въ техникѣ, и не только въ техникѣ...

XXXV.

Освѣщеніе, отопленіе и телефоны.

Въ этой статьѣ я буду касаться только уличнаго освѣщенія. Конечно, большой интересъ въ дѣлѣ городского хозяйства имѣютъ, напримѣръ, обязательныя постановленія относительно минимальнаго освѣщенія домовъ солнечными лучами, или вопросъ о распланированіи города или отдѣльныхъ зданій, въ родѣ школъ, въ отношеніи ихъ обращенія окнами къ той или другой сторонѣ свѣта, — но это вопросы слишкомъ спеціально архитектурскіе. Не буду касаться и искусственнаго освѣщенія зданій. Сравнить источники внутренняго освѣщенія можно и съ точки зрѣнія ихъ химическаго дѣйствія на воздухъ, и по сравнительной силѣ свѣта и дѣйствию на глаза, и по способности нагрѣвать

помѣщеніе,—но это скорѣе дѣло частныхъ хозяйствъ, чѣмъ городского. Моя задача болѣе узкая—наружное освѣщеніе.

На послѣднихъ международныхъ и специальныхъ выставкахъ можно было не разъ наблюдать борьбу не на животъ, а на смерть трехъ главныхъ источниковъ искусственнаго свѣта: электричества, газа и керосина. Какой, думается, конкурентъ можетъ быть электричеству? Однако, не только газъ, но и керосинъ не слагаетъ передъ нимъ оружія, споря съ нимъ не только сравнительной дешевизной, но и силой свѣта. Газовымъ обществамъ долженъ былъ быть нанесенъ смертельный ударъ усовершенствованіями въ электротехникѣ, между тѣмъ, мы видимъ, хотя бы по примѣру Парижа, что они все больше и больше богатѣютъ и расцвѣтаютъ.

Съ развитіемъ электричества развивается все больше и больше газовое освѣщеніе, и даже керосиновое. Несомнѣнно, что и въ этомъ потребности культурныхъ народовъ возросли. Намъ свѣтлѣе живется, чѣмъ нашимъ отцамъ и предкамъ. Лѣтъ двѣсти тому назадъ сочтено было за великое открытіе появленіе первыхъ уличныхъ фонарей.

Главный тормазъ электрическаго освѣщенія, это—то, что большое количество энергіи требуется на весьма короткое время. Днемъ искусственнаго свѣта не нужно. Когда вечеромъ темнѣетъ, быстро начинаютъ зажигать лампочки, и наибольшее освѣщеніе требуется какихъ-нибудь часъ или полчаса. Затѣмъ свѣтъ тушатъ—люди идутъ спать. И вотъ машины должны быть разочтены на эти полчаса. Все остальное время ночи нагрузка гораздо меньше. Эта неравномѣрность работы и вызвала разореніе многихъ фирмъ, взявшихся было за дѣло освѣщенія большихъ городовъ. Дѣло это оказалось выгоднымъ только при условіи, когда электрическая энергія и днемъ находила сбытъ помимо освѣщенія.

Тѣмъ не менѣе, за послѣднее время даже въ Россіи электричество съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ права гражданства, а въ болѣе состоятельныхъ классахъ сдѣлалось вещью первой необходимости.

Лѣтъ двадцать пять назадъ электрической свѣтъ можно было видѣть только на гуляньяхъ въ загородныхъ садахъ. Называлось это электрическими солнцами. Затѣмъ появился Яблочковъ съ своимъ изобрѣтеніемъ рядомъ стоящихъ углей, и Парижъ первый доказалъ, что дуговыми фонарями можно освѣщать и улицы. Теперь число этихъ фонарей быстро растетъ съ каждымъ годомъ.

Но еще гораздо большій переворотъ произвело изобрѣтеніе лампочекъ накаливанія. Промышленные города уже заводятъ себѣ это освѣщеніе для магазиновъ, присутственныхъ мѣстъ и частныхъ квартиръ. Цѣна отъ рубля до двухъ въ мѣсяцъ на 16-свѣчную лампочку не можетъ быть названа высокою.

Электрическое освѣщеніе должно бы быть монополіей городовъ, конечно, при условіи, чтобы цѣна не была слишкомъ поднята, что, впрочемъ, оказалось бы и невыгоднымъ по недостатку абонентовъ. Въ настоящее время во многихъ городахъ на счетъ этого никакихъ правилъ обязательныхъ нѣтъ. Всякій домовладелецъ можетъ устроить у себя электрическую станцію и продавать энергію кому угодно. Конечно, въ предѣлахъ квартала нельзя запрещать проводить проволоки, но улицы безусловно городскія, и всякіе проводы черезъ улицы, будь они подземные или воздушные, могутъ быть обложены или запрещены. Только при этомъ условіи можетъ быть устроено муниципальное освѣщеніе. Но, опять повторяю, дѣло должно погибнуть, если городъ погонится за излишними барышами и подниметъ сверхъ мѣры цѣну.

Въ настоящее время въ квартирахъ имѣются особые изобрѣтатели электричества. Къ сожалѣнію, они страшно врутъ. Думается, что если бы брали среднюю плату помѣсячно за лампочку, было бы обоудно выгоднѣе.

По мѣрѣ того, какъ электричество развивается въ домахъ и на улицахъ центральныхъ частей городовъ, слѣдующій поясъ принадлежитъ газу. Впрочемъ, и въ центрахъ газъ еще борется на улицахъ и на лѣстницахъ; изъ комнатъ онъ вездѣ изгнанъ за запахъ и небезопасность отъ взрывовъ и пожаровъ.

Недавно газовое освѣщеніе сдѣлало большой скачекъ впередъ. Прежде освѣщеніе газовое заключалось въ томъ, что старались произвести по возможности яркое пламя. Недавно примѣненъ и къ газовымъ горѣлкамъ принципъ накаиванія. Дѣло въ томъ, что не заботятся о свѣтломъ пламени, а о томъ, чтобы пламя, хотя бы и болѣе темное, по возможности получило наибольшую способность нагрѣвать. Таковыми являются такъ называемыя Бунзеновскія горѣлки. Къ этому пламени приспособивается тонкая металлическая сѣтка, которая накаивается и сама даетъ свѣтъ, гораздо болѣе сильный, чѣмъ непосредственный свѣтъ газоваго пламени.

Со времени этого открытія газъ явился рѣшительнымъ конкурентомъ электричеству. У насъ въ Россіи электричество все-таки въ большемъ почетѣ, и къ газу прибѣгаютъ только, когда дороговизна электричества дѣлаетъ его совсѣмъ недоступнымъ. Хотя бы число метросвѣчей, то-есть освѣтительная способность газовыхъ горѣлокъ накаиванія и мало отличалась отъ таковой способности электрическихъ фонарей, но необыкновенная чистота, изящество, безопасность, легкость зажиганія всегда сдѣлаютъ электрическое освѣщеніе наиболѣе желательнымъ.

Тѣмъ не менѣе дешевизна газа дѣлаетъ его наиболѣе распространеннымъ источникомъ освѣщенія большихъ городовъ.

Третій способъ освѣщенія, керосинъ, прежде былъ исключительно созданъ для окраинъ большихъ городовъ и для маленькихъ городовъ, не доросшихъ даже до газовой горѣлки. Тусклость, копоть, трудность зажиганія всегда заставляли прибѣгать къ керосину лишь съ горя. Вдругъ и керосинъ поднялъ голову, благодаря той же системѣ накаиванія. Появились и керосиновыя горѣлки, по силѣ свѣта не уступающія электричеству. На вокзалахъ, въ садахъ, на площадяхъ стали зажигаться новые сильные фонари. Сначала многіе не понимали что въ нихъ горитъ. Оказался тотъ же керосинъ.

Можетъ быть, современемъ эти горѣлки и получатъ большое распространеніе, но въ настоящее время этому препятствуетъ сложность механизма и трудность его зажиганія. Чуть ли не на

каждые десять фонарей нужно имѣть особаго монтера. А это дѣлается и это освѣщеніе не дешевымъ.

Изъ всего этого слѣдуетъ, какъ осторожно нужно приступать къ устройству въ городѣ освѣщенія. Въ этомъ, какъ и во всемъ, надо имѣть общій планъ дѣйствій и отнюдь не торопиться заводить ту или другую систему, не взвѣсивъ всё про и contra каждой изъ нихъ въ отдѣльности. Большею частью приходится городъ раздѣлить на части и распредѣлить ихъ по разнымъ родамъ освѣщенія.

Кому, кажется, нужнѣе освѣщеніе, бѣдному или богатому? Думается—бѣдному, который ходитъ пѣшкомъ, чѣмъ богатому, который ѣздитъ на собственныхъ рыскахъ. Гдѣ освѣщеніе нужнѣе — въ центрѣ или на окраинахъ? Думается — на окраинахъ, гдѣ посреди улицъ ухабы, чѣмъ въ центрѣ, гдѣ чудные тротуары и мостовыя. Все это, конечно, забывается. Центры залиты электричествомъ, окраины часто не имѣютъ и керосиновой копилки. Но ужъ не думая о справедливости, хорошо бы было, кабы соблюдалось хоть такое правило, чтобы обиліе свѣта было прямо пропорціонально движенію на улицахъ. Чѣмъ больше движеніе, тѣмъ больше свѣту. Центр, конечно, получилъ бы его при этомъ гораздо больше, чѣмъ окраины, но не были бы совсѣмъ обездолены и тѣ отдаленныя отъ центра мѣста, гдѣ теперь тьма такова, что вы можете сломать себѣ ногу, не замѣтивъ ямы, и быть ограбленнымъ, прежде чѣмъ успѣла бы придти помощь.

За послѣднее время ясно, что государства и общины стремятся, по возможности, принять на себя обязанность доставлять обывателямъ предметы первой необходимости. Дѣлается это помощью монополизациі той или другой хозяйственной отрасли государствомъ или городомъ. Въ старину лѣчиться могъ всякій, какъ хотѣлъ; не было врачей ни государственныхъ, ни общинныхъ. Теперь любой житель города или даже деревни имѣетъ возможность лѣчиться за счетъ государства, или города, или земства. Лѣченіе это несовершенно, кое-гдѣ болѣе на бумагѣ, чѣмъ на практикѣ; но дорого признаніе права бѣдняка лѣчиться.

Пройдетъ 100, 200 лѣтъ, и, глядишь, окончательно муниципализируется и тѣмъ самымъ демократизируется лѣченіе.

То же и со школой. Прежде занимались наукой и учились лишь частные люди, преимущественно въ монастыряхъ. Теперь право на ученье, правда, пока въ предѣлахъ грамотности, общедоступно, хотя тоже, конечно, не вполне осуществлено.

То же съ путями сообщенія, съ полиціей, съ освѣщеніемъ улицъ и домовъ, съ почтою, телеграфомъ, со снабженіемъ населенія (пока у насъ городского, а за границей и сельскаго) водою, съ отводомъ нечистотъ — обо всемъ этомъ обывателю уже не приходится заботиться, все это ему дается государствомъ или общиной, къ которой онъ принадлежитъ. Кое-что изъ всего перечисленнаго, какъ, на примѣръ, самое элементарное обученіе и лѣченіе, мостовыя, канализація, полиція, свѣтъ на улицахъ даются даромъ; вода, проѣздъ по рельсовымъ путямъ, свѣтъ внутри помѣщеній, пользованіе почтой и телеграфомъ должны оплачиваться болѣе или менѣе дорого, и, во всякомъ случаѣ, несравненно дешевле, чѣмъ если бы каждому обывателю было предоставлено думать о себѣ самомъ.

Конечно, чѣмъ болѣе техника прогрессируетъ, тѣмъ болѣе у городовъ возможности удовлетворять потребностямъ населенія. Когда электричество будетъ дешевле, всѣ будутъ брать свѣтъ у города. Это будетъ лучше и дешевле, чѣмъ жечь свои свѣчи или свой керосинъ.

Теперь на очереди отопленіе. На западѣ есть цѣлые разряды избирателей, считающихъ, что у человѣка есть право на квартиру, что городъ обязанъ имѣть достаточно своихъ домовъ, чтобы удовлетворить потребности жителей въ жилищѣ. Тогда, очевидно, и отопленіе будетъ городское. Но до этого далеко, въ особенности у насъ. Теперь отопленіе электричествомъ служить только предметомъ лабораторныхъ опытовъ; не прививается и газовое отопленіе. Кое-гдѣ оно и имѣется, какъ предметъ роскоши; но, чтобы городъ провелъ цѣлую сеть газопроводныхъ трубъ, изъ которыхъ жители брали бы газъ для отопленія—этого еще нигдѣ нѣтъ. Будемъ ждать, что техника удешевитъ газъ или элек-

тричество настолько, что не придется имѣть эти безобразные дровяные дворы, не придется топить печки, вѣчно рискуя пожарами и несчастіями.

Трудно понять переходъ телефоновъ изъ рукъ частнаго общества прямо къ государству. Какъ и всегда бываетъ съ новыми изобрѣтеніями, выгодность которыхъ всегда почему-то бываетъ сомнительной, телефоны сначала попали вездѣ въ эксплуатацію частныхъ обществъ. Когда несомнѣнно было установлено, что телефоны сдѣлались почти предметомъ первой необходимости, когда выгодность этого дѣла была неоспорима и вездѣ доказана, когда выяснилось, что въ дѣлѣ развитія сношеній между жителями, а слѣдовательно, и для подъема дѣятельности важно не только имѣть телефонъ, но и имѣть его дешевымъ — тогда съ окончаніемъ первоначальнаго концессіоннаго срока телефонныя сѣти одна за другой стали переходить въ собственность государствъ. И это было и на западѣ. Въ Германіи нигдѣ телефонъ не является городскимъ предпріятіемъ, а вездѣ государственнымъ.

Телеграфъ, очевидно (эта очевидность не распространяется на Америку), долженъ быть дѣломъ государственнымъ, такъ какъ дѣйствуетъ не въ предѣлахъ отдѣльныхъ городовъ, а соединяетъ все города между собою. Другое дѣло телефонъ. До настоящаго времени телефонныя сѣти въ громадномъ большинствѣ случаевъ распространяются лишь на отдѣльные города, а въ Америкѣ и Финляндіи и на деревни.

Между тѣмъ и эти-то городскія сѣти часто берутъ на себя государства. И объ этомъ нельзя не пожалѣть. Города, которые не лишены возможности вести это дѣло, имѣютъ болѣе дешевыя сѣти.

За послѣднее время въ Россіи стало кое-гдѣ слышно о новыхъ провктахъ уѣздныхъ сѣтей. Нельзя сомнѣваться, что это дѣло пойдетъ и сослужитъ не малую пользу въ дѣлѣ оживленія деревни. Такія сѣти устраиваются уѣздными земствами, причемъ бокъ-о-бокъ съ ними уживаются городскія, правительственныя сѣти. Не проще ли объединить ихъ воедино, предоставивъ

уѣздному земству, и городъ, и уѣздъ. Недавно, кажется, заговорили гдѣ-то и о губернской сѣти. Тамъ это должно бы быть дѣломъ губернскаго земства.

Есть, правда, кабели между городами, на примѣръ, Петербургомъ и Москвой. Тутъ мы, дѣйствительно, видимъ дѣло государственное, хотя и здѣсь возможенъ договоръ двухъ или нѣсколькихъ заинтересованныхъ единицъ. За границей число международныхъ телефоновъ постоянно возрастаетъ. Тѣмъ не менѣе громадное большинство телефоновъ и тамъ дѣйствуетъ въ предѣлахъ отдѣльныхъ городовъ. Тамъ, гдѣ эксплуатація въ рукахъ городовъ, они дешевле, — а это главное, къ чему имъ надо теперь стремиться. Такъ же, какъ и почта, телеграфъ и пути сообщенія, телефонъ — могучее орудіе общенія. Въ Баку мнѣ пришлось слышать отъ лица, близкаго къ телефону, что телефонъ — прекрасный показатель того, какъ идутъ дѣла. Чѣмъ сильнѣе кризисъ, тѣмъ меньше абонентовъ; чѣмъ дѣла идутъ лучше, тѣмъ болѣе усиливается телефонное дѣло.

Ясно, что телефонъ долженъ быть дешевле.

XXXVI.

Строительная часть и квартирныи вопросъ.

Городъ — не что иное, какъ собраніе домовъ. Понятно поэтому, что главною отраслю городского хозяйства является та, которая обнимаетъ собой все касающееся строительства. Если къ этой же отрасли присоединить громадную дѣятельность техникувъ по мостовымъ, желѣзнымъ путямъ, электрическому освѣщенію, то окажется, что на технико-строительную часть идетъ большая часть бюджета, въ особенности если имѣть въ виду расходы не только обыкновенные, но и чрезвычайные.

Прогрессъ въ техникѣ и необыкновенное развитіе городской жизни за послѣднія десятилѣтія ведутъ къ такимъ строительнымъ мѣропріятіямъ, которыя въ старину и въ голову бы не пришли. Негигиениченъ громадный домъ, а то и цѣлый квар-

таль—и ну ломать его, предварительно заплативъ владѣльцамъ громадныя суммы. Черезъ годъ, глядишь, вмѣсто домовъ—паркъ.

Нужно провести круговую желѣзную дорогу—и ей препятствій нѣтъ! Гдѣ очень дорого идти по городу — роютъ туннель на цѣлыя версты или ведутъ дорогу по высокимъ столбамъ, надъ домами. Встрѣчается домъ по дорогѣ—его ломаютъ, а то буравятъ домъ и пропускаютъ поѣздъ сквозь него, какъ въ Берлинѣ. Или берутъ у рѣки половину русла, раздѣливъ его на двѣ половины и пустивъ воду по одной половинѣ, а поѣздъ по другой, какъ въ Вѣнѣ.

Требованія къ постройкамъ все растутъ и растутъ. Въ старину городскія управленія, большею частью бывшія синонимами полицейскихъ управленій, заботились лишь объ одномъ, чтобы зданія не только общественныя, но и частныя были прочны и не грозили бы жизни обитателей въ случаѣ разрушенія постройки. Другая задача, которую преслѣдовали, это—сравнительная безопасность въ пожарномъ отношеніи. Во всякомъ случаѣ законы и практика того времени, и не такъ еще давно, имѣли въ виду только болѣе или менѣе обезпеченные классы населенія. Бродячее же населеніе пролетаріевъ могло находиться гдѣ-угодно, и никому до его безопасности не было никакого дѣла.

Въ серединѣ прошлаго столѣтія, когда укрѣпилась, распространилась и получила право гражданства идея городскихъ самоуправленій, расширился и кругъ требованій, предъявляемыхъ къ постройкамъ. Перестали ограничиваться требованіями прочности и пожарной безопасности, и выдвинули новый рядъ требованій строительной гигиены. Потребовалось не только одобреніе архитектора, но и врача.

Статистика показала, что чѣмъ скученнѣе населеніе, чѣмъ меньше на жителя приходится воздуха, чѣмъ больше людей живутъ въ одной комнатѣ,—тѣмъ болѣе процентъ смертности. При этомъ развиваются специально нѣкотораго рода болѣзни, преимущественно заразныя—чахотка, тифъ, и тому подобныя. Непосредственно воздѣйствовать на это зло нельзя. Нельзя запретить тремъ-четыремъ бѣднякамъ помѣститься въ одной ком-

натѣ. Чтобы вывести это зло, надо улучшить общее экономическое благосостояніе жителей города, а то и цѣлой страны. Постройка жилищъ для бѣдняковъ пока еще является палліативомъ. Но кое-что, и даже многое, сдѣлано въ смыслѣ оздоровленія построекъ.

Установлено, что на смертность вліяетъ недостатокъ свѣта, тепла, сѣхости. И вотъ всюду, въ томъ числѣ и у насъ, вводится рядъ правилъ, частью въ видѣ обязательныхъ постановленій, имѣющихъ цѣлью не допускать негигіеническихъ построекъ.

Первое, что въ этомъ отношеніи нужно, это—имѣть въ жилищахъ достаточно свѣта. Безъ свѣта не будетъ ни тепла, ни сѣхости. Высокіе многоэтажные дома съ узкими улицами между ними въ видѣ корридоровъ въ нижнихъ своихъ этажахъ свѣта не видятъ никогда. Понятно, что не переводится тамъ и сырость. Новые города лучше распланированы. Вышина домовъ поставлена въ связь съ шириной улицы. Для большихъ широкихъ улицъ принимается обыкновенно, что вышина домовъ не должна быть больше ширины улицы. Для меньшихъ улицъ допускается бѣльшая вышина домовъ, все-таки строго нормированная.

Поэтому, теперь первое, что разрабатывается для благоустроеннаго города, это—планъ, котораго обязаны держаться при возведеніи новыхъ построекъ. Тутъ принята во вниманіе ширина улицъ, потребность въ площадяхъ и садахъ. Кое-гдѣ заранѣе предрѣшается направленіе улицъ, въ томъ смыслѣ, чтобъ всѣ дома фасадами были обращены на сѣверъ и на югъ. Это находятъ болѣе гигиеничнымъ, чѣмъ фасады на западъ и на востокъ. Есть, впрочемъ голоса, высказывающіеся за направленіе съ сѣверо-запада на юго-востокъ.

Кое-гдѣ въ послѣднее время стали вводить, пока на окраинахъ, новый типъ городовъ. Дома въ такихъ мѣстахъ должны быть не болѣе трехъэтажныхъ и окружены садикомъ. Получается нѣчто въ родѣ дачныхъ участковъ. Если соединить эти окраины удобными, быстрыми и дешевыми путями сообщенія съ центромъ, то жизнь на такихъ участкахъ будетъ не менѣе удобна, чѣмъ въ центрѣ, и притомъ абсолютно гигиенична. Не есть ли

это типъ будущихъ городовъ? Можетъ быть, къ типу будущаго ближе подходитъ Москва, разбросавшаяся на громадное пространство, чѣмъ щегольски подобранныя каменные громады новыхъ болѣе культурныхъ центровъ? Чуть ли не этого и потребуютъ санитарія съ гигиеной.

Говоря о планахъ городовъ, излишнее обратить вниманіе на вещь, часто упускавшуюся изъ виду. Дѣлаютъ планъ независимо отъ нивелировки города. Много городовъ имѣютъ весьма неровную поверхность. Даже тѣ города, которые лежатъ, повидимому, въ равнинѣ, всегда имѣютъ неровности. Эти неровности непременно должны быть изучены нивелировкой, а затѣмъ должно быть опредѣлено на планѣ не только мѣсто постройки дома, но и высота улицы и фундамента дома надъ горизонтомъ. Когда нивелировка города не сдѣлана одновременно съ разработкой плана, иногда позже исправленіе ошибки дѣлается уже невозможнымъ. Одинъ домъ оказывается построеннымъ на горѣ, и, чтобы провести мимо него улицу, приходится возводить безобразныя и дорогія подпорныя стѣны. Другой домъ, наоборотъ, строится ниже уровня улицы, и нижній этажъ оказывается подвальнымъ. Приходится дѣлать спуски и ограждать ихъ для безопасности прохожихъ перилами.

Послѣднее время городскія самоуправленія стали заботиться не только о прочности и гигиеничности зданій, но и о красотѣ ихъ. Въ столицахъ и большихъ городахъ очень затруднено утвержденіе плановъ съ точки зрѣнія не только ихъ практичности и санитаріи, но и эстетики. Въ Петербургѣ, на примѣръ, утвержденіе фасадовъ на Невскомъ и на Набережной доходить до Высочайшей власти. И это понятно: красота столицъ уже не является фантазіей домовладѣльцевъ, а гордостью цѣлыхъ народовъ. Можно и должно ратовать противъ дорого стоящихъ украшеній городовъ, когда часть населенія живетъ при невозможныхъ условіяхъ гигиены, а то и вовсе безъ жилищъ, но нельзя не требовать отъ домовладѣльцевъ красиваго фасада, такъ какъ разница между стоимостью красиваго и безобразнаго фасада ничтожна.

Другое дѣло—красота, стоящая громадныхъ денегъ, большею частью общественныхъ.

На этомъ страшно увлекаются. Общественныя зданія, какъ церкви, музеи, театры, мосты, строятся съ неимовѣрною роскошью, при чемъ города гордятся, что въ этомъ отношеніи превосходятъ своихъ соперниковъ. Врядъ ли это разумно. Лучше бы было деньги эти употребить на жилища бѣднымъ. Долженъ быть предѣлъ въ общественной роскоши. И какъ часто, къ сожалѣнію, переходятъ за этотъ предѣлъ.

Кромѣ работы, правда, весьма большой, отвѣтственной и важной,—надзора за возведеніемъ построекъ частными лицами,—строительному персоналу городскихъ самоуправленій приходится вести много работъ собственно городскихъ. У каждаго города есть много своихъ зданій, какъ на примѣръ: зданіе думы, пожарныя части, больницы, мосты, иногда низшія школы, иногда среднія и много другихъ. Есть и городскія учрежденія въ наемныхъ помѣщеніяхъ, часто та же дума, школы, ломбарды и проч. Собственныя зданія требуютъ постройки и ремонта, вторыя лишь ремонта. А такъ какъ хозяйство большихъ городовъ постоянно разрастается съ неимовѣрною быстротой, то постепенно растетъ и потребность въ новыхъ помѣщеніяхъ, причемъ отстаетъ значительно удовлетвореніе этой потребности. Сколько дорогихъ наемныхъ помѣщеній могли бы съ выгодой быть замѣнены собственными зданіями! Какъ можно бы свои зданія строить дешевле, скорѣе и удобнѣе! Какъ вѣчно опаздываетъ ремонтъ!

Гдѣ бы мнѣ, по отчетамъ ли или по практикѣ, ни приходилось знакомиться съ хозяйствомъ нашихъ городовъ, вездѣ дѣло стоитъ плохо, вездѣ строительное отдѣленіе не успѣваетъ за надобностью. Да, поистинѣ тяжела теперешняя машина нашихъ самоуправленій.

На западѣ кое-гдѣ уже вступили въ дѣлѣ удовлетворенія населенія квартирами на новый путь. Громадное большинство жителей города—наниматели квартиръ или живущіе безъ своей квартиры, ничтожное меньшинство—домовладѣльцы. Ясно, что интересы этихъ группъ прямо противоположны. Верхъ вездѣ

имѣють домовладѣльцы, какъ болѣе богатый лагерь. И вотъ въ зависимости отъ нихъ находится все, можно сказать, городское населеніе. Кое-гдѣ, въ томъ числѣ и у насъ, этотъ же классъ домовладѣльцевъ держитъ, кромѣ того, въ своихъ рукахъ и городское хозяйство, причемъ, конечно, домовладѣльческіе интересы опять-таки стоятъ на первомъ планѣ и заслоняютъ интересы массы жителей. Понятно, что на Западѣ началась между домовладѣльцами и горожанами война не на животь, а на смерть. Тамъ, гдѣ думы не въ рукахъ домовладѣльцевъ, эта борьба выразилась въ томъ, что города сами начали строить дома. Начали, конечно, съ бѣдныхъ. Бѣдный дороже во много разъ платитъ за квартиру, чѣмъ богатый, въ томъ смыслѣ, что квадратная единица пола и кубическая единица емкости квартиры дороже въ бѣдныхъ квартирахъ, чѣмъ въ богатыхъ. Дороже всѣхъ платитъ, какъ это ни странно слышится, бездомный людъ, ютящійся въ ночлежныхъ приютахъ! Поэтому и болѣе выгодными для домовладѣльцевъ считаются дома, гдѣ живетъ нищета.

Понятно, что съ нихъ и начали. Строить ночлежные дома, куда низшіе слои населенія приходятъ ночевать. Это помѣщеніе имъ замѣняетъ ночевки подъ открытымъ небомъ.

Параллельно съ этимъ поднять вопросъ о жилищахъ для рабочихъ. Тутъ вмѣшались государства (далеко, конечно, не вездѣ и въ достаточной мѣрѣ), заставивъ позаботиться объ этомъ самихъ фабрикантовъ и заводчиковъ. Я бывалъ въ жилищахъ фабричныхъ рабочихъ въ Москвѣ, Баку и другихъ мѣстахъ, и могу сказать, что краски Бертенсона слабы. Кое-гдѣ условія ихъ жизни прямо невозможны. Теперь у насъ по собственному почину фабрикантовъ кое-гдѣ устраиваются жилища для рабочихъ. Строятся и казармы, и отдѣльные домики для семейныхъ съ правомъ выкупа. За границей это за послѣднее время кое-гдѣ сдѣбалось правиломъ, у насъ это — пока исключеніе.

Но вопросъ о жилищахъ не исчерпывается бездомными и рабочими. Многіе могутъ имѣть платную квартиру, но, попадая въ сырыя помѣщенія, часто умираютъ и теряютъ дѣтей, причемъ до всего этого нѣтъ дѣла домовладѣльцу. И до этого очень

многочисленнаго разряда горожанъ дошли заботы муниципалитетовъ. Строятъ городскіе дома съ дешевыми квартирами. Кое-гдѣ эти дома начали конкурировать съ домами частныхъ владѣльцевъ, вызывая ихъ бессильную злобу. Квартиры дѣлаются лучше и дешевле. Пока шаги, сдѣланные муниципализаціей на этомъ пути еще очень ничтожны.

Тамъ, гдѣ думы не хотятъ или не могутъ строить такіе дома, тамъ за границей во многихъ мѣстахъ на помощь пришла кооперация.

Составляются союзы, которые строятъ дома въ кредитъ, и, живя въ нихъ, за двадцать или болѣе лѣтъ становятся ихъ собственниками. Въ особенности распространяется такое строительство въ Даніи. У большого дома являются хозяевами сами квартиранты. Конечно, это разрѣшеніе вопроса хуже, чѣмъ городскіе дома, потому что путемъ отчужденія и скопленія правъ въ однѣхъ рукахъ можетъ потеряться общинный характеръ домовладѣнія. Часто трудно бываетъ провести грань между спекуляціей, благотворительностью и кооперацией.

Несомнѣнно, муниципальные дома скорѣе, лучше и ближе ведутъ къ цѣли. Дорого, что за бѣднотой будетъ вездѣ признано право на дешевое, сухое, гигиеническое и приличное жилище. А что это право устанавливается понемногу въ народномъ сознаніи, видно изъ того, какъ за границей часто проявляются эти требованія.

Да, время идетъ скоро, но скоро идетъ и прогрессъ, и можетъ быть и намъ суждено дожить до муниципализаціи жилищъ. Дай-то Богъ.

XXXVII.

Городскія земли.

У русскихъ городовъ очень мало земли. Это фактъ, который легко удостовѣрить при статистическомъ подсчетѣ городскихъ владѣній. За границей земли гораздо больше. Объясняется это

неустройствомъ нашихъ городскихъ обществъ въ тѣ блаженныя времена, когда земля ничего не стоила и надѣлялась тому, кто не лѣнился ее брать. Теперь у многихъ городовъ нѣтъ ни пяди земли, куда бы выгнать городское стадо. «Куренка некуда пустить»,—сказали бы крестьяне изъ «Плодовъ Просвѣщенія». А чтобы города владѣли имѣніями, лѣсами, которые эксплуатировали бы путемъ сельско-хозяйственнымъ или разрабатывая нѣдра, объ этомъ почти-что и не слышать.

Есть, наоборотъ, города, и не маленькіе, какъ Бѣлая Церковь, которые всецѣло сидятъ на частновладѣльческой землѣ. Городской земли собственно нѣтъ совсѣмъ. И такъ живутъ десятки тысячъ людей. Правда, владѣніе такое, хотя и частное, нѣсколько ограничено, такъ что выселить, на примѣръ, всѣхъ горожанъ владѣлецъ не можетъ; но, какъ-никакъ, домовладѣлецъ своего участка имѣть не можетъ и долженъ при пріобрѣтеніи его въ аренду вѣдаться не съ городскимъ самоуправленіемъ, а съ частнымъ лицомъ! Думается, что этотъ порядокъ своевременнымъ назвать нельзя, и что давно долженъ бы быть поставленъ на очередь вопросъ о принудительномъ отчужденіи такихъ земель. Какъ бы дорого оно ни обошлось, но уплата процентовъ на затраченный капиталъ во всякомъ случаѣ была бы гарантирована арендной платой.

Есть два разряда городскихъ земель: застроенныя и незастроенныя. Способъ оцѣнки ихъ совсѣмъ другой. Застроенная земля цѣнится по цѣнѣ домовъ, квартиръ. Цѣна квартиръ должна составлять извѣстный процентъ цѣны дома, взятой вмѣстѣ съ цѣной земли. Цѣна квартиръ мѣняется, смотря по городу, по удобству ея расположенія въ центрѣ и т. д. Соответственно съ этимъ мѣняется и цѣна земли отъ дешевой усадьбы окраины провинціального города до баснословныхъ цѣнъ Невскаго проспекта.

Совсѣмъ другая оцѣнка незастроенной земли. Будучи подъ выгономъ или подъ огородомъ, она можетъ цѣниться лишь какъ сельско-хозяйственный участокъ. Какъ ни интенсивна будь огородная культура, какъ ни дороги овощи вблизи крупныхъ цен-

тровъ, но все же это земля, которая цѣнится по приносимому ею сельско-хозяйственному доходу; нельзя ее поэтому сравнивать съ землей застроенной, о которой я и собираюсь сказать нѣсколько словъ.

Если вы обратитесь къ исторіи чуть ли не любого городского участка, хотя бы и въ центрѣ большого города, то окажется, что въ частное владѣніе онъ перешелъ или законнымъ путемъ, или захватомъ. Законный путь въ дореформенныя времена не былъ очень труденъ, и предприимчивый человекъ (а городскими участками, хотя бы незастроенными, всегда завладѣвали умные люди, предвидѣвшіе возрастаніе ихъ цѣнности) могъ всегда очутиться владѣльцемъ одного или нѣсколькихъ участковъ. Но и послѣ городской реформы, да и въ настоящее время такіе же предприимчивые люди рукъ не складываютъ. И теперь присматриваются участки, большею частью пустопорожниые, но многое современемъ обѣщающіе. И вотъ иногда присматривающій въ одно прекрасное утро является владѣльцемъ этого участка, при чемъ все нужное сдѣлано: и отчетка соотвѣтствующей комиссіей, и заключеніе управы, и согласіе думы, и утвержденіе начальства. Посмотрите во всей Россіи, и вы увидите, что первыми законными владѣльцами являлись такіе именно предприимчивые люди.

Незаконно завладѣвали и завладѣваютъ до сихъ поръ земли тоже предприимчивые люди, но нѣсколько другой категоріи. Эти дѣйствуютъ безъ покровительства комиссій, управъ и думъ, а просто захватятъ себѣ участокъ или прирѣжутъ къ своему участку кусочекъ незастроенной и плохо лежащей, городской земли. Тутъ бываютъ разные выходы: недосмотръ ближайшаго завѣдывающаго, а затѣмъ давность, а то и просто *ius primi occupantis*. Почему, если право перваго захвата допускается международнымъ правомъ съ распространеніемъ этого права на цѣлыя чуть ли не континенты, признаваемые за *res nullius*, хотя бы они были густо заселены неевропейской расой, почему этому праву не быть признаннымъ по отношенію къ городскому участку, къ тому же ненаселенному никѣмъ?

Да успокоится читатель: это право часто признается, и при томъ въ самыхъ благоустроенныхъ городахъ и въ самое послѣднее время. А уже по признаніи права происходитъ процедура его узаконенія въ разныхъ инстанціяхъ.

Впрочемъ, надо правду сказать, есть еще третій способъ пріобрѣтенія земли: по плану—правильно составленному и съ правильно произведенныхъ торговъ. Здѣсь могутъ получить участокъ люди и менѣе предприимчивые. Дѣлается это, правда, въ думкахъ, гдѣ царить, несмотря на все, злобредный духъ интеллигентности.

Если помѣщикъ покупаетъ землю, то первое, что онъ дѣлаетъ, это—опять планъ этой земли съ обозначеніемъ различныхъ угодій, качества земли въ различныхъ мѣстахъ, количества вывезеннаго удобренія и т. д. Безъ подробнаго плана трудно хозяйничать. Затѣмъ онъ дѣлаетъ инвентарь всего имущества.

То же самое надо сказать и о городскихъ земляхъ. Первое, что нужно сдѣлать, это—подробный планъ и подробный инвентарь. Сажень городской земли стоитъ столько же, сколько десятина полевой. Ясно, что и тщательность, съ которой этотъ инвентарь долженъ быть сдѣланъ, должна соответствовать стоимости земли. При абсолютной точности плана каждый участокъ земли долженъ быть точно оцѣненъ и опредѣленъ въ отношеніи землевлдѣнія. Оцѣнка должна быть не на глазъ сдѣлана, а строго обоснована на выработанныхъ статистикой нормахъ. Затѣмъ должно быть установлено, кому участокъ принадлежитъ, городу или частному лицу, застроенъ кѣмъ, и какія отношенія этого частнаго лица къ городу, т.-е. насколько твердо установлены его права владѣльца или арендатора. Если эти права не вполне твердо обоснованы, то надо знать, въ какой стадіи находится съ ними судебное дѣло города—отъ еще непредъявленнаго, но необходимаго иска до полученнаго и еще неисполненнаго исполнительнаго листа включительно. Чѣмъ дробнѣе участки обозначены въ инвентарѣ, тѣмъ лучше, тѣмъ удобнѣе систематизація.

Все это, какъ будто, азбука дѣла. Какъ же, спросить незнающій читатель, быть безъ инвентаря, т.-е. безъ описи гро-

мадныхъ денегъ стоящаго имущества? Между тѣмъ, правильно составленнаго инвентаря вы во многихъ городахъ не найдете. Ясно, что возможны при этомъ незаконное владѣніе и захваты, возможно, что арендаторы сидятъ на участкахъ и пользуются ими безъ договоровъ и не платя аренды; возможны, наконецъ, владѣнія, неизвѣстныя ни управѣ, ни ея агентамъ.

Что же говорить про хозяйство, когда не только пропадаютъ доходы, но и не въ безопасности цѣнное городское имущество—земли? А между тѣмъ такъ оно ведется кое-гдѣ и въ большихъ городахъ.

Говорите послѣ этого, что денегъ нѣтъ на школы, на больницы, на мостовыя! Поневоля денегъ не будетъ!

Часто возникаетъ вопросъ: какъ долженъ городъ располагать своими землями—отчуждать въ частную собственность или ограничиваться долгосрочной арендой? За отчужденіе говорить то, что охотнѣе строятся на своей собственной землѣ, чѣмъ на арендованной. Постройки дѣлаются фундаментальнѣе, прочнѣе, красивѣе, навѣкъ. За аренду говорить несомнѣнное убѣжденіе, что черезъ нѣсколько десятилѣтій цѣна арендная поднимается во много разъ. Дать этому вопросу общее рѣшеніе очевидно нельзя.

Цѣны на городскія земли, въ особенности въ центрахъ большихъ городовъ, искусственно подняты до невѣроятныхъ размѣровъ. Высота этихъ цѣнъ, очевидно, въ зависимости отъ спроса на эту землю. Думаю, что этотъ спросъ не соответствуетъ дѣйствительной потребности. Слишкомъ дорого цѣнится удовольствіе быть въ самомъ центрѣ. Когда сообщеніе между различными отдаленными другъ отъ друга частями города было затруднено, не было хорошихъ мостовыхъ и тротуаровъ, не было удобныхъ и дешевыхъ экипажей, тогда понятно, что всякій старался быть у центра, чтобы меньше терять времени и силъ на ходьбу. Но съ улучшеніемъ способовъ сообщенія разниа между окраиной и центромъ уменьшается. Для уясненія положенія приведу примѣръ.

Городъ занимаетъ тридцать квадратныхъ верстъ. Вслѣдствіе стремленія къ центру, т.-е. скупиванія, городъ вышелъ шестиэтажный съ плотно другъ къ другу прижавшимися домами безъ

садовъ и площадей. Улицы узки, городъ мраченъ. Цѣна квадратной сажени въ среднемъ пустъ будетъ двѣсти рублей.

Теперь вообразимъ, что этотъ же городъ, съ тѣмъ же населеніемъ, построенъ не на тридцати, а на двухстахъ сорока квадратныхъ верстахъ, т.-е. на пространствѣ въ восемь разъ больше.

То же количество домовъ построено уже не шестизэтажныхъ, а трехъэтажныхъ, при чемъ дома занимаютъ вдвое большее пространство. Кромѣ того, у каждаго дома садъ на пространствѣ втрое больше, чѣмъ самъ домъ. Городъ утопаетъ въ зелени, гигиениченъ, веселъ. Цѣна всего города будетъ приблизительно та же, что и перваго, но цѣна сажени будетъ въ восемь разъ меньше. Спрашивается, какой городъ будетъ лучше? Очевидно второй, при условіи, конечно, наиудобнѣйшихъ путей сообщенія. Ту же самую теорію можно примѣнить и къ центрамъ большихъ городовъ. Теперь мода на центральныя улицы, мода, оставшаяся отъ временъ бездорожья.

Сдѣлаю еще замѣчаніе: я думаю, что для города имѣть, положимъ, большой садъ въ самомъ центрѣ не только не есть роскошь, но не ложится ни одной копейкой стоимости этой земли на городскую кассу. Намъ скажутъ, что этотъ садъ можно продать по дорогой цѣнѣ подъ застройку доходными домами. Пусть будетъ такъ, но въ случаѣ продажи какъ разъ на ту же сумму дешевле будутъ городскія земли остальной части города. Стоимость земли незастроеннаго сада или площади въ той же суммѣ распространяется на остальные городскія земли. Ибо, очевидно, тѣ лица, которыя купили бы этотъ садъ подъ застройку, должны поселиться въ другихъ мѣстахъ, теперь незастроенныхъ, и тоже поднять цѣнность этой окраины, частью непосредственно затративъ сумму (конечно, меньшую) на покупку земли, частью косвенно поднявъ цѣну земли своихъ новыхъ сосѣдей.

Поэтому, если городъ строить зданіе на своей собственной землѣ, то въ расчетъ стоимость земли брать не слѣдуетъ. Пусть мы строимъ школу въ центрѣ. Какъ бы дорога земля ни была,

мы при вычисленіи стоимости помѣщенія школы процентовъ съ земли класть не должны, а должны только списать проценты съ погашеніемъ самой постройки, помня, что стоимость земли въ той же суммѣ намъ вернулась вздорожаніемъ остального пространства города.

Выкупая частныя владѣнія въ центрѣ, хотя бы для разведенія садовъ, городу опять-таки нечего жалѣть денегъ на заемъ въ той части, какую стоитъ земля. Очевидно, чистой потерей будетъ выкупъ зданія на сломъ, но собственно землю выкупить выгодно, опять-таки по тому же расчету, что вздорожаетъ остальная земля.

Люди очень неохотно сбрасываютъ съ себя старыя привычки. Привыкли тѣсниться ближе другъ къ другу и продолжаютъ по инерціи, несмотря на облегченіе сношеній и на явную выгоду въ санитарномъ отношеніи жить какъ можно просторнѣе.

Но трудно сомнѣваться, что современемъ типъ города измѣнится, и будутъ строиться города на подобіе дачныхъ мѣстъ.

Примѣръ того намъ уже данъ Америкой. Америка — страна будущаго въ томъ смыслѣ, что она намъ показываетъ, какъ мы будемъ жить впоследствии. Тамъ есть города, гдѣ при каждомъ домѣ обязательны сады. Эта обязательность необходима, чтобы такой городъ сохранилъ видъ деревни. А то само собою разумѣется, что частные расчеты опять будутъ жителей побуждать сначала тѣсниться, а затѣмъ мало-по-малу лѣзть вверхъ. Нужно, чтобы закономъ была опредѣлена та часть, которая можетъ быть застроена, та, которая должна остаться подъ садомъ.

Съ другой стороны, Лондонъ показываетъ, что центръ города мало-по-малу перестаетъ быть жилымъ. Въ Сити, т.-е. торговой части Лондона, такъ дороги земля и дома, что они сплошь занимаются магазинами, конторами, банками. Жить въ нихъ перестаютъ.

То же стало замѣчаться и у насъ на Невскомъ. Распространяя это, нельзя ли себѣ такъ нарисовать картину будущаго города? Центромъ будутъ служить теперешніе города, которые превратятся сплошь въ торговыя помѣщенія. Сюда будутъ днемъ

стекаться люди дѣла дѣлать. А ночи они будутъ проводить въ будущей, жилой части города, которая кольцомъ окружить торговую часть и будетъ построена по типу деревни. Только тогда можно будетъ говорить о настоящей гигиеничности города. Только тогда уменьшится смертность.

Къ тому времени позаботятся, чтобы трамваи были быстрѣе, безопаснѣе и даровые.

XXXVIII.

Пожарная часть и страхованіе.

Россія страна пожаровъ. Въ особенности замѣтно это въ деревнѣ. Мнѣ приходилось въ одинъ день видѣть по нѣскольку пожаровъ. То тамъ, то сямъ на горизонтѣ поднимется столбъ дыма, или ночью покраснѣетъ небосклонъ. Глядь, черезъ какіе-нибудь полчаса или часъ все пришло въ норму. Пожаръ кончился; сгорѣло нѣсколько избъ. Рѣдкій старикъ за свою жизнь не горѣлъ двухъ-трехъ разъ.

Не отстаютъ и города. Каждый годъ нѣсколько городовъ выгораютъ до тла. Газеты, по привычкѣ, регистрируютъ миллионные убытки, образуется мѣстный благотворительный комитетъ, который собираетъ весьма мало денегъ... и дѣлаетъ конецъ. Кое-какъ погорѣльцы обзаводятся новыми постройками и пожара какъ бы и не было. О такомъ пожарѣ говорятъ мало и не долго. Даже въ случаѣ человѣческихъ жертвъ это никого не удивляетъ. Вѣдь привыкнуть ко всему можно.

Впрочемъ, кое-гдѣ за послѣднія десять лѣтъ начали довольно много говорить о пожарахъ, но это дѣло моды особыхъ любителей. И отъ любителей бываетъ польза дѣлу, но польза эта незначительная. Россія и сельская и городская горитъ попрежнему. Статистика регистрируетъ пожары. Оказывается, что растеть число пожаровъ и сумма убытковъ; уменьшается средняя сумма убытковъ отдѣльнаго пожара. Какъ будто растеть воспламеняемость, а параллельно съ ней и средство борьбы. Мо-

жетъ быть это такъ, а можетъ быть есть другія причины указанныхъ явленій. Со статистикой надо обращаться осторожно, какъ съ огнемъ. А то какъ разъ сдѣлаешь невѣрное заключеніе.

Пожарное дѣло дѣлится на двѣ части: мѣры предохранительныя и оборонительныя. Надо признаться, что мы не можемъ похвалиться правильной постановкой ни тѣхъ, ни другихъ.

Статистика— на этотъ разъ неоспоримо—показываетъ, что, смотря по матеріалу, изъ котораго возведены постройки, число сгорѣвшихъ зданій различно. Каменныхъ крытыхъ желѣзомъ зданій сгораютъ въ нѣсколько разъ меньше, чѣмъ деревянныхъ, въ особенности крытыхъ соломой.

Предупредительныхъ мѣръ много: сюда относятся всевозможные законы строительные, касающіеся какъ внѣшняго, такъ и внутренняго расположенія домовъ, законы о храненіи взрывчатыхъ и огнеопасныхъ вещей, разные составы, стремящіеся сдѣлать предметы огнеупорными; но изъ нихъ дѣйствительное значеніе имѣетъ только одна мѣра—дерево замѣнять камнемъ, а солому—желѣзомъ. Только тогда уменьшится и число пожаровъ и количество сгораемыхъ построекъ въ каждомъ отдѣльномъ пожарномъ случаѣ. Россіи изъ деревянно-соломенной надлежитъ превратиться въ желѣзо-каменную. Почему эта метаморфоза не дѣлается скорѣе? Вѣдь не можетъ не сознавать населеніе польза ея?

Нѣкоторые легкомысленные люди думаютъ, что русскій народъ сейчасъ бы это все и сдѣлалъ, да не умѣетъ! Стоитъ показать ему, какъ дѣлаются огнестойкія постройки и онъ сейчасъ же весь преобразуется. Думаю, что причины окажутся гораздо глубже, если послѣдовать совѣту Козьмы Пруткова и „посмотрѣть въ корень“.

Сдѣлать Россію огнеупорной—несомнѣнно одна изъ задачъ Особаго Совѣщанія по сельскому хозяйству. И Особому Совѣщанію удастся на этомъ поприщѣ сдѣлать что-либо крупное только въ томъ случаѣ, если „посмотрѣть въ корень“. Тутъ нужно, во-первыхъ, поднятіе культурности народа, которая заставитъ его

бережнѣе относиться съ огнемъ, лучше воспитывать дѣтей, устраивать ясли и пр. и пр.; во-вторыхъ, нужно поднятіе общаго уровня благосостоянія, чтобы народъ не только понялъ пользу огнеупорной постройки и захотѣлъ ее имѣть, но и могъ осуществить свое намѣреніе. Въ-третьихъ, чтобы возможны были подъемъ и культуры и благосостоянія, нужно развитіе общаго самосознанія, нуженъ общій подъемъ духа, нужна возможность самодѣятельности... Вотъ гдѣ оказывается корень-то Козьмы Пруткова!

Почти къ тому же мы придемъ, если разсмотримъ оборонительныя мѣры противъ пожаровъ. Вѣдь всякому ясно что нужно:

1) Нужно, чтобы пожаръ при самомъ его возникновеніи сейчасъ же самъ потухъ, безъ человѣческой помощи. Достигается это системой крановъ, изъ которыхъ подъ вліяніемъ тепла начинается течь вода. Насколько такая система въ Америкѣ дѣйствительно останавливаетъ пожары при самомъ ихъ возникновеніи—не знаю.

2) Если это средство не помогло, надо, чтобы пожаръ могъ быть остановленъ въ самомъ началѣ домашними средствами. Для этого опять же нужны многочисленные краны въ разныхъ мѣстахъ квартиры, т.-е. опять же вода, такъ какъ тушеніе углекислотой мало практично.

3) Одновременно съ тушеніемъ домашними средствами нужно, чтобы пожарные моментально извѣщались о пожарѣ электрической сигнализацией. Надо, чтобы такая сигнализация всегда была подъ рукой.

4) Нужно, чтобы пожарные были на пожарѣ по возможности немедленно, и чтобы все у нихъ было оборудовано въ совершенствѣ, до паровыхъ трубъ и электромоторовъ включительно. Особаго совершенства требуетъ техника спасанія людей.

5) Главное—это, чтобы вездѣ на мѣстѣ было какъ можно больше воды, которая сильнымъ напоромъ достигала бы крыши самыхъ высокихъ домовъ. Чѣмъ больше воды, тѣмъ меньше сгоритъ, тѣмъ скорѣе пожаръ прекратится.

Все, слѣдовательно, сводится къ двумъ требованіямъ: пре-

красному техническому оборудованію пожарныхъ частей и прекрасному водоснабженію, которое бы давало массу воды, не прекращая самой сильной своей работы по обычному водоснабженію. Техническое оборудованіе стоитъ дорого. Сюда входятъ и опытные и смѣлые люди, и сытыя, быстрыя лошади, и всевозможныя машины и приспособленія. Но, какъ-никакъ, это все завести не такъ уже трудно. А какъ имѣть нужное море воды, да еще всегда подъ рукой?

Для этого нужна прекрасная сѣть водоснабженія. А какой городъ въ Россіи можетъ похвалиться своимъ водоснабженіемъ, даже въ количественномъ отношеніи? А чего стоитъ такое водоснабженіе? Стоитъ ли всякому городу его имѣть?

Дѣло въ томъ, что когда стоимость городского имущества на единицу городской площади очень высока (я подразумѣваю цѣну и домовъ и движимаго имущества), то можетъ быть расчетъ затратить много денегъ на водяную сѣть, въ видахъ предохраненія этого имущества отъ пожара. Но у насъ, гдѣ площадь городовъ большая и потребуетъ длинной сѣти, а имущество, которое подвергается риску сгорѣть сравнительно не очень цѣнно, еще вопросъ: стоитъ ли устраивать такую сѣть. Въ большинствѣ случаевъ выгоднѣе дать городу горѣть и рисковать даже большими пожарами, чѣмъ затрачивать громадныя капиталы на водоснабженіе. Это и есть главная причина почему вода не проводится. Крикъ «воды нѣтъ, воды нѣтъ» на пожарѣ деревенскомъ или въ маленькомъ городѣ объясняется очень просто: городу выгоднѣе рискъ пожара, чѣмъ затраты на воду. Поэтому для хорошаго водоснабженія онъ, если бы и захотѣлъ, не найдетъ достаточно денегъ.

Но опять повторяю: главное, что нужно, чтобы не было пожаровъ, это—огнеупорныя постройки. Слыхали ли что на Кавказѣ про опустошительные пожары? Врядъ ли. Да какъ Кавказу и горѣть, когда отъ самаго маленькаго аула до большихъ городовъ каждый поселокъ представляетъ изъ себя груды камней, гораздо болѣе дешевыхъ, чѣмъ дерево и солома?

Мнѣ очень нравится во Франціи одна организація. Это—что

пожарными являются солдаты, состоящіе на государственной службѣ. У насъ команды стоятъ дорого, а поэтому мы стараемся сократить штатъ служащихъ въ ущербъ дѣлу. Во Франціи служба пожарнымъ это—родъ военной службы. Есть же у насъ небольшія команды конвойныхъ. При каждой тюрьмѣ есть такая команда. Почему бы не быть и пожарнымъ командамъ? Солдату, гдѣ ни служить—все равно, и я увѣренъ, что многіе записались бы добровольцами въ такія команды. Такъ какъ служба въ качествѣ пожарнаго, какъ болѣе сознательная, вѣроятно, была бы имъ пріятнѣе. Это было бы очень полезно. Облегчивъ города въ содержаніи пожарныхъ, тѣмъ самымъ дали бы возможность въ нѣсколько разъ увеличить численность командъ, безъ ущерба для качества людей, такъ какъ можно бы брать самыхъ ловкихъ и смѣлыхъ людей.

Говоря о пожарныхъ, не могу не остановиться на вопросѣ, который считаю очень важнымъ, это—вопросъ о страхованіи ихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Никто своимъ здоровьемъ и цѣлостью своихъ членовъ не рискуетъ, какъ пожарный, и притомъ за столь ничтожное вознагражденіе. Поэтому никто не заслуживаетъ, чтобы возможность существованія была заранее гарантирована ему въ случаѣ потери имъ трудоспособности и его семьѣ въ случаѣ его смерти. Существуетъ въ Россіи особое общество «Голубого Креста», которое вѣдаетъ дѣломъ помощи пожарнымъ въ томъ числѣ и ихъ страхованіемъ. «Голубой Крестъ» страхуетъ пожарныхъ отъ смерти и несчастныхъ случаевъ дешевле сравнительно съ другими обществами. Городамъ не слѣдуетъ скупиться назначать какъ можно большія суммы на это святое дѣло.

Пока города горятъ, потому что не сумѣли сдѣлаться огнеупорными, пока пожары принимаютъ такіе ужасные размѣры, потому что нѣтъ воды—лучшимъ предохранительнымъ средствомъ является страхованіе имущества движимаго и недвижимаго отъ огня. Положеніе этого дѣла въ Россіи очень и очень не отрадное.

Частное страхованіе въ рукахъ синдиката, неимовѣрно под-

нявшего страховая премія. При такихъ преміяхъ обществамъ, казалось бы, остается только богатѣть и пользоваться своимъ положеніемъ. Между тѣмъ и этого нѣтъ. Дѣла обществъ далеко не такъ блестящи, это какъ бы и извиняетъ высокія преміи и перестрахованіе за границей. Я говорю «какъ бы» потому, что несоотвѣтствіе дивиденда и премій проистекаетъ отъ громаднаго количества накладныхъ расходовъ на мѣстахъ, которыхъ можно бы и слѣдовало бы избѣжать.

Еще хуже идутъ дѣла тѣхъ обществъ, которыя хотѣли-было вести дѣла самостоятельно, внѣ синдиката. Такое веденіе дѣла доказало свою несостоятельность.

Понятно, что общество всячески стремилось снять съ себя иго страхового синдиката. На этой почвѣ родились земское страхованіе и городское страхованіе. Городское страхованіе называется обыкновенно взаимнымъ, такъ какъ дѣло это построено на принципѣ взаимности, причемъ хозяевами его являются сами страхователи.

Преміи взаимнаго страхованія гораздо ниже, чѣмъ преміи частныхъ обществъ и пожаловаться на то, чтобы дѣла шли плохо, такія общества не могутъ. Тѣмъ не менѣе имъ плохо довѣряетъ общество, вѣроятно, вслѣдствіе недостаточности ихъ основнаго капитала. Только уже въ случаѣ совсѣмъ изъ ряда вонъ выходящаго пожара можно указать на примѣръ несостоятельности общества взаимнаго страхованія. Это было въ Пензѣ года два-три тому назадъ, когда выгорѣлъ почти весь городъ. Тогда всѣ общества взаимнаго страхованія другихъ городовъ сочли нужнымъ отчисленіемъ извѣстнаго процента премій придти на помощь своему собрату.

Этотъ примѣръ показываетъ, по какому пути должно бы идти дѣло взаимнаго страхованія. Это путь объединенія отдѣльныхъ городскихъ обществъ въ одинъ союзъ русскихъ городовъ. Въ настоящее время отдѣльный городъ представляетъ изъ себя слишкомъ маленькое страховое поле. Примѣръ Пензы показываетъ, что одного пожара довольно, чтобы всѣ разорились. Если бы каждый отдѣльный рискъ былъ распределенъ на всѣхъ равно-

мѣрно, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что дѣло пошло бы еще лучше и преміи могли бы еще быть уменьшены.

Еще разъ приходится сожалѣть, что города хотя бы на почвѣ чисто хозяйственныхъ интересовъ, какъ страхование, не могутъ до сихъ поръ имѣть между собою общенія.

Въ земскомъ страхованіи, гдѣ въ каждой отдѣльной губерніи много сотенъ сель и гдѣ поэтому не можетъ выгорѣть заразъ не только все, но и большая часть застрахованнаго имущества, и то пришли къ убѣжденію, что дѣло выиграетъ отъ объединенія страхованія на нѣсколько сосѣднихъ губерній. На этомъ пути уже сдѣланъ первый шагъ. Въ городахъ же, къ сожалѣнію, не только не приступлено къ такому объединенію, но въ настоящее время не можетъ даже быть ни малѣйшей надежды на то, что оно сдѣлается возможнымъ въ ближайшемъ будущемъ.

Въ будущемъ идеаль страхованія будетъ таковъ. Все должно быть обязательно застраховано отъ всякаго несчастія, огня, смерти, разоренія, болѣзни и т. д. Тогда только дѣйствіе этихъ несчастій будетъ равномерно разложено на всѣхъ людей, чѣмъ по возможности облегчатся страданія отдѣльныхъ людей, будучи доведены до минимума.

Тутъ два требованія: обязательность и объединеніе. Принципъ обязательности безусловно принять наукой. У насъ онъ уже введенъ въ земствѣ. Чтобы онъ могъ быть введенъ и въ городахъ, нужна абсолютная гарантія того, что средствъ хватитъ, а для этого-то и нужно, чтобы всѣ города объединились.

Въ страховомъ дѣлѣ надо стремиться къ тому, чтобы оно было взято въ руки цѣлыми государствами. Только тогда въ достаточной мѣрѣ понизятся преміи.

